

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Glinka, S N.

РУССКОЕ ЧТЕНИЕ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ

XVIII и XIX СТОЛѢТІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Сергіемъ Глинкою.

Съ требованіями просить обращаться къ
Лаву Петровичу Столянскому въ С.-Петербургѣ,
по Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста, № 88 въ № 24.

Главный складъ всѣхъ изданій находится въ
книжномъ магазинѣ Товарищества «Общественная
Польза.» Миліонная, д. № 5-ый.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

ВН

D210
G5
v1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ 20 Января 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

672870

ТИПОГРАФІЯ ШТАБА ОТЕЧЕСТВЕННАГО КОРПУСА ВЪНТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ РУССКАГО ЧТЕНІЯ.

	Стран.
Исторія зеркала Петра I и любовь Его къ правдѣ	1
Петръ I и Историкъ Татищевъ Астраханскій Губернаторъ	33
Походъ Князя Юрія Владиміровича Долгорука- го въ Черногорію (отрывокъ изъ собствен- норучныхъ его записокъ).	57
Чесменскій бой, описанный Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукиимъ	67
Замѣчаніе о Князѣ Таврическомъ	75
Черты изъ жизни Князя Григорія Александро- вича Потемкина-Таврическаго	83
Сношенія Князя Таврическаго съ Яковомъ Ива- новичемъ Булгаковымъ	105
Сношенія Александра Васильевича Суворова съ Княземъ Таврическимъ	117
Европейская политика XVIII столѣтія и посыл- ка Баура въ Парижъ 1788 года	127
Послѣдніе дни жизни Князя Потемкина-Тавриче- скаго (разсказъ самовица)	137
Ганнибалъ, Генералъ Бонапартъ и Суворовъ въ Италіи	145

	Стран.
Кареагентъ и Ганнибалъ	155
Генералъ Бонапартъ въ Италиѣ, 1796 и 1797 г.	169
Начало военныхъ дѣйствій на Средиземномъ морѣ, и отправленіе Суворова въ Италію 1799.	179
Суворовъ въ Вѣнѣ	185
Суворовъ идетъ по слѣдамъ Генерала Бонапарта.	189
Людовикъ XVIII въ Митавѣ и превратность судьбы Суворова въ Италіи	195
Ръшительная просьба Суворова объ отставкѣ .	203
Заключеніе. Судьба Ганнибала, Суворова и Наполеона.	209
Черты изъ жизни Графа О. В. Растопчина . .	215
Поездка въ село Вороново.	223
Разсказъ Графа О. В. Растопчина о Суворовѣ .	227
Москва и Графъ Растопчинъ 1812 года . . .	237
Анекдоты Графа О. В. Растопчина о Суворовѣ.	249
Два письма къ брату моему Владиміру Андреевичу Глинкѣ (Разсказъ о Наполеонѣ). . .	257
Взглядъ на событія до 1812 года и о второмъ Сентябрѣ 1812 года	281

Летописцы славятъ въ немъ
и милость безпримѣрную, и
уязвимость, и смиреніе Ан-
гельское, прибавляя, что огор-
чать и презирать людей, было
мукою для его сердца.

Ист. Гос. Росс., новое изд.

1843 г. Т. XI. стр. 127.

Пусть Небо накажетъ меня
за мои страданія за ту минуту,
въ которую оскорблю несчаст-
наго.

*Письмо Русскаго путе-
шественника.*

Ты видѣлъ нашъ двѣнадцатый годъ, но ты
не коснулся двѣнадцатаго года нашихъ предковъ.
Ранняя кончина приостановила твое перо, но и
въ неоконченной исторіи нашего отечества, ты
оставилъ безсмертные памятники разсказа и опи-
санія лицъ, не только разительными, но вѣрны-
ми и истинными чертами.

И миръ праху твоему!

Найдется ли когда нибудь соперникъ творче-
скаго слога твоего, дышущаго выраженіемъ и
полнотою души твоей? (*) Не знаю! Но твоя
неутомимая добросовѣстность въ собраніи при-

(*) Le style est la mise de l'âme en dehors.

Villemain.

(Cours de la littérature Française.)

мѣчаній извлеченныхъ изъ всѣхъ существовавшихъ лѣтописей, многимъ и многимъ открыла пути на поприщѣ исторіи и на всѣхъ стезяхъ отечественной нашей словесности. Ты далъ новое движеніе Русской мысли. Уважаемый тобою историкъ Робертсонъ говорилъ, что «если бы поэтъ Фернейскій означалъ источники, откуда почерпалъ свои свѣденія въ Опытѣ о правахъ народовъ, онъ облегчилъ бы половину своего труда.» Ты ничего не скрывалъ, ты не потаилъ сокровищъ великаго труда своего и теперь продолжаемого; ты для всѣхъ снялъ завѣсу съ вѣковъ исторической жизни земли Русской.

И миръ праху твоему! Ты и теперь еще живешь этою заветною жизнію.

Не удивляюсь! Еще въ прекрасной веснѣ лѣтъ своихъ, путешествуя по областямъ Европейскимъ, ты зоркою мыслию вычитывалъ будущую ихъ судьбу. И среди волненія Царствъ и народовъ, сердце твое сказало всѣмъ и каждому:

«Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,

«Тотъ радость и любовь найдетъ во всѣхъ странахъ.»

Подъ очаровательнымъ небосклономъ древней Греціи на преддверіи храма Дельійскаго сіяла изъ золотыхъ буквъ надпись: «Познавай самого себя.» Изреченіе твое стоитъ на ряду съ этою надписью. Миръ и любовь лелѣли твое сердце. И радость и любовь вездѣ тебя встрѣчали. И превосходные умы XVIII-го столѣтія дѣлились съ тобою изустно сокровищами мысли своей. Чувствительность умножаетъ жизнь. И

III

долго, долго ты жилъ всѣмъ тѣмъ, что прекрасно и въ природѣ и въ человѣчествѣ. Но если бы всѣ жили въ мирѣ и любви не было бы и исторіи. Счастіе людей предпочиталъ ты славѣ великаго писателя.

Миръ и любовь праху твоему! Ты жилъ и въ мирѣ съ самимъ собою и душевною любовью къ родному краю и къ человѣчеству!

По живому предчувствію безсмертія своего, ты сказалъ въ исторіи своей: «душа не умираетъ.» Твоя душа живетъ въ сердцахъ твоего семейства и перейдетъ въ потомство въ твореніяхъ мысли и пера твоего.

А я повторю собственныя слова твои: «Меня не будетъ, но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мирѣ; любезный, нѣжнообразованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце.

Миръ праху твоему!

И какъ счастливъ тотъ, кто и въ веснѣ лѣтъ своихъ и на прощаньи съ жизнью могъ сказать: «пусть небо накажетъ меня годомъ страданія за ту минуту, въ которую оскорблю несчастнаго.»

Незабвенный! это твои слова. Ты въ нихъ выразилъ всю душу свою и съ ними изъ юдоли превратностей земныхъ, перешелъ въ миръ лучшій.

На прощаньи съ жизнію предлагаю новый трудъ, можетъ быть слабый, но съ тою же цѣлю, чтобы оживлять доблести Отечественныя и доставлять что нибудь полезное для всѣхъ сословій общественныхъ.

Жизнь Отечественная—жизнь нераздѣльная отъ палатъ до хижинъ. Соединеніе мыслей, душъ и сердець подкрѣпляютъ и сохраняютъ эту жизнь, даруемую намъ Богомъ подъ тѣмъ небоскломъ, гдѣ была колыбель наша, гдѣ прахъ нашихъ отцевъ, и гдѣ мы въ свой урочный часъ сойдемъ въ могилу.

Но любовь къ родинѣ, любовь къ Отечеству не исключаетъ общей любви къ человечеству, завѣщанной Христомъ Спасителемъ. Гдѣ встрѣтимъ страдальца, тамъ видимъ въ немъ ближняго и брата: и счастлива та рука, которая

II

приподнимаетъ на тернистомъ пути жизни. Небо
видѣло: это было лучшею моею отрадой. Кто
стоитъ у могилы, тотъ не лжетъ. Померкаетъ
мое зрѣніе, но не душа. А душа моя желаетъ:
«Да благоденствуетъ все человѣчество на
«ряду съ нашимъ Отечествомъ.» Съ этимъ
желаніемъ жилъ я — съ нимъ умру.

I.

ИСТОРІЯ

ЗЕРЦАЛА ПЕТРА ПЕРВАГО

И

ЛЮБОВЬ ЕГО КЪ ПРАВДѢ.

Вездѣ и всегда ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ, говорилъ:
«ПЕТРЪ не думаетъ о себѣ, но о томъ: *да живетъ и да благоденствуетъ Россія!*»

Тоже повторялъ и АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ:
«*Любовь народа,*» говорилъ ОНЪ, «*составляетъ для
Меня единственный предметъ, начало и конецъ
всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній.*» (*)

И какъ сладостно отзываются въ сердцахъ слова ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПЕРВАГО, преемника Престола АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО! «*Да исполнится все,*» вѣщаетъ ОНЪ, «*чего для блага Россіи желалъ Тотъ, Коего священная память будетъ питать въ насъ и ревность и надежду, стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ нашихъ.*» (**)

Не умиралъ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ; онъ живетъ въ душахъ потомковъ своихъ.

И такъ обращаюсь къ Преобразователю нашего отечества.

(*) Изъ письма къ Александру Андреевичу Бенкешеву, бывшему Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

(**) Слова изъ Высочайшаго Манифеста отъ 19 Декабря 1825 года.

На различныхъ своихъ путяхъ, исторія указываетъ намъ на необычайныхъ людей, которые, какъ будто по какому то вдохновенію, не видя еще великихъ событій, скопляющихся вдали будущаго, дѣйствуютъ для этихъ незримыхъ событій. Въ числѣ такихъ людей былъ и нашъ Петръ Первый; съ какою торопливостію, съ какою кипящею дѣятельностію на сушѣ и на моряхъ вводилъ онъ тѣ событія въ свой вѣкъ и въ наше *Девятнадцатое столѣтіе*! Вышедъ изъ круга своихъ современниковъ, казался, что онъ шелъ мимо нихъ и великимъ трудомъ своимъ сближался съ нами. Какъ страшился онъ, потерять одинъ день, одинъ часъ, одно мгновеніе! Для этого дѣлнанаго трудолюбца и почъ была днень, онъ все сближалъ быстрою своею мыслію. Съ громаднаго поля Полтавскаго, едва остывшаго отъ огня боеваго, онъ писалъ въ новую свою столицу, на берега Невы: «не мѣшайте переводомъ исторіи *Нувендарфа*».

Между тѣмъ передъ побѣдителемъ Карла XII надаютъ стѣны крѣпостей, по словамъ *Осифа*, волебленныхъ побѣдою Полтавскою. Мысль Петра летитъ далѣе. Онъ обвинялъ на время престолъ на сельскій пріютъ въ *Сардаль* и чреду Царя на чреду работника. Иными исполнителями въ дѣлѣ корабельномъ догналъ онъ своихъ наставниковъ. А вотъ онъ и на берегахъ *Темзы*. И Королева *Анна*, съ изумленіемъ смотря на царственнаго работника говорила приближеннымъ своимъ «за чѣмъ Царь Русскій оставилъ скипетръ для топора?» И не она одна этому дѣ-

вилась, до Петра нашего Европа не встрѣчала такого примѣра. А Онъ, Онъ съ, восхищеніемъ спѣшить отдохнуть отъ труда въ Греничскій госпиталь, гдѣ пьютъ за здоровье *ветерановъ* — *моряковъ* и пріютъ успокоенію ихъ называетъ: «лучшимъ дворцемъ Короля *Вильгельма.*» Въ очахъ Петра Перваго, польза — вѣнецъ обществъ человѣческихъ, не успѣли оглянуться: а онъ въ *Парижъ* и тамъ въ Академіи Наукъ, въ полномъ присутствіи ея членовъ, поправляетъ чертежъ Каспійскаго моря, Онъ и ученикъ и учитель; Онъ и побѣдитель и преобразователь. Но для Него и этого мало.

Приостановимся тутъ, тѣмъ болѣе, что оговорки сами собою сойдутся съ тѣмъ, что будетъ далѣе. Нѣкоторые Французскіе писатели увѣряли, будто бы Петръ Первый, проходя мимо статуи *Ришелье*, управлявшаго и Людовикомъ XIII и Франціей, сказалъ: «Я подѣлился бы съ такимъ Ришелье Царствомъ моимъ.» Не вѣрю этому. *Арманъ Ришелье* въ свой вѣкъ былъ въ непрестанной борьбѣ съ тогдашними Французскими *феодалами* и въ непрерывномъ разлетѣ политическомъ по стариннымъ областямъ Европы. Но гдѣ и та Франція и та Европа? Ихъ прежній быть какъ будто и не бывалъ. Для Франціи же *Ришелье* не оставилъ ни одного сѣмени, которое въ будущемъ могло бы животворно прозябнуть въ ней. Онъ домогался унижать *Астрію*, но это не могло усилить внутренней жизни Франціи. Напрасно также предполагаютъ, будто бы онъ все дѣлалъ одинъ. У него былъ изворотливый чело-

вѣкъ, котораго онъ называлъ «правою своею рукою.» (*)

Снова повторяю, что *Ришелье* изъ семнадцатаго вѣка ничего не передалъ въ осмнадцатое столѣтіе для самостоятельной жизни Франціи. Въ чемъ же бы онъ могъ быть помощникомъ Петру Первому? Рѣшительно ни въ чемъ.

А что *Ришелье* не упрочилъ во Франціи ни одной законодательной черты, вотъ этому и доказательство: 1755 года Министръ Иностранныхъ Дѣлъ *д'Аржансонъ* говорилъ: «во Франціи каждый хлопочетъ только о себѣ и для себя, торговля кипитъ; быстро движутся денежные обороты, а законодательство дремлетъ.»

А вотъ и еще сильнѣйшее доказательство. Въ Іюнь 1790 года одинъ изъ представителей народныхъ, такъ сказать, передъ лицомъ цѣлой Франціи въ рвѣи своей о законодательствѣ произнесъ слѣдующія слова: «осмнадцатый вѣкъ отразилъ блескъ свой на науки и искусства; но ничего не сдѣлалъ для законодательства.» (**)

(*) 1636 года взятіе *Корби* сильно встревожило и весь Парижъ и Карликала *Ришелье*, онъ хотѣлъ бѣжать, но другъ его и наперстникъ *Капуцинъ Іосифъ Ленкертъ де Тримбле* удержалъ его; и когда пронеслась гроза, онъ сказалъ ему: Ne vous avais-je pas dit que vous n'étiez qu'une poule mouillée, et qu'avec un peu de courage et de fermeté vous rétabliriez les affaires. «Не говорилъ я тебѣ, что ты просто *трусишка*.» А когда *Капуцинъ* умеръ, *Ришелье* воскликнулъ: «пропала моя правая рука.»

(**) Le XVIII siècle a éclairé les sciences et les arts; mais il n'a rien fait pour la législation.

De Landine.

Убѣжденъ былъ и Петръ въ необходимости и силѣ законодательства.

Вотъ объ этомъ разскажъ одного изъ его современниковъ. Предлагаю его подлинникомъ. Это живой откликъ и своей современности и того, чего люди русскіе желали въ началѣ осмнадцатаго вѣка.

«1717 года будучи Его Величество на пиру за столомъ со многими знатными, и разговаривалъ о дѣлахъ отца своего, о дѣлахъ, бывшихъ въ Польшѣ. Тогда Графъ Мусинъ-Пушкинъ сталъ дѣла Царя Алексѣя Михайловича уничтожать, а дѣла Его Величества превозносить, утверждаясь на томъ, что у отца его Морозовъ и другіе были искусные Министры, которые болѣе, нежели онъ дѣлали. Государь такъ тѣмъ разсердился, что вставъ изъ за стола, сказалъ: ты шулюю дѣла отца моего, а лицемерною Мнѣ позволю болѣе Меня бранить; и я сего не стерпеть не могу. И потомъ, подошедъ къ Князю Якову Федоровичу Дамуркову и ставъ у него за стуломъ, сказалъ: дядя! ты Меня больше всего журишь и такъ часто досаждаешь спорами, что Я часто едва Себя удерживаю. Но когда разсужу, то и вижу, что ты Меня и Государство впрямъ любишь и говоришь правду; за что внутренно благодарю тебя; теперь же прошу и знаю, что о дѣлахъ отца Моего выразишь подлинную правду. Князь отвѣчалъ: Государь! изволь съестъ; а я подумаю.» Государь сѣлъ подлѣ него. А Князь, разглаживая длинныя усы свои, по повадкѣ своей, былъ въ глубокомъ разсужденіи. Всѣ молча смотрѣли на него и ожида-

ли, что онъ скажетъ. Нетерпѣливо ждалъ того и Государь. Смотря прямо въ глаза Его Величеству, Яковъ Ѳедоровичъ такъ началъ рѣчь свою :

«Государь! сей вопросъ нельзя кратко изъяснить для того, что дѣла разныя. Въ иномъ отецъ Твой, въ иномъ Ты больше хвалы и благодарности достоинъ. Главныя дѣла Государей три; первое: *внутренняя расправа и правосудіе*. Въ этомъ главномъ дѣлѣ отецъ Твой имѣлъ болѣе свободного времени. А Тебѣ еще и думать времени о томъ не доставало, и такъ отецъ Твой болѣе, нежели Ты сдѣлалъ, но когда и Ты о томъ прилежать будешь, то можетъ быть превзойдешь: и пора Тебѣ о томъ думать. Другое: *военное дѣло*. Отецъ Твой много черезъ нихъ удостоился похвалы и великую пользу Государству принесъ, Онъ указалъ Тебѣ путь устроениемъ войскъ *регулярныхъ*. Да вотъ беда! какъ его не стало, то люди несмысленные всѣ учрежденія его опрокинули верхъ дномъ. Однакожъ, сколь ни думаю и не обдумываю; а все таки не знаю: кого болѣе похвалить? Но конецъ войны Твоей подлинно все намъ покажетъ. Третіе дѣло въ *устроении флота* и въ союзахъ и сношеніяхъ съ землями иностранными. А въ этомъ Ты далеко опередилъ отца своего и великую пользу принесъ Государству. Надѣюсь, что Ты и самъ все это примешь за чистую истину.» Выслушавъ все съ большимъ вниманіемъ, Государь, по обыкновенію своему, поцѣловалъ Князя въ лобъ и сказалъ:

благій рабе и вѣрный, надѣ многими ты поставлю.» (*)

Великимъ былъ правдолюбомъ Петръ и по свойству превосходныхъ душъ, твердымъ блюстителемъ слова своего. Когда Порта требовала выдачи Князя Кантемира, бывшаго Господаря Молдавскаго, Онъ сказалъ: «еслибъ честь и правота исчезли во всѣхъ сердцахъ, то и тогда онъ должны жить непоколебимо въ сердцахъ Царей. Скорѣ уступлю Портѣ землю до Курска; а Кантемира не выдамъ. Землю можно опять завоевать; а потеря чести невозвратна.» (**)

А вотъ и другой примѣръ правдолюбія Петра; того правдолюбія, которое, какъ увидимъ, всюю силою души своей домогался Онъ переселить въ свое зеркало.

1715 года Іюля 15, часу въ шестомъ, по гладкой поверхности великолѣпной Невы, съ голубаго небосклона утреннее солнце разливало лучи свои и раскидывало отблески ихъ по вершинамъ вѣковыхъ сосенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скромнаго пріюта Петра Перваго, на отруб-

(*) Этотъ разсказъ почерпнутъ изъ бывшей у меня рукописи унтеръ-офицера Кашина, переплетеной вмѣстѣ съ Исторіей Петра Великаго, напечатанной въ Венеціи. Все это передалъ я въ бібліотеку Гвардейскаго Штаба при Начальникѣ его Н. М. Сивягинѣ.

(**) Истина неизмѣнно переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, что Петръ сказалъ въ началѣ XVIII вѣка, то говорилъ въ XIV столѣтіи Король Іоаннъ Второй; вотъ его слова: «si la justice et la bonne foi étaient bannies du reste de la terre, il faudrait du moins qu'elles se trouvassent dans le coeur des rois.»

къ маститой сосны сидѣлъ человекъ въ посадской одеждѣ, роста осанистаго, но въ чертахъ блѣднаго, изморщенного его лица, проглядывала какая-то томная, унылая грусть, видно онъ былъ давившимъ страдальцемъ; опершись на посохъ и съ открытой головою, онъ поглядывалъ то на небо, то на пріютъ Государевъ. Движеніе устъ его показывало, что онъ творилъ душевную молитву. Вскорѣ потомъ царственный хозяинъ новой стелицы вышелъ на улицу; снялъ свой картузъ *черно-бархатной*; взглянулъ на небо; осѣнился крестомъ на трудовой подвигъ дня, окинулъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ все и по всѣмъ сторонамъ; и хотѣлъ идти далѣе. И вдругъ увидѣлъ передъ собою посадскаго съ челобитною въ рукахъ.

Посадскій. Остановись, Государь.

Петръ. Некогда.

Посадскій. Остановись, Надежда-Государь! Ты взялъ святую совѣсть и на святую и крепкую свою правду единый свѣтъ моихъ очей, единого моего сына. Кровная Мнѣ до Тебя нужда, выслушай.

Петръ. О! тутъ дѣло, гдѣ дѣло идетъ о совѣсти, пойдемъ ко мнѣ.»

При входѣ въ домикъ Государевъ, Посадскій перекрестился большимъ крестомъ на икону Христа Спасителя и низко поклонясь Государю, сказалъ твердымъ голосомъ: «Православный нашъ Царь! если бы не такое было дѣло; то не сталъ бы я утруждать Тебя, мнѣ Господь Богъ далъ уразумѣть грамоту; а потому и вѣдаю, каково

тебѣ за всѣхъ насъ трудиться. Но вотъ въ чемъ беда! моей челобитной не примутъ ни суды, ни Твой Правительствующій Сенатъ.

Петръ. Да на когочъ ты жалуешься?

Посадскій. На Тебя, Государь! и Тебѣ самому.

Петръ. Хорошо, но ты, какъ вижу, нѣдѣль въ далека, присячь-ка, братъ! да и высказывай всю правду и Мнѣ и на Меня.

Посадскій. Не сяду, Государь! по великой милости Твоей прислонюсь къ стѣнкѣ, да и стану Тебѣ высказывать всю задушевную правду, какъ будто на судъ Божию. Помнишь ли, Надежа-Государь, какъ Ты, 1700 года, собираясь въ походъ на Шведа, остановился въ моей посадской избѣ?

Петръ проникательными очами своими всмотрясь въ лице посадскаго, сказалъ: «помню; помню и хлѣбъ-соль твою. Продолжай, братъ!

Посадскій. Любовался Ты, Государь, на мои кузницы; радовалось и сердце мое, слыша ласковое Твое слово. Полюбился Тебѣ и мой парень, Ты называлъ его *молодцомъ* и упрашивалъ отдать его Тебѣ. Велика эта честь, да у меня онъ былъ одинъ единешенекъ. Слезно молилъ я Тебя, Надежа-Государь, не брать его отъ меня; да Ты такъ любишь разумныхъ молодцевъ, что и слушать меня не хотѣлъ; нечего было дѣлать? отдалъ я моего парня Богу, да *объщанной Твоей* къ нему милости. Тяжелая кручина пала на душу мою; а еще стало тяжелѣе, когда донесся къ намъ слухъ, что онъ убитъ подъ Нарвою, упало сердце мое; опустились и руки. Куда дѣлись мои

кузницы? куда делись мои хоромы, гдѣ Ты, Государь, у меня приставаешь. Все прахомъ пошло, остались только у меня на память *топоръ, пила, молотъ* да *клевцы*, чѣмъ Ты самъ ухаживаешь за пушечными снарядами.

Петръ. Этому помочь можно; а что сынъ твой убить, такъ видно на то была воля Божія.

Посадскій. Нѣтъ, родной нашъ отецъ, Государь Петръ Алексѣевичъ! сынъ мой живъ; онъ въ полону у Шведовъ.

Петръ. Отъ кого ты объ этомъ узналъ?

Посадскій. Отъ Князя Якова Ѳедоровича Долгорукова.

Петръ. Такъ видно ты пошелъ ко мнѣ изъ подъ его щита?

Посадскій. Нѣтъ, Государь! Я не бралъ на душу свою такого грѣха. Прямо пошелъ я къ Тебѣ подъ щитомъ Божиимъ подъ Твой щитъ. Онѣмѣлибы уста мои, еслибъ задумалъ я кому нибудь жаловаться на Тебя. Дорогъ мнѣ сынъ; безъ него мнѣ и жизнь не въ жизнь, но вѣрность и любовь моя къ Тебѣ, дороже мнѣ и сына моего.

Тутъ въ очахъ Государя сверкнули двѣ крупныя слезы; онъ отеръ тою рукою, которою, говоря его словами: «обнажилъ онъ на полѣ Полтавскомъ шпагу, не для того, чтобъ Петръ жилъ; но да живетъ Россія!» помолчавъ нѣсколько и не спуская глазъ съ Посадскаго, Петръ проговорилъ: «добрый ты человекъ; дай поцѣловать тебя въ умной твой лобъ.»

Посадскій хотѣлъ броситься къ ногамъ Госу-

даря; но онъ остановилъ его и сказалъ: «такихъ людей вѣрныхъ призываютъ не ноги, а сердце.» Но пора приняться за дѣло. Вотъ видишь, мой другъ! Шведы на меня сердиты и если стану просить о сынѣ твоємъ, то они, пожалуй себѣ, станутъ упрямыми, но вѣтъ и у нихъ есть отцы и матери; пушки пушками; а душа душою. Я дамъ тебѣ записку къ Графу Остерману, ему крѣпко удались всѣ грамоты, онъ напишетъ къ кому слѣдуетъ въ Стокгольмѣ о сынѣ твоємъ; а ты самъ при помощи Божіей и моей, пойдешь выручать его.»

Присѣвъ къ столу, Петръ написалъ къ Графу Остерману записку и отдавая ее посадскому, примолвилъ: «Послушай братъ! Графъ человекъ умный и добрый. Если поднесетъ тебѣ рюмку любимаго своего Венгерскаго: ты не отъѣживайся и не спѣсився. Выпей рюмку, да и приударь ему: «дай Богъ вамъ, Ваше Сіятельство, здравствовать несчетные годы!» А черезъ три дня забѣги къ другу своему Якову Федоровичу. Отъ него получишь и письмо Остермана, и отвѣдъ во всемъ. Съ Богомъ! ступай себѣ.»

Походя нѣсколько минутъ въ комнату и сообщая все въ мысляхъ, Петръ, не выставляя имени, принялся все излагать обстоятельно, ясно и отчетливо. Истина сама собою высказывается. Окончивъ свою бумагу, Государь отправилъ ее къ Генераль-Прокурору при слѣдующей запискѣ: «Прочитавъ дѣло въ полномъ собраніи, отобрать голоса, что каждый изъ сенаторовъ вникнулъ въ оное, рѣшить въ два дня по

закону, по совѣсти и по здравому смыслу.» Черезъ два дня представлено было Петру слѣдующее рѣшеніе: «Отвѣтчикъ обязанъ выпустить изъ плѣна сына, и заплатить челобитчику за разореніе.» (*)

«Коротко, да ясно,» сказалъ Государь. «Тутъ нѣтъ ни какой околесицы. А иное дѣло такъ запутають и перепутають, что и въ три вѣка не распутаешь его. Умная слыветъ у насъ по-словница: *На правду не надо много словъ*. Спасибо вамъ, господа Сенаторы! Вы дали мнѣ праздникъ.»

Между тѣмъ упорная еще война кипѣла съ Швеціей. Флоты Петра Перваго быстрымъ появленіемъ ударили и моря и Океанъ. Промышленность и торговля процвѣтали часъ отъ часу болѣе. Наконецъ пожалъ Петръ и блистательные лавры *двадцати-одно-лѣтней* войны съ Швеціей. Довольно бы этого было для другаго; но не для Петра Перваго. Преобразовывая Россію, онъ желалъ упрочить внутреннюю ея жизнь силою правосудія. Съ великимъ прискорбіемъ видѣлъ Онъ, какъ пронырливая ябеда искажаетъ законы. Онъ убѣжденъ былъ, что безъ правосудія поколеблется зданіе общественное, какъ бы ни было Оно блистательно. Для меня одинъ изъ достопамятѣйшихъ дней въ жизни Петра Перваго: день *семнадцатаго* Апрѣля 1722 года.

Новая загорѣлась война, война съ *Персіей*.

(*) Смотр. Замѣчанія Татищева на Судебникъ Царя Іоанна Васильевича.

Новые подвиги требовали новых трудовъ и усилій. Но въ самое это время, въ глубокомъ уединеніи въ селѣ *Преображенскомъ*, душа Петра Перваго занята была прочнымъ созиданіемъ правосудія. Мощною дланью Своею Великій Правдолюбецъ рѣшился сорвать личину съ эхиной ябеды и изобличить ее передъ лицомъ Россіи и передъ лицомъ цѣлаго свѣта. Великъ, безсмертенъ день *семнадцатаго* Апрѣля 1722 года! Вотъ, что изобразило въ этотъ день собственное перо Петра Перваго: «Ничто,» говоритъ Онъ въ первомъ назерцальномъ Своемъ указѣ: «Ничто такъ къ управленію Государства не нужно, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.»

Прислушиваясь къ этимъ словамъ, Екатерина Вторая говорила: «Взирая на изображеніе Петра Великаго, я ежеминутно требую у Себя отчета въ каждомъ дѣлѣ Моемъ. Я вопрошаю Себя: что бы *Петръ Первый* повелѣлъ; что бы Онъ запретилъ, или что бы сдѣлалъ на Моемъ мѣстѣ, и находясь въ *Моихъ* обстоятельствахъ?»

И благоговѣя къ правилу Петра Перваго, что всего нужнѣе крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, Она сказала въ наказѣ Своемъ: «Человѣка не должно и не можно никогда забывать.» (*) И далѣе прибавила: «Должно защищать права.» (**)

Назерцальный указъ 1724 Января 27 по дѣлу *Шафирова*, указъ историческій. Передъ походомъ въ Персію Императоръ Петръ Первый, отправляясь изъ сѣверной Своей столицы въ Мо-

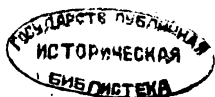
(*) Наказъ § 569. (**) § 651.

скву, предписалъ, чтобы сенатскимъ чиновникамъ не выдавать жалованья до выслуженнаго срока. Известно, что въ *Шафировъ* зоркій взглядъ Петра угадалъ *Шафирова*. Проходя однажды мимо Московскихъ рядовъ, Петръ замѣтилъ, что въ одной лавкѣ молодой сидѣлецъ, погружаясь въ чтеніе какой-то книги, забылъ и лавку и все, что около него происходило. Подошедъ къ нему осторожно, Государь спросилъ: «Что ты, дружокъ, читаешь?» И увидя въ рукахъ его нѣмецкую книгу, сказалъ: «Нѣтъ, братъ! тутъ не твое мѣсто; тебѣ надо быть поближе ко Мнѣ.» На поприщѣ умственномъ, счастья и заслугъ, *Шафировъ*, какъ будто летѣлъ на крыльяхъ. Въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ подъ *Прутомъ*, когда правдивый Государь говорилъ: «И я попалъ въ такую же западню, въ какую братъ мой Карлъ попалъ у насъ въ Россіи.» Къ выручкѣ себя изъ этой западни, Петръ, отправляя *Шафирова* для переговоровъ съ Визиремъ, далъ ему собственно-ручную записку, и теперь еще существующую; съ одною строкою, но безсмертную для *Шафирова* по безусловной къ нему довѣренности Императора. *Мирись на чемъ хочешь*: сказано было въ запискѣ. Какой быстрый переходъ лавочника-сидѣльца *Шафирова* до полномочнаго министра 1711 года! За дивнымъ орломъ своего времени и сотрудники его летѣли орлами. Петръ, какъ будто огнемъ, похищеннымъ мнѣческимъ *Прометеемъ* съ неба, воспламенялъ въ нихъ души. Но видно и у нихъ была живая способность —

принимать этотъ огонь. А не рѣдко: бѣда и великая бѣда отъ этого огня, когда онъ горитъ въ душѣ пылкой, понимающей свое достоинство, и увлекаемой внутреннимъ чувствомъ выше извилистыхъ путей мелкихъ душъ. *Шафировъ* съ пылкою душою шелъ дорогою открытою, смѣло смотрѣлъ всѣмъ въ глаза и не передъ кѣмъ не изгибался. И это бѣда! Бѣда и то, что у него было братское горячее сердце. А къ этой бѣдѣ приурочилась болѣзнь брата его, служившаго Оберъ-Секретаремъ въ Сенатѣ. Бѣдный больной, обремененный многочисленнымъ семействомъ и тяжелыми насущными нуждами, убѣдилъ брата своего, чтобы онъ упростилъ ближайшихъ къ нему сенаторовъ, подписать бумагу о преждевременной выдачѣ ему жалованья. Налетѣла бѣда и тутъ. Видно, что тотъ самый *Шафировъ*, который подъ Прутомъ выручилъ Петра Перваго изъ бѣды: на бѣду свою не запасливъ былъ на двигателей земнаго нашего міра, т. е. на деньги. А безъ того не ринулся бы онъ на опасную колею ослушника. Нѣтъ сомнѣнія, что и Сенаторы въ разсѣянномъ забвеніи и по порыву добросердечія подписали бумагу. Бѣда и доброму сердцу: у него много промаховъ. А вотъ главная и валовая бѣда. Суворовъ сказалъ: *Слѣтъ работаетъ случаю*. На бѣду подоспѣлъ и этотъ случай. Угадайте и разгадайте, какъ припутывается и перепутывается то, что мы называемъ *обстоятельствами*. Разгадайте: какъ именно, какъ будто нарочно, явится человекъ, который изъ этихъ обстоятельствъ,

во что бы ни стало, станетъ искать личную выгоду. На бѣду и это тутъ случилось. Тогдашній Прокуроръ Сената (не назову его: Богъ себя съ нимъ: онъ былъ человекъ не добрый) зналъ, что Князь *Меншиковъ* давно сердить на *Шафирова* за то, что при отмежеваніи ему земель въ *Батурий*, *Шафировъ* не допущалъ перейти за узаконенную черту. Чудное дѣло! Тотъ самый *Меншиковъ*, который первый изъ Русскихъ полководцевъ разбилъ Карла XII, тогдашняго бича Европы: тотъ самый *Меншиковъ* былъ побѣжденъ не оружіемъ, а самимъ собою, какимъ то непостижимымъ любостязаніемъ. Истинное геройство ожидало его подъ дальнимъ небосклономъ Сибири, гдѣ въ крестьянской сѣмьѣ и съ топоромъ въ рукахъ, сооружалъ онъ церковь въ присутствіи дочери своей, нарѣченной и обрученной невѣсты юнаго Петра Второго. Опирайтесь теперь на ломкое счастье человѣческое! Гоняйтесь за тѣмъ счастьемъ, которое изъ чертоговъ Царей и изъ великолѣпныхъ палатъ вельможей, превратнымъ вихремъ перекидываетъ подъ нищенскій, изгнанныческій пріютъ! Но 1722 года въ очахъ Меншикова виталъ и ликовалъ весь міръ надеждъ очаровательныхъ! После Петра онъ былъ первымъ человекомъ въ Россіи. Какъ бы то ни было: но и отъ искры вспыхиваетъ пожаръ. А въ суматохѣ и трескотнѣ дѣлъ человѣческихъ такая искра не всегда раздувается великими міра; ее пускаютъ въ разлетъ и самые мелкіе раболовные прислужники случайности. Такъ и было. Говоря просто:

Оберъ — Прокуроръ Сената, ожидая *великой и богатой* милости отъ Меншикова, а можетъ быть и благопріятнаго только взгляда, вступилъ въ доносъ на Шафирова. Какъ передъ началомъ грозы сперва слышенъ гулъ отдаленный; потомъ, чѣмъ ближе налетаетъ она на крыльяхъ мрачныхъ облаковъ, тѣмъ болѣе усиливается ея ревъ, и наконецъ разражается въ грохотаніи громовъ и сверканіи молній. Тоже бываетъ въ кипѣніи и трескотнѣ дѣлъ человеческихъ. Такая буря забушевала 1722 Октября 31 въ юномъ Сенатѣ, основанномъ Петромъ Первымъ почти за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Сильными стрѣлами разилъ Оберъ-Прокуроръ Шафировъ, какъ ослушника указа; сильно и Шафировъ отражалъ его стрѣлы. Пылъ негодованія и раздраженнаго самолюбія возрасталъ часъ отъ часу болѣе. Отъ укориствъ юридическихъ дошло до личностей. Посыпались укориствы и на родъ, и на племя и на то, кто чѣмъ прежде былъ. Вѣсть о такой суматохѣ долетала до Петра въ Персію, и Государь вскорѣ по взятіи Дербента посвѣшилъ на берега Невы къ потушенію пожара, вспыхнувшаго въ Сенатѣ. Шафировъ отданъ былъ подѣ судъ. Еслибы пылкій Шафировъ укротилъ волненіе духа своего, то безъ сомнѣнія все бы обошлось миролюбиво. Тотъ Петръ, Который 1708 года приказалъ отпустить лекарства въ лазареты Карла XII, разорявшаго Россію; Тотъ Петръ, Который въ ненастную Ноябрьскую ночь 1724 бросился въ заливъ для спасенія утопавшихъ людей: Тотъ Петръ

уважилъ бы, что мимо Его предписанія выдано, по ходатайству брата, до срока жалованье большому и нуждавшемуся его брату. Но упорный Шафировъ не хотѣлъ двинуться ни на шагъ на попятный дворъ. Отдаляя брата своего отъ ответственности, онъ объявилъ въ судъ, что: «братъ его за болѣзнію не зналъ объ указъ; а онъ не слышалъ когда Оберъ-Прокуроръ читалъ его.» Не отступалъ Шафировъ; не отступалъ и Петръ Первый. Нельзя было ему измѣнить собственному узаконенію. Онъ сказалъ и повѣстилъ въ военныхъ *процессахъ*, что: «собственное признаніе паче свидетельства цѣлаго свѣта.» Шафировъ обреченъ былъ къ смерти гражданской; но не на долго. Екатерина Первая, при первомъ шагѣ Своемъ на престолъ, исполнъ возвратила ему прежнюю его чреду. А тутъ съ основательностію можно сказать, что Меншиковъ не участвовалъ въ паденіи Шафирова; ибо еслибъ онъ былъ тому причастенъ, то при тогдешнемъ положеніи своемъ, онъ могъ бы довершить уничтоженіе его. Просто, тѣ *ушенадуватели*, которые все умѣютъ перетолковывать по своему, возстановляли Меншикова противъ Шафирова.

Назерпальный указъ о *Шафировъ* 1724 года Января 27 слѣдуетъ разсмотрѣть и со стороны юридической. 1841 года поэтъ нашъ Н. В. Кукольникъ въ одной изъ статей своихъ сказалъ, будто бы при Петрѣ Первомъ никто не въ правѣ былъ: «отзывать невѣдѣніемъ законовъ.» Этого не было и не могло быть, по причинѣ

возникшаго новата управленія. А при томъ Петръ Первый зналъ, что безъ основательнаго правовѣденія нельзя изучаться законамъ. Въ наше время, при умноженіи университетовъ, при существованіи многихъ другихъ учебныхъ заведеній; при основаніи особеннаго училища правовѣденія; при печатаніи различныхъ повременныхъ изданій, гдѣ помѣщаются указы; въ наше время съ основательностію можно требовать того, чего требуетъ 63 статья перваго тома Свода Законовъ. Съ распространеніемъ путей къ просвѣщенію и мысль законовѣденія должна была подрости. Не было этого при Петрѣ; а, потому не требуя невозможнаго, онъ обязывалъ только служащія лица по всѣмъ разрядамъ управленія знать и вѣдать законы. Въ случаѣ упущенія того, на основаніи назерцальнаго указа 1723 года, Онъ подвергалъ ихъ слѣдующимъ взысканіямъ: за *первое* ослушаніе виновный на время лишался жалованья за годъ; за *второе* ослушаніе виновный подвергался лишенію третьей доли всего движимаго и недвижимаго имѣнія; наконецъ за *третье* небреженіе виновный лишался всего имѣнія и чиновъ вовсе.

А изъ этого очевидно слѣдуетъ, что при Петрѣ Первомъ отвѣтственность въ свѣденіи законовъ лежала только на однихъ чиновникахъ. Касательно же частныхъ лицъ, Петръ не только не требовалъ отъ нихъ знанія законовъ, но какъ будто препоручалъ ихъ въ попечительное доброхотство судей, предписывая другимъ

Часть I.

указомъ 1724 года, чтобы въ судахъ съ ними обходились учтиво. Въ томъ же указѣ показано, что челобитчики тогда только подвергались уплатѣ отъ десяти до ста рублей, когда заводили въ судахъ какія нибудь ссоры или шумъ.

Между тѣмъ и исполинская крѣпость силъ Петра Перваго начинала частъ отъ часу болѣе ощущать приступы разрушенія; рано для Россіи, но не для потомства; онъ изнемогалъ подъ необычайнымъ бременемъ трудовъ вѣковыхъ! Между тѣмъ и Тотъ, Кто и среди сонмовъ народа и среди сановниковъ Своихъ превyšалъ всѣхъ головою, возносившеюся на мощныхъ раменахъ, и Тотъ Петръ Первый поникалъ челомъ къ землѣ. Грустно ему было смотрѣть на недостроенное зданіе новой Россіи; еще грустнѣе было для Него видѣть, что въ колыбели этого зданія не успѣлъ Онъ упрочить главное благо отечества—правосудіе. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и съ великодушною откровенностію объявилъ Онъ въ первомъ назерпальномъ Своемъ указѣ 1722 года Апрѣля 17, что въ Его время сильно потрясена была твердыня законовъ и прибавилъ: «Всѣ писать законы, если ихъ не исполняютъ.» Видѣли мы выше, что при исчисленіи дѣлъ отца Его Княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, Онъ согласился, что внутреннее управленіе и законодательство—вѣнецъ славы правителей народовъ. Говорилъ Онъ некогда: «Братъ мой Карлъ почитаетъ себя Александромъ Македонскимъ.» И Онъ видѣлъ, какъ

быстро разсыпалась эта слава и какъ быстро блекнуть лавры побѣдъ. И Екатерина Вторая, какъ будто прислушиваясь къ словамъ и мысли Петра Перваго, обозрѣвая поле *Полтавское*, сказала: «Посмотрите, отъ чего зависить жребій державъ! Одинъ день, одно мгновеніе рѣшить ихъ судьбу.... Одна погрѣшность, одинъ легкомысленный шагъ, уничтожилъ всю славу, все долговременныя успѣхи Карла XII. Тотъ, кто приводилъ въ трепетъ Саксонію, Австрію, Италію: тотъ самый побѣдитель народовъ бѣжалъ съ полей Полтавскихъ, а безъ того и насъ бы здѣсь не было.»

Горестенъ, туманенъ былъ для Петра Перваго 1724 годъ. Есть предчувствія, особливо для души, которой такъ много надобно было и дѣйствовать и работать. Бросая взгляды на новую свою столицу и облетая мыслию Россію, Онъ видѣлъ, Онъ убѣжденъ былъ, что все то было только первымъ шагомъ великаго Его труда, много оставалось еще дѣлать. А гдѣ дѣла—тамъ нѣтъ лести. «Петръ Первый, говоритъ историкъ Татищевъ: великолѣпіе Свое показывалъ въ Своихъ дѣлахъ.» А другой его современникъ, правдоушный Гвардейскій унтеръ-офицеръ *Кашинъ*, въ простыхъ, но безпристрастныхъ своихъ запискахъ о Петрѣ Первомъ, говорилъ: «тотъ день не могъ Великій Государь въ сласть хлѣба кушать, въ который вездѣ самъ быть и всего посмотреть не изволилъ.»

И потомъ прибавляетъ: «что Великому Государю мѣшаетъ покоиться? Кто отнимаетъ у Него

спокойный сонъ? Что изъ парскихъ палатъ на стужу, дождь и на суровость воздуха выгоняетъ Императора? Все сіе происходитъ отъ любви къ Отечеству.»

И одушевляясь этою любовію, какъ Петръ Первый торопился упрочить при себѣ хотя начало святаго дѣла правосудія! Въ назерцальномъ указѣ о Шафировѣ не показано, когда онъ изданъ, то есть не означено число Января 1724 года. Но въ последнемъ указѣ, писанномъ Петромъ Первымъ въ зимѣ Его домъ, выставлено 21 Января; а оба указа напечатаны 27 Января 1724 вмѣстѣ съ указомъ 1722 года и составили: «Зерцало Петра Перваго.»

Последній назерцальный указъ Великаго правдолюбца, можно назвать: *лебединою Его пльнію* на поприщѣ правосудія.

Въ этомъ указѣ, какъ будто отрекаясь отъ собственнаго своего могущества, Русскій Царь призываетъ на помощь и Небо и все то, что можетъ убѣждать, возбуждать совѣсть судей и что можетъ удержатъ ихъ на стезѣ правоты и вѣры. Взявъ изрѣченіе изъ книгъ заветныхъ, Онъ называетъ судъ земной, *судомъ Божиимъ*. (*) Отвѣтственность за нарушителей Законовъ и правды и при Себѣ и послѣ Себя, передаетъ Онъ на судъ Божій, Онъ знаетъ, что и Онъ мимолетный пришлецъ въ міръ; Онъ знаетъ, что одинъ Богъ безконеченъ подъ Его карательную длань вводитъ гонителей невинности и утѣснителей правоты.

(*) Второзаконіе, глава первая.

«Проклятъ!» говоритъ Онъ въ указъ Своемъ: «проклятъ всякъ творяй дѣло съ небреженіемъ!» Это Его духовное завѣщаніе; это Его оправданіе передъ судомъ Божиимъ, если судъ человѣческій глухъ будетъ къ Его обещаніямъ. И сказанное Петромъ по духу Книгъ Заветныхъ повторилось и въ нашемъ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ Сводѣ Законовъ сказано: «Законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица, не внимая ни чьимъ требованіямъ и предложеніямъ.» (*) Это живой откликъ книгъ заветныхъ. Въ первой главѣ Вгрозаконія, Моисей говоритъ: *да не познаете лица на судъ; малому и великому судиши, и не устыдишися лица чловѣча; яко судъ Божій есть.*

И такъ Петръ Первый оставилъ суды земные подъ судомъ небеснымъ. И неудивительно, еслибъ въ Немъ одномъ было и нѣсколько Петровъ, то и тогда не довершилъ бы Онъ зданія и созиданія новой Россіи, Онъ мало жилъ; Онъ промелькнулъ на землѣ, но оставилъ преемникамъ своего Престола привести въ общій составъ и въ самостоятельное единство законы гражданскіе. А о Себѣ на одрѣ смертномъ Онъ сказалъ: *«Познайте изъ меня, какъ малъ чловѣкъ!»*

Не стало Петра, и Меншиковъ устремилъ взоры на внука его. И быстрою стопою двинулся онъ на путѣ льстивый, но обманчивый. Честолюбіе летитъ на крыльяхъ. Ему уже казалось, что поколѣніе его сіяетъ на престолѣ

(*) Статя 64. Томъ первый.

Державы Русской. Оставался одинъ только шагъ. Дочь его нарѣченная и обрученная невеста юнаго Императора. Далеко и высоко витала его мысль; а бѣда шумѣла за плечами. Но какъ прислушиваться къ грозному ея налету въ очаровательныхъ сновидѣннѣхъ надеждъ исполнскихъ! Винить ли Меншикова? Трудно. Просто говоря: ему было изъ чего биться. А иногда хлопотуть и бьются изъ нѣсколькихъ ключковъ земли и сходятъ въ могилу, не добившись ихъ.

Не стало Екатерины Первой: и зеркало Петра Перваго осѣнилось, какъ будто завесою гробовою.

Началась, закипѣла борьба вельможъ; борьба сильная, упорная. Меншиковъ палъ, и все его съ нимъ пало. Долгорукіе побѣдили. Но и они въ потемкахъ честолюбія пошли по стопамъ побѣжденнаго соперника. И имъ мечталось, что отрасль княжескаго ихъ дома блеснетъ на престолѣ Россіи. Не сбылось. Юный Петръ Второй быстрымъ лучемъ весеннимъ промелькнулъ въ вѣнецъ державномъ—и угасъ.

Новый пожаръ; новая борьба. Отдѣлясь отъ общаго, временные полновластные вельможи составили свой совѣтъ. По смерти юнаго Петра Второго общее народное мнѣніе вступалось за Елисавету, дочь Петра Перваго. Всѣ помнили, что она родилась въ исходѣ 1709 года, въ тѣ самые дни, когда побѣдитель Полтавскій вступилъ въ торжество въ древнюю Русскую столицу; всѣ видѣли, что на ней отражаются

великія заслуги Россіи Великаго Ея отца. Обѣ Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей Герцогинѣ Курляндской, никто не думалъ; да и она, живя спокойно въ своемъ владѣтельномъ помѣстьѣ, ни о чемъ не думала. Къ чему было ее тревожить! Развѣ тѣ вельможи не знали, что кого вызываютъ, у того не отнимаютъ воли? Развѣ они не знали, что тѣ паутинныя цѣпи, которыми они оковывали Герцогиню, могли въ прахъ разлетѣться отъ одного слова Императрицы? Наконецъ: развѣ они не видѣли, что дворянство, купечество и народъ Московскій, предводимые тремя умными головами: Князьями *Кантемиромъ*, *Черкасскимъ* и историкомъ *Татищевымъ*, могли сильно поперечить ихъ затѣямъ? Но развѣ тѣ вельможи, которые все сами собою себя присвоили, были люди безграмотные? Очень были они умны, а еще болѣе опрометчивы. Соберите умѣйшихъ людей ночью порою въ великолѣпную залу и погасите всѣ свѣчки: что они увидятъ? Такъ случилось и съ Долгорукими: и ихъ надежды видѣть на престолѣ свое поколѣніе, удалились съ ними къ хижинѣ семейства Меншикова. И Сибирь обогатилась знаменитыми изгнанниками, и *Острова Березовые* соединили тѣхъ въ убогихъ хижинахъ, кого раздѣляли Царскіе чертоги.

Грозное было нашествіе на наше отечество въ лицѣ иноплеменика *Бирона*, наглаго президента Русскихъ, когда они были ему не нужны и раболопнаго льстеца, когда надобно было ему завлечь ихъ въ сѣти свои. Домогаясь вла-

стителнаго опекунства надъ младенцемъ *Иоанномъ*, онъ говорилъ вельможамъ того времени: «вы и сыны Россіи и патриціи древняго Рима.» Зерцало Петра Перваго потемнѣло; законы безмолвствовали; алчная строптивость *Бирона* поражала и палаты бояръ и хижины земледѣльцевъ. Бурнымъ потокомъ часть отъ часу болѣе кипѣли неправды и беззаконія. Вступила на престолъ Елисавета и при первомъ шагѣ своемъ, 1741 года, издала указъ въ духъ назерцальныхъ указовъ отца своего.

Вотъ этотъ указъ достопамятный:

«Несытая алчба корысти дошла до того, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ лихоимства; пристрастіе предводительствуетъ судей, а потворство и упущеніе ободряютъ беззаконниковъ. Въ такомъ достойномъ сожалѣнія состояніи находятся многія дѣла въ Государствѣ и бѣдные неправосудіемъ утѣсненные люди.

«Повелѣваемъ симъ Нашему Сенату, какъ честнымъ дѣтямъ Отечества, воображая долгъ Богу, Государству и законамъ Государя Императора Нашего любезнѣйшаго родителя, которое мы все своимъ почитаемъ—все свои силы употребить къ возстановленію желаемаго народнаго благоденствія.

«Хотя нѣтъ челобитенъ и доносовъ по самымъ обстоятельствамъ, Сенату извѣстныхъ, зло прекращать и искоренять всякой Сенаторъ по своей чистой совѣсти долженъ и обязанъ, представлять о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и безза-

кондикахъ, ему известныхъ, безъ всякаго пристрастія, дабы тѣмъ, злымъ пощады, а невиннымъ напрасной бѣды не приносить; но какъ истинному сыну Отечества, памятуя страхъ Божій и свою должность: ибо возведеннымъ быть судіями другихъ, надлежить почитать свое Отечество—родствомъ, а честность—дружбою.»

Тогдашній Генералъ-прокуроръ князь *Шаховской*, изъ записокъ котораго заимствованъ предложенный указъ, жалѣлъ что не присовокупилъ его къ тремъ назерцальнымъ указамъ Петра Перваго. «Я забылъ тогда, говорить онъ: что отъ счастья къ несчастію — одинъ шагъ.»

Недоумѣніе въ добръ убыстряетъ ходъ зла. Оно летитъ на крыльяхъ. Такъ и случилось, и Екатерина Вторая почти при самомъ своемъ вступленіи на престолъ въ духъ указа Елисаветы издала новый указъ о лихоимствѣ.» (*)

Аббатъ *Мабли*, въ книгѣ своей, посвященной юному принцу *Пармскому*, ни къ селу ни къ городу, взявшись учить и переучивать Петра Перваго, говорить: «Государь! Ты увѣнчался славою безсмертною; свидѣтели Твоихъ необычайныхъ предпріятій едва вѣрять глазамъ своимъ, Ты подобенъ тѣмъ сынамъ боговъ, которые никогда вызвали людей изъ глубины дикихъ дремучихъ лѣсовъ, Ты подобно древнему *Промею* похитилъ огонь небесный для одушевленія грубаго вещества. Ты воздвигъ зданіе исполинское;

(*) Екатерина воцарилась 28 Іюня 1762, в того же года въ Октябрь мѣсяцъ обнародованъ упомянутый указъ.

но на какомъ основаніи? Что, если оно сіяетъ только внѣшнимъ блескомъ? И не самъ ли *Маблч* проповѣдывалъ, что зданіе старинной Франціи должно скрыть *до тла*? (*) и прежде его еще въ XVI столѣтіи сказано было о Франціи: «въ началѣ народной болѣзни можно отличить здоровыхъ отъ больныхъ. Но когда болѣзнь усилится, тогда все тѣло обхватывается заразою.» (**)

Сидя спокойно въ пріютѣ своемъ, легко перомъ строить и перестраивать замки на воздухахъ: такъ дѣлалъ и *Маблч*. Не нужно также говорить, что люди, по его мнѣнію, вызванные изъ *глубины дикихъ лѣсовъ*, предки наши; а *грубое вещество*, земля Русская.

Хотя Петръ Первый въ новое зданіе преобразовываемой Имъ Россіи вызвалъ Своихъ современниковъ не изъ *глубины дикихъ лѣсовъ*, но и въ этомъ зданіи кипѣла борьба закоснѣлыхъ предубѣжденій, вредившихъ и прежней землѣ Русской. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный, еще 1550 года предписалъ *дѣтямъ боярскимъ* быть *безъ мести съ воеводами*. Но это было только въ военное время. Извѣстно, когда неопытный вождь Князь Семенъ Пожарскій растратилъ вѣренныя ему полки, Царь Алексѣй Михайловичъ усиливался искоренить заразу мѣстничества. Наконецъ: извѣстно, что Царь Ѳеодоръ

(*) Il faut tout refaire en France; «c'était la maxime favorite de Mably.»

(**) Опыты *Монтеня*, книга 3, гл. 9.

Алексѣевичъ предасть мѣстничество проклятію и случайныя книги въ присутствіи Патріарха, сжегъ 1682 года. Но мѣстничество снова откликнулось, и, по свидѣтельству историка Та-тищева, не унималось даже и при Петрѣ Первомъ, не взирая на то, что у Него все определено было по заслугамъ и по чинамъ службы. Борьба съ закоснѣлою и упорною спѣсью, борьба трудная. Хотя, какъ говоритъ пословица: «спѣсь и не вводитъ въ добро.» А сколько же такихъ бореній предстояло преобразователю Россіи!

Какъ бы то ни было: но если Петръ Первый по краткости вѣка, вмѣстѣ съ міромъ вѣщенственнымъ не успѣлъ развить міръ нравственный и законодательный: то, какъ дѣлатель, водимый невидимою дланью Провидѣнія, Онъ исполнилъ призывъ Его.

Объясняясь.

Петръ Первый родился въ исходѣ того столѣтія, когда землю Русскую посѣтилъ первый двѣнадцатый годъ, годъ великаго испытанія; когда дѣло шло о томъ: быть или не быть землѣ Русской? Едва вступилъ Онъ въ колыбель, тогдашніе люди ученые и люди безграмотные спрашивали другъ друга: какой это дивной родился младенецъ? Это былъ Петръ Первый, человекъ и Своего вѣка и нашего девятнадцатаго столѣтія. И въ этомъ показаніи нѣтъ никакой заносчивости мечтательнаго воображенія.

Спросимъ, во первыхъ: Для отраженія въ нашъ двѣнадцатый годъ нашествія Европейскаго что было нужно? Основательное знаніе военнаго

Европейскаго искусства. Кто же особенно продолжилъ къ этому путь? Петръ Первый.

Во вторыхъ. Къ отраженію силы силою, что было необходимо? Устроenie всѣхъ частей войскъ и доставленіе всевозможныхъ средствъ къ успѣшному ихъ дѣйствию. Кто же все это усовершенствовалъ? Петръ Первый.

Во третьихъ. Къ возбужденію народнаго духа въ необычайную годину, что нужно? Одушевление духа народнаго. Но чѣмъ? Уваженіемъ къ этому духу. Кто же первый подалъ къ тому примѣръ? Петръ Первый. Отправляясь въ Персидскій походъ и поклонясь гробу Минина, Онъ первый въ осмнадцатомъ столѣтіи назвалъ его: «великимъ гражданиномъ земли Русской.»

Иной скажетъ, что все это было случайно. Не стану спорить. А я полагаю, что все это было дѣломъ Провидѣнія. И такъ тутъ только разница въ словахъ. Но вотъ въ чемъ проявляется истина историческая. Петръ всегда и вездѣ говорилъ: *«Да живетъ и да благоденствуетъ Россія!»*

Петръ о Себѣ не думалъ; а желаніе Его вполнѣ осуществилось въ нашъ двѣнадцатый годъ.

Двинулась вооруженная Европа въ Россію; горѣли города и селенія; горѣла Москва, заѣтное сердце Россіи. Но сила военная, устроенная и заготовленная Петромъ, дѣйствовала и отстояла Отечество. Онъ далъ ей душу и новый полетъ. Ожилъ Петръ и въ другомъ отношеніи къ нашему Отечеству. Едва ли кончилась великая борьба и едва древняя Русская столица

проглянула изъ пепла пожарнаго, въ стѣнахъ обновленныхъ ея судовъ явилось зеркало Петра Перваго съ безсмертнымъ его изрѣченіемъ: *ничто такъ къ управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ.*

Совершились неисповѣдимыя опредѣленія судьбъ Провидѣнія надъ Россіей; совершился кругъ *двухъ вѣковъ*. Новое зрѣлище возникло предъ лицомъ вселенной. Вышла Европа изъ подъ знаменъ вожда нашествія и ополчилась на Него. Онъ палъ; онъ изгнанъ; и онъ снова явился въ предѣлахъ Франціи, но въ это время, какъ будто забывъ владычество свое, и какъ будто отдавая себя на судъ потомства, онъ изъ стѣнъ *Гренобльскаго* суда передалъ вѣкамъ слѣдующее изрѣченіе: «безсмысленны люди упорочивать будущность. Одни постановленія утверждаютъ судьбу народовъ.»

Думалъ ли Петръ Первый 1722 Апрѣля 17, повѣщая, что: «храненіе правъ гражданскихъ утверждаетъ государства?» Думалъ ли Онъ тогда, что слова Его повторятся исполномъ девятнадцатаго вѣка? Но пальмы великой мысли принадлежатъ Петру Первому. Это животворная мысль почти за цѣлое столѣтіе до Наполеона сіяла уже на зеркалѣ.

II.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

и

ИСТОРИКЪ ТАТИЩЕВЪ,

Астраханскій Губернаторъ.

Вселенная была попираема тию
громоносныхъ завоевателей , призо-
дившихъ въ удивленіе ужасомъ и опу-
стошеніемъ; но сколько было на пре-
столахъ истинныхъ благотворителей
роду человѣческому? Титъ , Маркъ-
Аврелій , Петръ Великій , Екатерина—
число краткое , показующее сколь
трудно , но и сколь славно , быть
отцемъ народа.

Я. Б. Ключинскій.

Давно у насъ доискиваются , кому принадле-
жать пальмы , осѣняющія судьбу человѣчества
въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ ,
когда нѣтъ явныхъ и очевидныхъ свидѣтельствъ
къ обвиненію человѣка , и когда по недостатку
доказательствъ , правосудіе держитъ въсы въ
недоумѣніи ? Кому принадлежитъ рѣшеніе этого
важнаго въ законодательствѣ вопроса — Петру
Первому или Екатеринѣ Второй ? Досе-
лѣ бодѣе голосовъ было на сторонѣ послѣд-
ней . Но такъ ли это ? Увидимъ изъ разсказа .
Для меня отысканіе подлиннаго источника , от-
куда истекло животворное слово для жизни че-

Примѣчаніе. О празднествѣ , о которомъ упомянуто
въ разсказѣ , и данномъ Татищеву Азіятскими го-
стами , слышалъ я въ молодости моей отъ роднаго
его внука .

Часть I.

7.

ловчества, предпочтительнѣе головоломныхъ изслѣдованій и переслѣдованій о старшинствѣ и о туманномъ происхожденіи народовъ. Въ переходахъ народовъ дороги тѣ слѣды, гдѣ напечатлѣлась мысль, или гдѣ остались слова, способствующія къ благотворному созиданію общества человѣческихъ.

А потому и нужно вызывать изъ дали минувшаго событія, указывающія на тѣ мысли и слова, и въ то же время дающія средство представить въ своемъ свѣтлѣ видъ вопросъ нерешенный.

И слава тому, кто зоркимъ умомъ опредѣлилъ и рѣшилъ: какъ въ случаѣ сомнительномъ дѣйствовать приговорамъ закона? И въ разрѣшеніи этого обстоятельства Пётръ Первый пожинаетъ вѣнокъ безсмертія. А *Татищевъ*, Губернаторъ Астраханскій, указываетъ на этотъ вѣнокъ. Клевета домогалась нагнать мрачныя облака на нашего историка: за то какой ясный лучъ блеснулъ изъ нихъ къ засвидѣтельствуванію правоты и невинности!

Вотъ какъ это было.

За недѣлю до 1724 года, въ обширной залѣ Азіятскихъ *гостей* начались какія-то необычайныя приготовленія. Полъ устилали разноцвѣтными, роскошными коврами *Персидскими*, стѣны обивали богатыми тканями. До Князя Таврическаго, въ прихотливый нашъ большой свѣтъ, не перешли еще ни диваны, ни шали. Но на Востокъ и то и другое давно лелѣяло и вѣгу и роскошь. Шалами *Кашемирскими* гости Азіят-

скіе обвили *диванъ* и къ украшенію палаты истощили всѣ затѣи сказочнаго восточнаго воображенія. И не удивительно. Тутъ усердіе и любовь спорили о побѣдѣ. А любовь и усердіе великіе чародѣи.

Между тѣмъ, какъ и вездѣ водится, по городу витала какая-то молва неразгаданная. Одни полагали, что *гости* Азіятскіе ждутъ съ востока какого-то знаменитаго посѣтителя; другіе думали, что они собираются праздновать какойнибудь изъ священныхъ дней своего *Алкорана*. Всѣ терялись въ догадкахъ и предположеніяхъ, что бываетъ и въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ, если отъ лицъ постороннихъ окидываютъ ихъ завѣсою тайны. Сильно дѣйствуетъ то неугомонное любопытство, которое такъ часто, бывшее превращаетъ въ черное, а черное въ бѣлое.

Наконецъ, наканунѣ новаго года 1724, тайна объяснилась; и люди Астраханскіе вздохнули легко; бремя любопытства спало съ взволнованныхъ сердецъ. Гости Азіятскіе объявили Головъ и почетнымъ гражданамъ, что они завтра, Января 1, будутъ праздновать день именинъ *правосуднѣйшаго* Губернатора Астраханскаго, Василія Никитича, за великія его къ нимъ милости и за любовь. При объявленіи тайны гости Азіятскіе пригласили на пиръ именинный Голову и гражданъ почетныхъ. Въ то же время старшина гостей Азіятскихъ съ людьми избранными изъ своего круга, отправились къ Губернатору, куда послѣдовалъ за ними Голова и граждане почетные.

«Господинъ Превосходительный Губернаторъ!» сказалъ старшина гостей Азіятскихъ: «подъ сѣнію высокоотеческаго твоего попеченія, мы живемъ какъ птенцы, подъ крыломъ орлинымъ. Это видятъ цѣлая Астрахань и объ этомъ знаютъ и въ нашей сторонѣ. Увѣнчай же, Превосходительный Господинъ Губернаторъ, вниманіе свое къ намъ, гостямъ Азіятскимъ! Мы положили единодушно праздновать завтра день именинъ твоихъ; удостой насъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ, этотъ день представить очамъ нашимъ и солнце твоихъ благодѣяній и сіяніе нашей къ тебѣ благодарности, также неизмѣримой, какъ и океанъ безбрежный: известно также всемъ, что ты въ свой торжественный день, угощаешь милосердіемъ своимъ бѣдныхъ и убогихъ. Дозволь намъ принять на себя это дѣло, святое и по нашему Алкорану. Нашъ восточный мудрецъ Гусаній говоритъ: *громъ гремитъ по временамъ, а солнце свѣтитъ каждый день. За одну часть тѣлennyй, Богъ посылаетъ намъ тысячу неизрѣченныхъ благъ своихъ. А въ Алкоранѣ сказано: Богъ уравновѣситъ полетъ вѣтра и съ слабымъ руномъ анца.*

«И ты, Г. Превосходительный Губернаторъ! и ты подъ свой щитъ берешь слабыхъ, убогихъ и нищихъ.»

Заблестали глаза у Головы Астраханскаго не отъ досады, не отъ зависти, но отъ радушнаго усердія. «Ужъ, какъ вы изволите, Ваше Превосходительство! Но трапезы убогой братіи, Азіятскимъ гостямъ не уступимъ. Мы не отлучаемъ

васъ отъ ихъ угощенія. Они приготовились для праздника. Гости иноземные искони были у насъ въ чести. Но слыветъ у насъ поговорка, что: *въ одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ*. За что же у насъ все хотятъ отнять? Каждому свое. Имъ пиръ для тебя; а намъ угощеніе убогой братіи. А безъ того, Гг. гости Азіятскіе, мы не придемъ къ вамъ завтра.

«Согласенъ!» Вскричалъ старшина Азіятскихъ гостей. И онъ и Голова дружески обнялись. «Прекрасно!» сказалъ Василій Никитичъ: «прекрасно! Востокъ съ Сѣверомъ обнимается; это счастливый знакъ.»

Въ первый день 1724 года учредились въ Астрахани два пиршества: одно во имя небесной благодати для убогой братіи; другое въ честь и славу доблестей попечительнаго начальника. При торжественномъ молебствіи, вмѣстѣ съ Головою и почетными гражданами, были съ старшиною своимъ и гости Азіятскіе; различнымъ словомъ, но все молились одному Богу. По выходѣ изъ церкви все двинулось въ Городскую Думу, гдѣ заготовлено было христіанское угощеніе. И подъ рубищемъ нищаго бьется сердце тою любовью, какой не знаетъ тщеславіе и гордыня, вжившіяся въ *самихъ себя* и пресмыкающіяся на землѣ для *самихъ себя*. Душевный привѣтъ убогой братіи встрѣтилъ имянника.

Доброму человѣку вездѣ хорошо; и на чредѣ превосходительнаго и подъ соломенною кровлею земледѣльческою. Въ радости и въ горѣ, онъ спокойно смотритъ и на небо и на совѣсть свою и

на людей; для такого человека, что день, то праздникъ.

Азія, со всеми очарованіями роскошнаго міра своего встрѣтила имянника. Зала казалась какимъ то волшебнымъ чертогомъ, особливо въ то время, когда и у князей и бояръ едва стали переводиться скамьи дѣдовскія. Но и душа восточныхъ гостей не рознилась съ этимъ внѣшнимъ блескомъ, любо было нашему русскому историку, когда юный сынъ старшины гостей Азіятскихъ, смѣло подступя къ нему, громко провозгласилъ: «Господинъ Превосходительный Губернаторъ! Ты вчера сказалъ, а сегодня видишь, что въ очахъ твоихъ Востокъ радостно обнимается съ Сѣверомъ.»

Татищевъ поцѣловалъ витію. Старшина-угоститель просилъ и Василя Никитича и другихъ присѣсть и благосклонно выслушать продолженіе привѣтственной рѣчи сына его, «согласенъ,» отвѣчалъ Василій Никитичъ! Только, чтобъ тутъ не звучали похвалы мнѣ. Вы, Гг. гости Азіятскіе, перекинули меня вчера за облака. А я право человекъ простой.»

«Мой сынъ,» сказалъ старшина: «желаетъ поднести тебѣ, Г. Превосходительный Губернаторъ, свой переводъ изъ нашего восточнаго мудреца *Саади*.»

«Радъ,» возразилъ Татищевъ: «радъ и слушать и принять такой подарокъ. Я люблю премудрость вѣковъ, гдѣ бы она не высказывалась.»

Юный Азіятецъ началъ чтеніе свое: «Однажды, говоритъ мудрый *Саади*: встревоженная моя

мысль облетала всѣ состоянія людей и мнѣ все представлялось въ какомъ то туманѣ не разгаданномъ. Измученный недоумѣніемъ, я задремалъ. И вдругъ вижу, что какой-то крылатый красавецъ устремился съ облаковъ, схватилъ за руку, перенесъ въ очаровательную рошу и скликалъ туда тучу различныхъ пернатыхъ. «Даю тебѣ даръ, сказалъ онъ: понимать ихъ говоръ, прислушайся. «И чтоже я услышалъ! Отъ орла до малиновки, отъ малиновки до орла, то въ слухъ, то шопотомъ, неслись перекоры, насмѣйки, ѣдкое подшучиваніе, злословіе.

«Молчите!» Вскричалъ Геній. Каждая изъ васъ получила свое. Но вы несмысленны. Стыдно только роптать человѣку, ему данъ умъ. Онъ можетъ исправлять себя и примѣромъ дѣлъ своихъ можетъ и другихъ вести къ лучшему.»

«Тутъ Геній бросилъ на меня взглядъ пылливый и скрылся, какъ будто призракъ эфирный.

«Вѣстникъ небесный! Вскричалъ Саади: я позналъ силу твоего взгляда. Да! Душевная жизнь обществъ человѣческихъ — *взаимное снисхожденіе другъ къ другу*. Откуда бы мы ни сходились, мы всѣ братья, мы всѣ дѣти одного Отца, мы здѣсь мимолетные путники, гости. А тамъ, за небесами лазурными, не спросать: *чѣмъ мы были — но что мы дѣлали?* И счастливъ тотъ, кто придетъ туда съ запасомъ добра и любви къ человечеству.»

Дивнымъ временемъ была первая четверть XVIII столѣтія! Франція, истощенная честолюбіемъ и расточительною пышностію Людовика XIV, видимо сходила въ могилу. Въ Австріи и

въ Англіи сила военная угасла съ Принцемъ *Евгеніемъ* и Герцогомъ *Мальбургомъ*, которые для личной славы, отжившей вмѣстѣ съ ними, не щадили человечества. Испанія исчезала подъ бременемъ борьбы за наследство. Словомъ: въ обветшавой Европѣ XVIII вѣка, на зарѣ его, Петръ Первый и Россія, какъ будто дали ей порывъ новой жизни, или подвигали ее къ необычайному наблюденію. Европѣ казалось, что Петръ Первый мощною рукою выводитъ на всемірное зрѣлище какую-то область исполнскую, давно существовавшую, но еще не разгаданную Европою. И какъ быстро выходила съверная столица изъ болотъ вѣковыхъ и изъ лѣсовъ дремучихъ, къ удивленію народовъ и къ борьбѣ съ заливомъ, моремъ и океаномъ! На берегахъ *Сены*, на берегахъ *Темзы*, вездѣ, въ палатахъ и хижинахъ Европейскихъ велась рѣчь о Петрѣ, работники *Сардамскомъ*; о Петрѣ—Царѣ и побѣдитель Карла XII; о Петрѣ—Императорѣ Россіи.

И на праздничномъ обѣдѣ въ первый день 1724 года, Петръ Первый былъ душою разговора. «Великолѣпіе Петра Перваго, говорилъ Василій Никитичъ: въ дѣлахъ его. На скромный домикъ Его смотреть вселенная; Онъ въ стѣнахъ этого домика придумываетъ перестройку цѣлой Россіи. Много говорятъ о Петрѣ Первомъ; но многіе ли понимаютъ Его! Государь удостоиваетъ меня благосклонною рѣчью; и когда возвращался Онъ изъ Персидскаго похода, я, между прочимъ, сказалъ Ему,

что боюсь, чтобы *Ассамблеи* не ввели нашихъ баръ и дворянъ въ раззореніе. «Сами будутъ виноваты,» отвѣчалъ Государь: «цѣлый свѣтъ знаетъ, расточитель ли Я на пустые дразги? Пусть Русскіе смотрятъ не на длинный Мой парикъ и не на французскій кафтанъ. Пусть смотрятъ они на то, что Я дѣлаю, развѣ не могъ послать кого бы захотѣлъ въ *Сардажъ* для плотничества корабельнаго! Развѣ нужно Мнѣ ковать желѣзо и брать за работу по три татарскихъ алтына, которые отгѣнилъ Я указомъ Моимъ, чтобы у насъ и духа не было ига монгольскаго. Развѣ, кромѣ Меня, нѣкому въ Россіи, подкинуть подметки подъ изношенные Мои сапоги! Богъ далъ мнѣ неутолимую жажду къ работѣ и труду, эта жажда ни свѣтъ ни заря поднимаетъ Меня точить паникадило для церкви или что другое; она гонитъ Меня рано по утру на работу въ Адмиралтейство, и на трудъ въ Сенатъ! Правду говорить Мой Преображенскій сержантъ *Кашинъ* въ сказаніи своемъ обо Мнѣ, что Мнѣ въ тотъ день не всласть и кусокъ хлѣба, когда не поработаю и не потружусь для Отечества. Вотъ къ чему пусть присматриваются и бояре и дворяне: будутъ любить трудъ и работу, не промотаются. А лѣнивцамъ и тунеядцамъ дай хоть горы золотыя, и тѣ вынырнутъ изъ рукъ ихъ. Я работаю; Я тружусь; Я желаю, чтобы и новая Россія жила работою и трудомъ. Видѣлъ Я зѣвакъ въ Парижѣ; видѣлъ мотовство и затѣи роскоши; съ этимъ не уѣдутъ далеко. Смѣшно Мнѣ показалось, что, впрочемъ умный Министръ

Терси, писалъ про Мой голубой кафтанъ и про Мой золотыя пуговицы. Но Меня веселило, когда съ этимъ Министромъ, послѣ Полтавскаго сраженія, нашъ Курбатовъ, бывшій въ Парижѣ съ Княземъ Куракинымъ, на его языкѣ словомъ и письменно спорилъ о взаимныхъ выгодахъ Франціи и Россіи. Радовало меня, когда Веселовскій и Бестужевъ не поддались Лондонскому Министерству и передъ лицомъ Великобританіи поддерживали честь ума русскаго.

«Вотъ, продолжалъ Петръ Первый; вотъ чего Я желаю, французы называли нашихъ русскихъ медведями и тулукюжками увальнями. Теперь эти медведи и увальни, во французскихъ кафтанѣхъ вертятся на ассамблеяхъ, это просто урокъ легкомыслію, чтобъ не судить о людяхъ по наружности. Правду сказать, нужно было старыхъ и опъсивыхъ баръ чѣмъ нибудь сблизить. Но повторяю еще: это простая комедія. А все дѣло въ трудъ и работу. Вотъ въ чемъ мнѣ нужны помощники и вотъ чѣмъ будетъ жить и поддерживаться Россія.»

Тутъ наливъ кубокъ и привставъ, Василій Никитичъ воскликнулъ: «За здравіе Государя Императора Петра Перваго именемъ и дѣлами; за здравіе отца Отечества, желающаго, чтобы Россія жила своею самобытною, своею трудовою жизнію. И да живетъ великій Государь сто и двадцать лѣтъ для окончанія намѣреній своихъ!»

И закипѣли кубки заздравные!

Среди общаго ликовація, старшина гостей

Азіятскихъ взялъ задравный кубокъ и сказалъ Василю Никитичу: «по закону нашему вина пить не могу. Но цѣлую этотъ кубокъ, изъ котораго ты Г. Превосходительный Губернаторъ пилъ за здравіе Великаго Государя Императора, и да будетъ Онъ великъ и славенъ во всѣхъ краяхъ свѣта! Онъ, какъ солнце небесное, озаряетъ всѣхъ и каждого, кто занятъ трудомъ полезнымъ. Онъ въ бытность свою въ Астрахани не обошелъ и насъ. Онъ знаетъ наше дѣло такъ, какъ будто-бы это Его дѣло. Онъ ораетъ парить и подъ небосклономъ Россіи и подъ небосклономъ Азіи Онъ сближаетъ Востокъ съ Сѣверомъ. Цѣлую задравный кубокъ за Великаго Государя Императора! И мы будемъ Его хранить изъ рода въ родъ!»

И всѣ гости Азіятскіе съ восторгомъ приветствовали кубокъ задравный. Казалось, что тутъ была одна семья родная, не смотря на различіе племенъ и одеждъ. «Почтенный нашъ Градской Голова!» сказалъ Василій Никитичъ: «ты вчера намекнулъ, что въ одинъ день двухъ праздниковъ не бываетъ. Но для меня, кромѣ именинъ моихъ, и другой праздникъ. 1704 года, въ этотъ самый день, покойный родитель мой благословилъ меня на службу. Помню и какъ будто теперь слышу умныя его речи. Крѣдко завычаю тебѣ, говорилъ онъ: не отказывайся ни отъ какого предложеннаго и возлагаемаго на тебя дѣла; и не набивайся самъ ни на какое дѣло. И все шло хорошо, когда я держался этому праву. Когда же по умилчанью за-»

валъ на что нибудь набиваться, все шло въ разладъ. Время тратилось по пустому; а неудача бьется самолюбіе. Труденъ и путь жизни и путь службы. Трудно всегда уклоняться отъ происковъ коварства: но во всякомъ случаѣ, счастливы тѣ, кто удомосъдмилъ у себя совѣсть и можетъ съ нею жить спокойно при шумѣ клеветы и гоненія. Были и на меня поклепы; очерняли и меня предъ лицомъ Государя. Но доселѣ правота Его была мнѣ защитою. А что будетъ впредь? Это Богу извѣстно. Но между тѣмъ пойдемъ взглянуть на угощеніе убогихъ нашихъ братій.»

«И мы пойдемъ туда, вскричалъ старшина гостей Азіятскихъ: пусть и тамъ изъ заздравнаго кубка выпьютъ сладкимъ виномъ за здравіе великаго Государя.»

И какой былъ праздникъ для убогой братіи! Какой раздавался откликъ душевный! И онъ долеталъ далѣе береговъ Невы; туда, туда, куда долетаетъ голосъ любви и молитвы.

На другой день все пошло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, безъ торопливости и сбивчивости.

Мирно было въ домъ Губернатора; спокойна была его душа. Но не то было и въ домъ и въ душѣ богача, котораго знаю имя и не упоминаю его. Давно этотъ баловень слѣпаго счастья кипѣлъ противъ Василія Никитича завистию и злобою за то, что онъ былъ выше его на чредѣ чиновной и не уважалъ его богатство. На это у Татищева было свое правило. «Дру-

житься надобно съ тѣмъ, говорилъ онъ, кто любить правду, совѣсть и справедливость. Въ друзья выбирать должно такого человека, не разбирая ни знатности, ни породы, ни состоянія его. Нѣтъ нужды: богатъ онъ или бѣденъ! У богатыхъ много льстецовъ; лучше сближаться съ честнымъ бѣднякомъ. Неоспоримо и то, что *адамантовъ* и *фениксовъ* правды мало на свѣтѣ. Плуты и ненавистники, такихъ людей называютъ *чудовищами*, осуждая, что они не гнутъ спины ни предъ чинами, ни предъ богатствомъ.» (*)

Такимъ *чудовищемъ* былъ нашъ историкъ въ глазахъ богача Астраханскаго. Странное дѣло! Есть люди; твердо въ томъ увѣренные, что никогда отъ того или другаго богача ничего не получаютъ, а все таки увиваются около него. У богатства магнитъ волшебный: этотъ-то магнитъ и затягивалъ въ домъ богача Астраханскаго рабодѣльныхъ поклонниковъ. Въ слѣдъ за обѣдомъ, даннымъ Василию Никитичу гостями Азіятскими, закипѣлъ у него пиръ горою. Сперва о вчерашнемъ угощеніи поговаривали намеками, потомъ, съ разгуломъ бокаловъ, стали возглашать, что Губернаторъ Астраханскій не даромъ потворствуетъ гостямъ Азіятскимъ, и ведетъ съ ними дружбу. Дошло и до того, что пирующие льстецы начали увѣрять, будто бы въ Астрахани людямъ Русскимъ нѣтъ отъ иноземцевъ никакой защиты. Цѣлую недѣлю у бо-

(*) Духов. завѣщ. Татищова, стр. 46.

гача кицѣли нирѣ и разгарались поклѣны и клеветы на Василю Никитича.

Давнымъ давно сказано и опытомъ доказано, что зло летитъ на крыльяхъ, а добро бредетъ шагомъ черепахинымъ. Такъ было и въ бурѣ, нагнанной клеветою на Татищева. Подлые застѣнники богача золотомъ его разневелили площадъ и затянули на свою колесо. Загремяла молва, что Губернатору не миновать бѣды! Наконецъ до всѣхъ дошелъ слухъ, что ненавистникъ Татищева, съ расторопнѣйшимъ изъ повѣренныхъ своихъ, отправилъ на него доносъ въ Верховный Совѣтъ, въ которомъ изобличалъ его въ морыстолюбивомъ добродѣтели къ гостямъ Азіатскимъ. Ужаснулись эти добрые люди! Бросились они къ Василю Никитичу и со слезами говорили: «Прикажи, отецъ нашъ! поволь намъ ѣхать въ Петербургъ и упасть за тебя къ ногамъ Великаго Государа! Мы и голыя свои не пожалѣемъ.» «Спасибо вамъ, братцы! Но мы не нужны ни кодатамъ, ни стражамъ. Что бы вы сказали, еслибъ я былъ кормчимъ, и слышнись вести васъ, куда следовало, въ часъ грозной бури забѣтиса бы только о личномъ своемъ спасеніи? Шумать буря на меня и на васъ: выждемъ спокойно, пока она пронесется. Грѣхъ и стыдно сомнѣваться въ прозорливой справедливости Петра Перваго. Чего вы испугались и о чемъ засуетились? Развѣ я хапochу? Развѣ я тороплюсь отправлять въ Петербургъ нарочныхъ? Посланъ доносъ на меня и на васъ. Правда сама за себя по-

стоитъ. Она свѣтлѣе солнца. Но и на солнцѣ набѣгаютъ облака. И такъ еще повторяю: потерпимъ, подождемъ; а будетъ то, что Богъ велитъ.»

Въ половинѣ Февраля 1724 года, изъ Верховнаго Совѣта доносъ на Татищева поступилъ на разсмотрѣніе Государя. Отличительное свойство превосходныхъ умовъ то, что они не только пользуются опытами жизни и уроками исторіи, но даже и изъ собственныхъ погрѣшностей своихъ извлекаютъ пользу и для себя и для другихъ. Послѣ измѣны хитраго и коварнаго *Магелы*, Петръ Первый еще осторожнѣе сталъ въ разбирательствѣ всего того, что до Него доходило. А потому, не рѣша ничего по доносу на Татищева, Онъ, такъ сказать, сдѣлалъ его судьей въ его дѣлѣ, хотя долготѣ и полагали, что въ собственномъ своемъ дѣлѣ никто не можетъ быть судьей. Подписавъ на доносъ: «Справедливо ли сіе? Объясни.» Петръ Первый отправилъ доносъ къ нашему историку.

Съ нетерпѣніемъ ожидала Астрахань развязки по доносу. Пришелъ Государевъ запросъ и Василій Никитичъ немедленно пригласилъ къ себѣ старшину и гостей Азіятскихъ. «Молитесь Богу!» сказалъ онъ: «а я уже помолился! Правдушный Государь Императоръ спрашиваетъ у меня самого: справедливъ ли на меня доносъ?»

Тутъ показалъ онъ помѣтку Петра Перваго, старшина и гости Азіятскіе бросились цѣловать слова, начертанныя Государемъ и восклицали въ восторгъ: «Великій! великій Государь!

Ему бы только управлять цѣлымъ свѣтомъ! Великъ Петръ Первый!» прибавилъ Василій Никитичъ. «Я могу сказать съ Давидомъ: *сей день его же сотвори Господь!* До вѣрїе Монаршее увѣнчало всю жизнь мою. Счастливъ для меня былъ тотъ день, когда на полѣ Полтавскомъ я равенъ былъ подлѣ Государя, Который самъ все распоряжалъ подлѣ ядрами и пулями и когда по обыкновенію своему Онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, поздравляя раненымъ за Отечество. Счастливъ былъ тотъ день; но этотъ день довершаетъ мое блаженство. Государь предоставляет мнѣ право защитить мою правду, мою совѣсть: это дороже для меня жизни моей и выше всѣхъ наградъ.»

Прекратится ли когда на лицѣ земли нашей борьба неправоты съ правдою? Не знаю. Но и въ кипѣніи этой борьбы опозоренная клевета терпитъ мучительную, нестерпимую пытку. Терзаясь неудачею, богачъ Астраханскій ночью спѣшилъ выѣхать изъ города. Клеветникъ страшился взглянуть и на свѣтъ и на людей, за то, какой праздникъ — торжество невинности! Но если по какимъ нибудь обстоятельствамъ и ей доводится терпѣть; то и тогда она счастливейше ликующаго порока. У нее остается то завѣтное, святое сокровище, которое ни кто и ни что не можетъ отнять — чистая совѣсть и ясный взоръ на небо и для неба.

Татищевъ предложилъ объясненіе свое на основаніи *вѣры, совѣсти и пріямъ* своей.

«По вступленіи въ должность мою,» писалъ

отъ къ Петру Первому: «Я твердо положилъ въ умѣ моемъ хранить правосудіе, не лѣстясь ни какою личною выгодною, зная, что алчность и обогащенію ведетъ къ пагубѣ и что неправо-
ведное собраніе прахъ. Богатство можетъ возвеличить на одинъ мигъ, но истязаніе совѣсти непрерывно. Особенно въ дѣлахъ Государственныхъ добросовѣстность необходима. Нѣтъ такой тайны, которая бы не открылась. Но если за мой собственный трудъ, что нибудь получаю, въ томъ не грѣшу ни передъ Богомъ, ни передъ Тобою, Государь праводущій! Иное дѣло *лихоимство*; иное дѣло *мада*; а мада, по слову святому, принадлежитъ дѣлающему.

«Въ слѣдствіе сего: въ началѣ судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла. Если онъ и ничего не возьметъ, но криво рѣшить, онъ виноватъ. А если къ нарушенію закона присовокупится корысть, тогда онъ сугубо виновенъ. Но если прилежаніемъ моимъ произведу дѣло законнымъ порядкомъ, то отъ правой стороны, могу принять благодарность, не подлежа осужденію.

«Буде же возмездіе за трудъ вменится въ преступленіе, то изъ этого болѣе воспослѣдуетъ вреда и Государству и частнымъ людямъ.

«Ибо: за получаемое жалованье я долженъ работать только *до полудня*: но этого времени не достаетъ на рѣшеніе и нужнѣйшихъ дѣлъ. Послѣ же обѣда дѣлами я заниматься не обязанъ. Дѣла въ *канцеляріяхъ* должны рѣшаться по настольному *реестру*. Случается же такъ, что

нѣсколько дѣлъ неважныхъ, *спереди* дѣлъ, требующихъ немедленнаго исполненія; а иначе проситель и истецъ могутъ потерпѣть убытокъ на нѣсколько тысячъ рублей. Астрахань особенно городъ торговой. Въ ней непрестанное движеніе денежныхъ и торговыхъ оборотовъ.

«Если въ такихъ настоятельныхъ случаяхъ прибѣгнуть ко мнѣ, то я употребляю то время, котораго я полный хозяинъ. Иные послѣ обѣда рыскаютъ со псовою охотою по полямъ; другіе пируютъ; третьи играютъ въ карты, иногда до глубокой ночи. Въ удаленіи отъ всѣхъ увеселеній, я не только днемъ, но и ночью работаю для пользы Русскаго и иноземнаго купечества; за что и беру слѣдующую мнѣ награду. Доносчикъ богатъ и можетъ сорить деньгами по прихоти своей: на это его воля. Я не богатъ и дорожу своимъ временемъ: это моя собственность. Во всемъ показанномъ безъ всякаго смущенія совѣсти признаюсь я и предъ Богомъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ! Но если я пропустилъ, что либо по *резстру* и не исполнилъ чего нибудь узаконеннаго: повелѣ, Государь, изслѣдовать и предать меня суду.» (*)

На это объясненіе Петръ отвѣчалъ собственноручно: *все сіе правда и для совѣстныхъ судей невинно; токмо не безопасно позволить, чтобы подъ тѣмъ добродѣтельствомъ принужденнаго не было, но лучше многихъ виновныхъ помиловать закономъ, нежели наказать одного невиннаго.*» (**)

(*) Смотр. Духовн. записк. Татищева.

(**) Я видѣлъ этотъ драгоценный памятникъ у Василія Еремовича, внука Татищева.

Полагають, что Екатерина Вторая выразила эту мысль такимъ образомъ: «лучше простить девять преступниковъ нежели наказать одного невиннаго.»

Какъ бы то ни было, но мысли, охраняющія человечество, должны сіять выше всѣхъ перевозимыхъ торжествъ на скрижаляхъ лѣтописей народовъ. *Вольтеръ* пишетъ, что изъ двухъ сотъ сраженій XVIII вѣка, полезно было одно только сраженіе *Полтавское*. И замѣтьте, что оцъ это сказалъ 1759 года. А сколько послѣ того было и сраженій мелочныхъ и битвъ исполнскихъ, разливавшихся огненнымъ потокомъ отъ истока *Рейна* до береговъ *Океана*; гремѣвшихъ на вершинахъ *Альпійскихъ* и за ними; перелетавшихъ въ *Египетъ* и *Азію*: и гдѣ плоды этихъ разлетныхъ и битвъ и побѣдъ? Ихъ какъ будто и не было.» 1797 года говорить *Тьеръ*: слава юнаго *Бонапарта* отразилась на цѣлой Франціи и казалось, что Франція достигла высшей чреды славы своей, но это былъ одинъ мигъ! И эти мгновенія существуютъ и въ общей жизни народовъ и въ частной жизни людей.»

Мировенія торжествъ исчезаютъ вмѣстѣ съ шумомъ восторженныхъ рукоплесканій: но все то, что относится къ жизни человечества переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ. Не исчезло въ этомъ переходѣ изрѣченіе *Петра Перваго*, относящееся къ внимательному разбору и изслѣдованію трудныхъ обстоятельствъ, когда и самой зоркой проицательности предстоить недоумѣніе.

Подарилъ *Петръ Первый* *Татищеву* дозврен-

ностию душевною; за то и историкъ нашъ не остался у Него въ долгу, когда не стало Преобразователя Россіи и когда завязались пересуды о предпріятіяхъ и узаконеніяхъ Его, Татищевъ отставвалъ умнымъ перомъ каждый Его шагъ и высказывалъ причины, отъ чего что не было дополнено или и вовсе не состоялось.

Начнемъ съ земли, пятающей человека и все то, что служить къ его пользѣ. Еще при Іоаннѣ Грозномъ на основаніи *сто четвертой статьи Судебника*, повелѣно было учинить размежеваніе, и у тѣхъ, у кого окажется земли свыше ихъ службы, раздать немущимъ. Известно, что тогда дворянамъ служащимъ, вмѣсто жалованья, давали земли. Татищевъ замѣчаетъ, что тогдашній землеваръ зналъ геометрію съ вычислениями плоскостей. Но тѣ межевыя сказки истреблены Московскимъ пожаромъ при Царѣ Михаилѣ Оводоровичѣ 1616 года. 1627 года сочинены были писцовыя книги земель всего Государства; но это дѣло производилось людьми, не знавшими геометріи и даже безграмотными. Петръ Первый намѣренъ былъ издать новый межевой уставъ, «но, прибавляетъ Татищевъ: за посылкою *сочинителя* по другому нужному дѣлу, уставъ не состоялся. Припомнимъ здѣсь, что даже и послѣ такъ называемаго *генеральнаго* или общаго размежеванія при Екатеринѣ Второй, все еще осталась спорная *черезполосность*.

Былъ указъ при Петрѣ Первомъ, предписывавшій, что: «кто не право бьетъ челомъ, съ того столько же взыскать, сколько не право онъ искалъ.»

И этот указъ остался въ безпласности.

Это не удивительно, говоритъ Татищевъ: «Петръ Великій весьма жалелъ, видя, что во время военныхъ безпокойствъ и отлучекъ Его, нѣкоторые указы были выданы въ запутанномъ смыслѣ. Въ сгладствіе чего, Государь повелѣлъ разсмотрѣть всѣ существовавшіе указы и *стропотны*, не согласные съ другими, отменить.

Упоминаетъ также Татищевъ, что когда безсовѣстные судьи перетолковывали указы по своимъ выгодамъ, тогда для поясненія исполненныхъ указовъ или для сочиненія новыхъ, приглашали въ Сенатъ членовъ изъ всѣхъ коллегій и перепровершали снова дѣло.

Такъ было при Петрѣ Первомъ. Но вскорѣ по смерти Его, говоритъ Татищевъ: и особенно въ царствованіе юнаго Петра Второго: «безсовѣстные сребролюбцы или по самолюбію, или по невѣжеству, презрѣвъ пользу своего Отечества, сперва потаенно, а потомъ явно, подъ различными предлогами нагло ниспровергли многія благія учрежденія покойнаго Государя. И такъ, чтобы вновь открыть двери на тѣ пути, которыми Петръ хотѣлъ вести наше Отечество къ прочному и твердому благоустройству, (*) прозорливый Петръ Первый самъ повѣстилъ 1722 года Апрѣля 17, что всеу писать законы, если ихъ не исполняютъ.» Въ томъ же указѣ Онъ говоритъ, что «ябеда и пронырство сильно и при жизни Его подкапывались подъ зданіе

(*) Смотри. Духовн. Завѣщаніе Татищева, стр. 32.

правды.» Съ этого достопамятнаго года, то есть, съ 1722, упрочиваніе законодательства было главною Его целью. Но ранняя Его кончина оставила новую Россію, такъ сказать, на чредѣ еще младенческаго бытія.

Нѣтъ Петра Перваго; но мы слышимъ безсмертное Его слово: *лучше многихъ виновныхъ помиловать закономъ, нежели одного невиннаго наказати.*» Это вѣнецъ мысли Петра Перваго; незабвенныхъ достоинствъ нашего и историкъ Татищевъ за сохраненіе этого умиственного вѣнка.

III.

ШОХОДЪ

Князя Юрія Владиміровича

ДОЛГОРУКАГО

ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ.

(Отрывокъ изъ собственноручныхъ его записокъ).

Провидѣніе путеводительною звѣздою блещетъ надъ нами и освѣтляетъ пути жизни нашей, часто омрачаемые внезапными туманами.

(*Духъ дремлетъ народамъ*).

1769 года воспослѣдовало движеніе къ первой Турецкой войнѣ. Князь Юрій Владиміровичъ *Домерукій* просился въ армию. Екатерина Вторая удержала его. Въ это время, подъ предлогомъ болѣзни, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ находился въ Италіи. Предположенія и догадки всегда были пищею молвы разлетной. Рассказывали, будто бы Графъ Орловъ отправилъ изъ *Ливорны* въ Россію какую-то таинственную дѣвицу, о чемъ, по обыкновенію своему, заграничныя вѣдомости много надѣлали шуму, выдумывая романческія приключенія. Обѣзжая на досугъ Италію, Графъ Орловъ завернулъ въ ту Венецію, гдѣ въ нашъ вѣкъ поэтъ *Байронъ*, витая воображеніемъ по волнамъ Адриатики при лунномъ сіяніи, переселялъ въ живую мысль вдохновенія *романтическія*. Но въ послѣднюю половину XVIII столѣтія не воображеніе, а звонкость скликала со всѣхъ сторонъ хитрецовъ и прониръ, которые, какъ будто съ заповѣдными товарами политиче-

Часть I.

10

скими, прокрадывались туда, куда заманивала их корысть и протирались къ тѣмъ лицамъ, которые на чредѣ своей ловили пищу для разгула честолюбія. Нашлись такіе удалцы изъ Славянъ Венеціанскихъ. Не одного Наполеона очаровывала слава, вызываемая изъ глубины вѣковъ новыми подвигами отважными. И въ вѣкъ Екатерины Второй возрожденіе той очаровательной *Эллады*, гдѣ хитрый *Филиппъ*, пожиная лавры побѣдъ, смирялся передъ вѣстительствомъ *Демосфена*; словомъ: откуда подъ всѣ небосклоны Европейскіе блеснулъ свѣтъ наукъ и искусствъ, и гдѣ даже и развалины дышуть еще жизнію завѣтною: и въ вѣкъ Екатерины мысль о возстановленіи древней Греціи двигала умы и души. А потому продавцамъ мнимыхъ тайнъ политическихъ не трудно было внушить Графу Орлову: «будто бы *Славяне Венеціанскіе* негодуютъ на гордыню аристократіи Венеціанской, и будто бы сосѣди ихъ, Черногорцы, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ того радостнаго дня, когда ударить для нихъ желанный часъ свободы.»

Еще повторяю: не одинъ Наполеонъ изъ настоящаго залеталъ исполнинскою мыслию вдалѣ минушаго для вызова оттуда новой жизни въ настоящемъ и въ потомствѣ. Въ этомъ стремленіи духа и Екатерина Вторая ни кому не уступала. Открывалось и для Графа Алексѣя Григорьевича Орлова «поприще блистательное; поприще, на которомъ могъ онъ сочетать имя свое и на волнахъ морскихъ и на сушѣ съ име-

нами героевъ древней Греціи — *Одиссея* и *Милліада*. Кого не очаруетъ восхитительная мысль, что мимолетная жизнь смертнаго перейдетъ въ вѣка отдаленные, въ летопись всемірную! пылая надеждою быть возстановителемъ древней Греціи, Графъ Орловъ умолялъ и убеждалъ Императрицу, немедленно отправить флотъ въ *Архипелагъ*, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ сподвижниковъ его былъ Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, а безъ того, признавался онъ откровенно, что никакъ не согласится принять начальства.

Князь Ю. В. Долгорукій былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей того времени. Пріятно и свободно объяснялся онъ на нѣсколькихъ языкахъ и обладалъ глубокими свѣдѣніями во всѣхъ отрасляхъ наукъ. По скромности рѣдко давалъ онъ полетъ мысли своей; но за то каждое его слово ознаменовывалось силою и оставалось въ памяти слушателей. Въ юности моей имѣлъ я счастье быть въ числѣ его Адъютантовъ и жилъ у него въ домѣ; насъ молодыхъ *Адъютантовъ* собиралось къ нему человекъ до шести и болѣе. Князь любилъ слушать наши разговоры и если кто усиливался блеснуть остроуміемъ, онъ говорилъ съ улыбкою: «Послушайте, что онъ говоритъ: вѣдь онъ насмѣивать людей.» Память у него была обширная. 1824 года ему было уже за сто лѣтъ, а онъ рассказывалъ о всѣхъ подробностяхъ семилѣтней войны, какъ будто на канунъ возвратился съ полей битвъ. Онъ пережилъ все свое семейство, но не

пережилъ напоминанія о своемъ вѣкѣ, онъ умеръ съ тою любовію къ Отечеству, которая была постоянною спутницею на всѣхъ поприщахъ его службы. Въ этомъ чувствіи столѣтній старецъ былъ пламеннымъ юношею.

Въ слѣдствіе извѣстія Графа Алексѣя Григорьевича Орлова, составила тайная *Экспедиція*, для отправленія къ берегамъ Италіи. Главою ея назначенъ былъ Князь Ю. В. Долгорукій, подъ именемъ купца *Барышникова*. Получа изустныя наставленія отъ Императрицы, Князь вышелъ изъ кабинета, а Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ вынесъ къ нему Аннинскую ленту и сказалъ: «Императрица дозволяетъ вамъ ее надѣть, и даетъ вамъ двадцать тысячъ рублей.» Закипѣлъ въ сердцѣ Князя Юрія жаръ любочестія, и онъ отвѣчалъ: «Не возьму ни ленты, ни денегъ, а званіе купца приму на себя въ той только надеждѣ, что буду тѣмъ нибудь полезенъ отечеству.»

По прибытіи своемъ въ Италію, Князь Юрій встрѣтилъ Графа Орлова въ *Лизь* и вручилъ ему бумаги отъ Императрицы. Во всѣхъ такъ называемыхъ тайныхъ экспедиціяхъ или попыткахъ, главное затрудненіе въ томъ, что люди посвященные въ тайныя предпріятія, остаются людьми недействующими, и какъ будто ошупью идутъ за главными лицами; такъ и тутъ было. Ждали войска; ждали флота. Но флотъ будто бы для починки, простоялъ семь мѣсяцовъ у береговъ Англіи. Это былъ только предлогъ. А дѣло было въ томъ, что начальникъ той эскад-

ры, хладнокровно ожидая переменны обстоя-
тельствъ, повторялъ: *Авось! обойдется все и безъ
насъ! Авось помирятся.* Но — *авось* въ политикѣ,
говоря словами *Суворова*, тоже, что и *авось* въ
военныхъ предпріятіяхъ. Это призракъ и оборо-
тень неумовимый.

Туманною завѣсою окинуто было поприще
Князя Юрія. Идти на борьбу съ владычест-
вомъ Оттоманскимъ и съ тревожною подозри-
тельностью Аристократіи *Венеціанской*: Это не
бездѣлица и не шутка! Но по не разгаданному
стремленію духа человеческого, чѣмъ запутан-
нѣе, чѣмъ затруднительнѣе обстоятельства, тѣмъ
сильнѣе кипитъ и мысль, готовая сразиться съ
ними. Назовутъ ли этотъ порывъ самолюбіемъ?
Можетъ быть. Но это самолюбіе не холодная
гордыня. Самолюбіе борется съ обстоятельствомъ,
а гордыня тѣшитъ себя, уничижая людей.
Князь Юрій никогда не увлекался этимъ мерт-
вымъ чувствомъ. А потому, какъ увидимъ, онъ
и съ самыми ограниченными средствами выру-
чалъ изъ явной бѣды и себя и другихъ, то есть,
товарищей романтическаго его похода.

И дѣйствительно, это былъ походъ романтиче-
скій. Князь Юрій безъ пушекъ и безъ штыковъ
въ видѣ Русскаго купца шелъ вѣстникомъ воз-
станія одной отрасли Славянъ и возрожденія
Греціи. Передовой его отрядъ, состоявшій изъ
двадцати шести Славянскихъ удалцовъ, сбѣжав-
шихся съ различныхъ сторонъ Италіи, поспѣ-
шилъ въ *Семинію* къ *Драговичу*, чтобы распу-
скать подъ рукою таинственную молву о ско-

ромъ приходъ Русскихъ. А между тѣмъ начальникъ экспедиціи съѣздишь въ Анкону къ Маруцію за той волшебной звонкостью, которая движетъ всѣ разряды нашего міра.

Должно упомянуть здѣсь, что въ отрядъ Князя былъ Маіоръ *Розенбергъ*, который потомъ въ чинѣ полнаго Генерала, 1799 года отразилъ въ горахъ Швейцаріи *Массену* и поразилъ *Лекурба*. Письмоводителемъ при экспедиціи былъ *Милоевскій*. Отважную дружину велъ въ *Черную-Гору* Черногорецъ, служившій Капитаномъ въ Россіи. Вторымъ же лицомъ былъ Графъ *Войновичъ*, подданный Венеціанскій. Тутъ же находились еще два гвардейскіе офицера.—Дворецкій Князя и слуга—Италіянецъ *Лукезини*, плутъ записной и изворотливой. «Вотъ, говоритъ Князь Юрій, вотъ все мое войско, съ которымъ я отправился на Семинальскую ярмарку.»

Трудешь былъ переходъ черезъ горы; несли на себѣ свинецъ, порохъ, и подъ этою ношею вскарабкивались на горы, пробивались черезъ стремнины и пропасти, уцепляясь за терновникъ. «Смерть, прибавляетъ Князь Юрій, была передъ нами, около насъ и подъ нами. Наконецъ съ руками, испараннными и окровавленными, наши герои вошли въ деревню *Черницу*, откуда начальникъ экспедиціи повѣстилъ сборъ Черногорцамъ въ Цетинъ, гдѣ были Архіерей и Губернаторъ. Быстрою молніею разлетѣлась повѣстка по селеніямъ Черногорцевъ. Воздухъ оглашался громкими кликами. «Наши братья Славяне идутъ насъ спасать!» На другой же

день толпы Черногорцевъ поспѣшили къ Князю Юрію, выслушали манифестъ, присягнули въ вѣрности Императрицѣ Екатерины Второй и поступили подъ развѣвавшееся знамя двуглаваго орла. Но флотъ все еще медлилъ. Закипѣли происки. Венеціане, прислуживаясь Портѣ Оттоманской, вездѣ домогались раскидывать свѣи дружинѣ Русской и даже покушались отравить нашихъ, подкупя слугу Италіянца. Наконецъ, тогдашнее правительство Турецкое повѣстило, что тотъ получить пять тысячъ червонныхъ, кто представитъ Князя Юрія живаго или мертваго. Посулъ обольстительный заглушилъ въ сердцахъ Черногорцевъ откликъ независимости и уничтожилъ присягу. Умысливъ захватить и продать Князя Юрія, они подъ разными предлогами домогались отдалить отъ него стражу Славянскую. Князь и спутники его рѣшились бѣжать. Графъ Войновичъ, нарядясь въ Турецкую одежду, нанялъ лодку. Опасенъ былъ входъ въ Черногорію, но еще труднѣе былъ оттуда ночной выходъ. Изъ стремнинъ и пропастей, опытный проводникъ, какъ будто выносилъ дружину на рукахъ. Заря утрення встрѣтила ее на берегу моря. Славянскій Патриархъ, укрывавшійся отъ преслѣдованія Турокъ съ нѣсколькими Архимандритами, упросилъ Князя взять его съ собою. «Въ это время, говорить сочинитель записокъ: «насъ окружаютъ четыре непріятеля: Черногорцы, Венеціане, Турки и берега моря Адриатическаго.»

IV.

ЧЕШЕНСКИЙ БОЙ,

ОПИСАННЫЙ

Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ

ДОЛГОРУКИМЪ.

Часть I.

11

Прервавъ слово свое, говоренное въ Петропавловскомъ Соборѣ, въ присутствіи Екатерины II, по случаю побѣды подъ Чесмою, Митрополитъ Платонъ быстро подступилъ къ гробницѣ Петра I, и ударивъ три раза жезломъ своимъ, воскликнулъ: «Возстани Петръ! Возстани, говорю Тебѣ, зри трофеи и лавры. Твои корабли, Твой флотъ торжествуютъ подъ Чесмою. Екатерина славу побѣды Своей повергаетъ къ Твоимъ стѣнамъ.»

Вотъ собственный разсказъ нашего Героя о боѣ Чесменскомъ.

«Послѣ многихъ походовъ и переходовъ, я отправился къ Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову; а флотъ пустился искать славы въ Архипелагъ, оставя одинъ корабль и фрегатъ, на которомъ я съ братомъ моимъ отплылъ въ Морею. Появленіе флота Русскаго нагнало на Турокъ сильной страхъ, *Наваринъ* сдался горсти Русскихъ и Грековъ. Нашихъ было только двѣнадцать человекъ. Вскорѣ подоспѣлъ къ намъ Адмиралъ *Эльфистонъ* съ тремя кораблями и присоединился къ прежнимъ нашимъ шести линейнымъ кораблямъ. Было также у насъ и нѣсколько фрегатъ. Потомъ долетѣла до насъ

вѣсть, что въ море вышли шестнадцать Турецкихъ кораблей и множество различныхъ судовъ. Составился совѣтъ, на которомъ были два Графа *Орлова*, Контръ-Адмиралъ *Спиридовъ*, Капитанъ нашего корабля *Грейхъ* и я; начинали колебаться. Но мы съ *Грейхомъ* рѣшительно сказали, должно плыть къ Турецкому флоту и напасть на него. Долго мы боролись; наконецъ настойчивость наша увѣнчалась успѣхомъ. Мы вовлекли въ наше мнѣніе Графа Алексѣя Григорьевича. *Грейхъ* былъ мореходецъ искусный, опытный, умный и чрезвычайно распорядительный. Онъ разставилъ нашъ флотъ такимъ образомъ: три корабля въ авангардѣ подъ начальствомъ Адмирала: 1) *Европа*; 2) *Евстафій*, на которомъ былъ *Спиридовъ* и Графъ *Федоръ Григорьевичъ Орловъ*; 3) *Януарій*; *Коръ де Баталь*: 1) *Трехъ Святителей*, 2) *Три Иерарха*, 3) *Ростиславъ*, въ арріергардѣ, Адмиралъ *Эльфистонъ*. Корабли: 1) *Не тронь меня*; 2) Осмидесяти пушечный *Всеволодъ*, 3) *Саратовъ*. Кораблямъ предписано было идти одному за однимъ, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля и ложась въ линію производить пальбу.

«Наканунъ сраженія *Грейхъ* убѣждалъ меня принять начальство на корабль *Ростиславъ*. На этотъ вызовъ я отвѣчалъ смѣючись: вѣдь я не морякъ. Наконецъ уступя сильнымъ убѣжденіямъ его, я перѣхалъ на корабль *Ростиславъ*, куда послѣдовали за мною Генералъ *Паленъ*, Подполковникъ *Перенъ* и еще нѣкоторые другіе. На другой день мы увидѣли Турецкій флотъ на

якорь между островомъ *Хіо* и Азіатскимъ берегомъ. Корабль *Капитанъ Паши* въ той же линіи на правомъ крылѣ флота.

«Загремѣлъ знакъ къ нападенію, Корабль *Европа*, перешедъ на надлежащее разстояніе, поворотился вдоль Турецкаго флота съ пальбою, за нимъ двинулся *Евстафій*, а потомъ *Януарій*. Ставъ предъ Капитанъ Пашинскимъ кораблемъ, *Януарій* встрѣтилъ мѣль и опасаясь съesty на нее, повернулъ назадъ. Тоже предпринималъ и *Евстафій*, но паруса его были повреждены и его наклонило на корабль Капитанъ Паши. Въ это время Адмиралъ Спиридовъ и Графъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Орловъ съѣли въ шлюбку и погребли къ фрегату, стоявшему въ отдаленіи отъ флота. Въ слѣдъ за Спиридовымъ не поспѣлъ сынъ его, а за Графомъ Ѳеодоромъ Григорьевичемъ задушевный другъ его Князь *Козловскій*. Капитанъ Крузъ на послѣдней шлюбкѣ своей, отправилъ Адмиральскаго сына къ Графу Алексѣю Григорьевичу прокричать *ура!* то есть: поздравить со взятіемъ Турецкаго корабля. Горестно было это *ура!* перескочивъ на корабль, наши встрѣтили дымъ, клубившійся съ низу. Бросились назадъ, пламя обхватило корабль Турецкій. Не со страхомъ, но объятые изумленіемъ, наши сподвижники ожидали жребія своего. И вдругъ съ Турецкаго корабля на нашъ корабль съ трескомъ рухнула мачта. Съ быстротою молніи полетѣли и посыпались отъ нее искры въ пороховую камеру, открытую во время боя. Мгновенно корабль нашъ взлетѣлъ на воздухъ. Спаслись только Ка-

питанъ *Крузъ* и еще четыре человека. Всѣ прочіе погибли, въ томъ числѣ и Князь *Козловскій*, воспитаннѣйшій Творцемъ Россіады и извѣстный произведеніями пера своего. Вѣроятно что Турки въ неизбежной крайности готовили гибель и себѣ и намъ.»

«Между тѣмъ закипѣло дѣйствіе *Коръ-дебаталь*, корабль *Трехъ-Святителей* первый прошелъ сквозь Турецкую линію. *Три Іерарха* и *Ростиславъ*, повернувшись противъ Турецкаго флота, двинулись къ нему какъ можно ближе и огромяли его пальбою, флотъ Турецкій, отрубая якоря, стремительно и въ чрезвычайномъ разстройствѣ ринулся въ глубокій бассейнъ при Чесмѣ. А нашъ авангардъ, убавляя паруса, прибылъ уже тогда, когда обложили упомянутый бассейнъ. Во время сраженія, онъ далеко былъ отъ насъ и изъ одного хвастовства палилъ на воздухъ изъ пушекъ. А потому *Рюльеръ* и другіе иностранные писатели, несправедливо говорятъ, будтобы слава Чесменскаго боя принадлежитъ Англичанину *Емфистону*. Онъ былъ зрителемъ этой огненной трагедіи, а не дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сражался съ воздухомъ и воздушными замками, а не съ флотомъ Оттоманскимъ.»

«При взрывѣ *Евстафія*, казалось, что и душа Графа Алексѣя Григорьевича вырывалась изъ груди его, сильно взволнованной печальной мыслию, что море поглотило брата его Федора Григорьевича; въ этомъ сердечномъ порывѣ горести онъ бросилъ на палубу табакерку съ брилліантами и вскричалъ: ахъ! братъ! братъ любимый!

и слезы брызнули изъ очей его. Но вдругъ явился сынъ *Опиридова* съ извѣстіемъ, что и Графъ Ѳеодоръ Григорьевичъ и отецъ его живы. Восхищенный вѣстію, Графъ А. Г. позвалъ меня къ себѣ и мы пустились отыскивать Гр. Ѳ. Г. Флотъ Турецкій не думалъ тревожить насъ. Свѣтлое, спокойное море, въ которомъ очаровательно отражался волшебный небосклонъ Греціи какъ будто приглашало насъ не на бой, а на пиръ. Не стану описывать свиданія двухъ братьевъ; у кого горячо бьется въ груди сердце родственное, тотъ и безъ меня пойметъ то мгновеніе. Братъя бросились въ объятія другъ друга, плакали, рыдали и слышно было: *братъ! любезный братъ!* тутъ же обнялись они и съ нашимъ Адмираломъ, на груди котораго былъ большой образъ.»

«Снова поговоря съ *Грейхомъ*, мы немедленно оснастили четыре *брандера* (*) и ночью, подъ прикрытіемъ корабля *Европы*, *Колкачевъ* вплылъ въ бассейнъ и сблизился съ Турецкимъ флотомъ. Грозная туча сгушалась надъ флотомъ *Оттоманскимъ*. Мы встрѣтили его въ такомъ суматошномъ располхѣ, что иной корабль стоялъ къ намъ кормою. Нѣсколькими выстрѣлами *брандскугельными*, отважный *Колкачевъ* сжегъ Турецкій флотъ до тла. Изъ четырехъ *брандеровъ* одинъ *брандеръ* *Ильина* сцѣпился съ фланговымъ Турецкимъ кораблемъ. Разъѣзжая съ *Грейхомъ* на шлюбкѣ, мы увидѣли на разсвѣтъ, что одинъ только корабль *Родосъ* уцѣлѣлъ. Онъ тотчасъ

(*) Зажигательныя суда.

былъ взятъ и отведенъ въ Русскій флотъ, гдѣ громкое ура! оглашало небосклонъ Греціи. Домогались вытащить и другой корабль, но съ сосѣдняго сгорѣвшаго корабля упала на него мачта.»

«Ужасно, неописанно было зрѣлище въ Чесменскомъ портѣ! И Азія и Европа видѣли пламя, пожиравшее флотъ Оттоманскій: и Азія и Европа слышали ужасные громы отъ взрыва кораблей Турецкихъ. Кровь смѣшалась съ волнами морскими; обгорѣлые трупы и дымящіяся корабельные обломки, до того затѣсняли портъ, что едва можно было пробираться и на шлюбкѣ.»

ЗАМѢЧАНІЕ

о Князѣ

ТАВРИЧЕСКОМЪ.

Часть I.

12

«Вы кратки; вы вѣчны! цѣленіе
мое отъ ранъ близъ васъ»

*Письмо Суворова къ Князю
Потемкину 1788 г.*

Родина Князя Потемкина село *Чижово*, въ семи только верстахъ отъ села *Сутокъ*, бывшаго помѣстья моихъ отцовъ. Прадѣдъ мой и дѣдъ были въ связи съ его домомъ. Все то, что предлагаю о юныхъ его лѣтахъ, слышалъ я на родинѣ моей. О бытности Князя въ Московскомъ Университетѣ передалъ мнѣ поэтъ *Е. И. Костровъ*, соученикъ и другъ юности Григорія Александровича. О посылкѣ *Баура* въ Парижъ, частію рассказывалъ мнѣ племянникъ его *И. П. Высоцкій*, а остальными подробностями дополнилъ *В. В. Энгельгардтъ*, подъ начальствомъ котораго служилъ я въ Земскихъ Смоленскихъ войскахъ. Наконецъ о послѣднихъ дняхъ его жизни сообщилъ мнѣ мой родственникъ, Григорій Богдановичъ Глинка, находившійся тогда при Князѣ.

Обращаюсь къ нынѣшнимъ сужденіямъ объ этомъ неразгаданномъ еще человѣкѣ.

Лирикъ Державинъ называетъ Потемкина : «Великолѣпнымъ Княземъ Тавриды.» Но въ чемъ состояло его великолѣпіе? У него нигдѣ не было, такъ сказать, постоянного пріюта. Въ Таврическомъ дворцѣ онъ былъ затѣжимъ гостемъ. А родина его село *Чижеево*, доселѣ осталось въ скромной своей простотѣ. Тамъ превращена только въ каменную бесѣдку та баня, гдѣ Князь родился. Въ ней на стѣнѣ, за стекломъ и въ рамкахъ, находится свидѣтельство о томъ, что 1781 Іюня 4, была тутъ Екатерина II, сходила по лѣстницѣ къ колодезю, собственною рукою зачерпнула воду въ стаканъ, который и теперь тамъ же хранится. Въ числѣ прочихъ лицъ былъ тутъ съ Императрицею и Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Не стану допытываться тайны, для чего она пригласила съ собою на родину Князя, тогдашняго его соперника; можно однако догадываться, что она хотѣла уничтожить молву о его мнимой и бесполезной расточительности. Въ то же время и изъ одного стакана, она какъ будто въ знакъ сближенія двухъ полководцевъ подчивала водою Румянцева-Задунайскаго. Было ли это Оссиановскою чашею примиренія? Не знаю. Но то неоспоримо, что соперничество не мѣшало Румянцеву вполне оцѣнить достоинства и заслуги Потемкина. Полковникъ *Чекалевскій*, бывший письмоводителемъ Графа Петра Александровича, рассказывалъ мнѣ, что при полученіи извѣстія о кончинѣ Князя Таврическаго, въ *Вишенкахъ* были Князь Дашковъ и Апраксинъ, приверженцы Румянцева. Съ удивленіемъ смо-

трѣли они на Графа, когда, прочитавъ бумагу, онъ быстро всталъ съ креселъ, преклонилъ колѣно передъ образами, громко проговорилъ: «Вѣчная тебѣ память, Князь Григорій Александровичъ!» И потомъ оборотаясь къ Князю Дашкову и Апраксину прибавилъ: «Чему вы удивляетесь? Князь былъ мнѣ соперникомъ, можетъ быть и непріателемъ. Но Россія лишилась великаго человека; а Отечество потеряло сына, безсмертнаго по заслугамъ своимъ.» Въ той же бесѣдѣ я видѣлъ простой, деревянный бюстъ Князя. Вотъ все внешнее *великолѣпіе*.

Но если *правственное великолѣпіе* состоитъ въ томъ, чтобъ быть выше предубѣжденій соперничества и зависти, то это великолѣпіе безспорно принадлежитъ Князю Потемкину. Получа поздравленіе Я. И. Булгакова по случаю приобретенія Крыма, онъ отвѣчалъ: Вы относите ко мнѣ Крымскія дѣла, Все отъ Бога. Но вашъ умъ, дѣятельность и твердость духа отвратили войну. Вамъ обязана Россія и сами Турки. Они былибы побѣждены, но и кровь Русская потекла бы.» Великолѣденъ былъ Князь Таврическій, когда въ полномъ мундирѣ и съ тремя блестящими звѣздами на груди, стоялъ подъ выстрѣлами Турецкой батареи и когда подлѣ него поразило ядромъ Генерала Синельникова, а онъ былъ неподвиженъ. Поэтъ Петровъ свидѣтельствуетъ, что Князь въ дружескихъ бесѣдахъ говорилъ: «Я не забочусь о своей жизни, дорожу только славою Россіи и счастьемъ моего Отечества.»

Другое обстоятельство. Тотъ же Лирикъ Державинъ сказалъ о Потемкинѣ :

«Могущъ хотя и не въ пореѣрѣ.»

Одинъ изъ новыхъ нашихъ писателей изъ этого заключилъ, будто бы Князь уполномочилъ себя въ какомъ-то безотчетномъ управленіи. И это несправедливо. Онъ имѣлъ столько власти, сколько предоставляла ему Императрица. Скромная Екатерина о себѣ говорила: «Я только счастлива. Побѣдами моими подъ Ларгою и Кагуломъ обязана Я Румянцеву ; пораженіемъ Турецкаго флота подъ Чесмою, Орлову ; приобритеніемъ Крыма, Потемкину (*).» Подражая Императрицѣ и Потемкинъ ничего себѣ не приписывалъ. Въ тѣхъ письмахъ Суворова , которые я передалъ Графу М. С. Воронцову , онъ говоритъ : «Нашъ ангелъ вездѣ открываетъ мнѣ пути и ни въ чемъ не связываетъ мнѣ рукъ.»

Наконецъ , даже нѣкоторые изъ современниковъ Потемкина полагали , будто бы онъ дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Попова и Фалѣева , содержавшаго винный откупъ въ Крыму. И это совершенная ложь. Князь имѣлъ только довѣренность и къ тому и къ другому , и она оправдалась временемъ. Его давно уже не было на свѣтѣ ; а 1807 года изъ сельскаго своего уединенія Поповъ приглашенъ былъ на совѣщаніе о Тильзитскомъ мирѣ. Онъ проѣзжалъ черезъ Могилевъ , гдѣ былъ Князь С. Ѳ. Голицынъ , начальникъ земскихъ Смолен-

(*) Изъ переписки Екатерины съ Вольтеромъ.

скихъ войскъ, и гдѣ у супруги его гостила родная ея сестра, Графиня Браницкая. Последняя сказала Попову: «Смотри, Василій Степановичъ, докажи на Совѣтъ, что ты помнишь уроки моего дяди.» Не знаю, что на совѣщаніи говорилъ Поповъ; но онъ вскорѣ послѣ того поступилъ въ Члены Государственнаго Совѣта. Касательно Фалѣева недавно еще помѣстили въ Сѣверной Пчелѣ, что онъ еще при Князѣ подавалъ голосъ о срытіи Днѣпровскихъ пороговъ, о чемъ теперь озабочиваются для свободнаго плаванія по Днѣпру; справедливо то, что Потемкинъ не пренебрегалъ ничѣмъ и ничѣмъ. Услышавъ объ какомъ нибудь свѣдущемъ человѣкѣ, въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, онъ приглашалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ безъ чиновъ. Недавно также напечатано въ Полиц. Вѣдомостяхъ, что Князь у нашего механика — самоучки Кулибина, пилъ за его здоровье на именинахъ и что это подало поводъ и ученымъ привѣтствовать нашего механика. Какъ бы то ни было много еще, можетъ быть, будетъ сужденій о Потемкинѣ. Въ одной книгѣ, изданной за границею, называютъ Потемкина честолюбомъ. Это клевета. 1777 года, когда составлялся Сѣверный союзъ по случаю войны, возгорѣвшейся 1772 года, между Англіею и Америкою, Англичане домогаясь обольстить Потемкина золотомъ, предлагали ему 50000 фунтовъ стерлинговъ. Графъ Н. И. Панинъ сказалъ: Потемкина нельзя подкупить:» и онъ не былъ другомъ его. Въ судахъ и вездѣ свидѣтельство считается

вѣрнымъ, когда оно отъ недруговъ представляется.» (*).

Великодушный соперникъ и сопернику отдаетъ справедливость. Панинъ, украшаясь этимъ превосходнымъ качествомъ, воздалъ лучшую похвалу Потемкину.

(*) Иованъ Златоустъ.

У.

ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ

Князя Григорія Александровича

**ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕ-
СКАГО.**

Часть I.

13

Наука первая непостижима вѣкъ
Для челоѣка есть — наука челоѣкъ.

Херасковъ.

Въ кипѣніи и шумѣ новыхъ битвъ простыли
слѣды двухъ главныхъ сраженій Румянцева :
Ларги и Кагула.

Сошелъ въ могилу съ Суворовымъ громкій въ
свое время бой *Рымникскій.*

Но *Крымъ и Таврида*, послѣднее гнѣздо опустошителей юныхъ областей Россіи, день отъ дня разцвѣтаетъ болѣе и болѣе роскошнымъ садомъ природы. А тотъ, кто принесъ этотъ *безкровный даръ* Россіи, во всю жизнь свою не имѣлъ никакой осязлости. Князь Григорій Александровичъ въ безпрестанныхъ своихъ переездахъ, такъ сказать, *кочевалъ*. Рассказываютъ, что за нимъ возили садъ, раскидываемый въ степи, когда глубокое его раздумье вызывало дохнуть свободнѣе подъ открытымъ небомъ. Суворовъ, какъ выше было сказано, называлъ Потемкина Ангеломъ и говорилъ : «Нашъ Ангелъ ни въ чемъ не связываетъ мнѣ руки.» Не связывалъ рукъ Григорій Александровичъ и де-Рибасу, который, служа подъ его начальствомъ, полагалъ основаніе нынѣшней блестящей *Одессы*. Для себя Потемкинъ

ничего не строилъ. Родина его, село *Чижеево*, въ семи верстахъ отъ бывшаго жилища отцевъ моихъ. Взглянувъ на это село, подумаешь, что нашествіе 1812 года прошло, какъ будто мимо его. Церковь осталась неприкосновенною. Домъ, просто дворянскій, также уцѣлѣлъ, и свидѣтельствуешь, что тотъ, кто могъ бы превратить его въ готическій замокъ, закинуть въ роскошную тѣнь садовъ, оставилъ все по прежнему. За то и колыбель, и жизнь, и кончина его, все также было необычайно, какъ и онъ самъ. Онъ родился въ банѣ, превращенной въ каменную бесѣдку. Кажется, будто бы въ грозную борьбу 1812 года, тѣнь его отставвала свою колыбель. И эта бесѣдка, и скромный въ ней бюстъ его, и листъ въ рамкахъ за стекломъ — все это уцѣлѣло; все это пережило и Екатерину, и Князя Таврическаго, и нашествіе. А сколько переѣмнилось областей съ того времени!

Въ предварительномъ замѣчаніи рассказаны уже подробности посѣщенія родины Князя Таврическаго Екатериною, а здѣсь прибавлю, что все это слышалъ я отъ отца моего, который въ званіи Духовщинскаго Капитанъ-Исправника провожалъ Императрицу.

Упомянулъ я, что Григорій Александровичъ для себя ничего не строилъ. Дворецъ Таврическій былъ пожизненнымъ его пріютомъ, гдѣ, такъ сказать, онъ гостилъ только налетомъ, и гдѣ 1791, въ день своихъ именинъ Апрѣля 21, далъ то волшебное празднество, которое, безъ всѣхъ преувеличеній, какъ будто

превзошло рассказы *Шехеразеды* о лампадѣ *Алладина*, изъ которой, по прикосновенію хозяина, появлялось чудо за чудомъ, и одно другаго удивительнѣе. Завѣщалъ только Григорій Александровичъ, чтобы въ Москвѣ, на Никитской, гдѣ былъ небольшой деревянный домикъ, сооружена была церковь. И это завѣщаніе осуществилось послѣ великаго нашего 1812 года. Въ обновленной Москвѣ освященъ былъ завѣщанный храмъ.

Отецъ Григорія Александровича за доброе сердце, за радушную ласку и за патриархальное гостепріимство, былъ искренно любимъ во всемъ околodкѣ, и для богатаго и для бѣднаго сосѣда, у него для всѣхъ равно отворялись и двери его дома и сердце. А мать Князя *Тагеричану*, на своемъ домовитомъ поприщѣ, какъ будто предвѣстила будущій его жребій на чредѣ военачальника; для родныхъ и знакомыхъ, была она законодательницею и въ хозяйствѣ и въ нарядахъ, не модныхъ, но домашняго издѣлья. Тогда еще моды Парижскія въ необозримой дали были отъ сельскихъ пріютовъ Смоленскихъ, да чуть ль и не отъ самого Смоленска. А кажется это и не дурно. Тогда души земледѣльцевъ съ родныхъ нивъ не затыснялись въ *Ломбардѣ*. Какъ бы то ни было, но по живой довѣренности къ матери Григорія Александровича, отцы и матери совѣтывались съ нею во всѣхъ своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Безъ нее не улаживалось ни одно сватовство, ни одна свадьба. И все это помогалъ ей дѣлать

здравый ея умъ и доброе сердце; и все это шло и мирно и полюбовно. Отъ нее перешло и къ сыну искусство обворожать сердца и взглядомъ пріятливымъ и живымъ словомъ. Однажды въ полномъ блескѣ Фельдмаршала пріѣхалъ онъ на смотръ тогдашняго артиллерійскаго корпуса. Быстрымъ, орлинымъ взглядомъ окинувъ юныхъ кадетъ, онъ взялъ за руку начальника ихъ Мелисина и богатырскимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ Ивановичъ! что за молодцы твои кадеты! Вѣдь это все будущіе фельдмаршалы.» Объ этомъ рассказывалъ мнѣ одинъ изъ тогдашнихъ кадетъ, дослужившійся уже до Генералъ-Лейтенанта. На другой день Мелисина и всѣ корпусные чиновники явились поблагодарить Князя за посѣщеніе. Правда, онъ вышелъ въ шлафрокъ и протирая широкими ладонями сонные глаза; но тутъ же дружески обнявъ Мелисина и оборотясь ко всѣмъ чиновникамъ, сказалъ: «Господа! обнимаю васъ всѣхъ въ лицѣ Петра Ивановича, вашего достойнѣйшаго начальника; а вашимъ молодцамъ скажите, что они нынѣшнюю ночь подарили меня самымъ сладкимъ сномъ.»

Тутъ же съ корзинами яблокъ и другихъ плодовъ толпились разносчики въ залѣ Таврическаго дворца, имъ отсыпали деньги и отпускали ихъ съ барышемъ безъ продажи, съ товаромъ и съ ласковымъ привѣтомъ.

ЗАТЪЙЛИВАЯ ШУТКА ЮНАГО ПОТЕМКИНА.

Рано пробудился въ юномъ Потемкинѣ затѣйливый умъ. Между прочими его проказами, вотъ одна, которая чуть было кончилась и не шуткою. Однажды отецъ его отправился на охоту съ роднымъ дядею его. Увлекался удачною охотою, охотники запоевались и въ сумерки возвращались домой. Луна засеребрилась надъ лѣсомъ. Изадали неслись звуки роговъ, хлопанья арапниками и пѣсни заливыня, вѣрные вѣстники веселаго полеваяго разгула. Нашъ молодецъ въ очередь свою затѣявъ потынить юную удаю свою, приварядился въ медвѣжью кожу, въ полномъ ея видѣ и притаился подъ лѣсомъ въ кустахъ. На бѣду, дядѣ доведось вхаты прямо мамо этой медвѣжьей засады. Лишь только онъ поровнялся съ шалуномъ, онъ выскочилъ, взвился на дыбы и протяжно заревѣлъ, испуганный конь шарахнулся, и дядя во весь свой ростъ ринулся на землю. Крѣпко журили проказника, а онъ отвѣчалъ: *волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить.*

ОТМѢТКИ ЮНАГО ПОТЕМКИНА НА КНИГУ ЮАННА ЗЛАТОУСТАГО:

О Свѣщенствѣ.

Поступя 1806 въ земскія Смоленскія войска, я отправился на родину мою и провѣщая мимо села Чижова, полюбозытствовалъ осмотрѣть внутренность, особенно библіотеку. Наслышась давно отъ поэта нашего *Кострова*, (о которомъ будетъ далѣе) что Григорій Александровичъ въ бытность свою въ Московскомъ Университетѣ, читая чужія книги, дѣлалъ отмѣтки карандашемъ, а на своихъ чернилами, я при самомъ входѣ въ домъ, спросилъ у управителя: «не осталось ли какихъ нибудь книгъ отъ Князя Григорія Александровича?» Ласковый управитель отвѣчалъ, что есть еще цѣлый шкафъ съ духовными книгами, которыя Князь читалъ въ молодости своей: «спѣшу туда, разбираю, перебираю книги духовныя, перевортываю листы и наконецъ доискался до завертанныхъ страницъ отмѣтки въ словахъ книги Златоуста: *о свѣщенствѣ*. Пробѣгаю первую завернутую, страницу и читаю, (предлагаю по новому переводу): «Если хочешь всѣхъ военачальниковъ исчислить отъ самой глубокой древности, ты увидишь, что ихъ трофенъ были большею частію слѣдствіемъ

военной хитрости и побѣждавшіе посредствомъ оной заслужили болѣе славы, нежели тѣ, кои поражали открытою силою; ибо сіи послѣдніе одерживаютъ верхъ съ великою тратою людей, такъ, что никакой выгоды не остается отъ побѣды,» и проч. и проч.

На поля этой рѣчи, Потемкинъ очень четко отмытилъ чернилами: *правда! сущая правда! нельзя ничего сказать справедливѣе.*

Вижу другую завернутую страницу и читая на ней: «Изобиліе денегъ не то, что благоразуміе души, деньги истрачиваются.»

Въ отмыткѣ Потемкина сказано было: *и это сущая правда: и я цѣлую сіи золотыя слова.»*

А въ послѣдствіи и по серацу своему и по духу Златоуста Князь Таврическій говорилъ: «Люди все; а деньги соръ.»

Юнаго Потемкина готовили въ духовное званіе, а судьба вызывала его на другое поприще. Но онъ съ молодости такъ сказать, вчитался въ духовныя и церковныя книги, что и поселило въ немъ набожность. Одинъ изъ его родственниковъ также *Потемкинъ*, поступя изъ военной службы въ духовный санъ, былъ преосвященнымъ въ *Екатеринославль*. Князь Таврическій чрезвычайно уважалъ его и хранилъ къ нему постоянную дружбу. Памятникъ набожности Григорія Александровича, существуетъ и въ Москвѣ; тамъ, гдѣ на *Никитской* былъ скромный пріютъ его отца, по завѣщанію его сооружена церковь названіемъ *новаго Вознесенія*.

ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Видя бойкость юнаго сына своего, отецъ Григорія Александровича, оставя мысль о духовномъ званіи, рѣшился отдать его въ Московскій университетъ. Но съ затѣйливымъ умомъ трудно было Потемкину ужиться исправнымъ студентомъ. При счастливыхъ способностяхъ ума, у него не доставало способности, какъ говорится, *ходить по стрункѣ*. Съ пылкою головою невольно пошатнешься то на ту, то на другую сторону. Память у него была удивительная. Еслибъ онъ шелъ путемъ *Лейбница*, то и его, можетъ быть, назвали бы: *ходячею библіотекою*. Любимый его товарищъ, поэтъ Еремилъ Ивановичъ Костровъ, рассказывалъ мнѣ у Федора Григорьевича *Карина*, общаго нашего пріятеля, что Потемкинъ взялъ у него однажды книгъ десять различнаго содержанія, и возвратилъ ихъ ему дней черезъ пять. «Да ты, братъ!» сказалъ Костровъ: «видно только пошевелилъ листы въ моихъ книгахъ. На почтовыхъ хорошо летѣть въ дорогъ; а книги — не почтовая ѣзда.» «Ну! возразилъ Григорій Александровичъ: пусть будетъ по твоему, что я летѣлъ на почтовыхъ; а все таки я прочиталъ твои книги отъ доски до доски. Изволь! профессор-

ствуй! Вскочи на стулъ—вмѣсто каведры. Раскрой какую хочешь изъ книгъ своихъ и вопрошай громогласно, безъ запинки.» «И въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Костровъ: Григорій Александровичъ не только читалъ, но и вчитывался въ каждую книжку живою памятью. Онъ все мнѣ пересказывалъ, какъ будто заданный урокъ.»

И при этой счастливой памяти неугомонный юноша не усидѣлъ на лавкѣ университетской; онъ выбылъ оттуда *недоученымъ студентомъ*. Онъ ни сколько не сердился на университетъ и писалъ очень ласковыя письма къ тогдашнему Ректору Антону *Барсову*. Эти письма были у меня въ рукахъ, и я передалъ ихъ покойному Константину Федоровичу *Калайдовичу*.

ДРУЖБА ДОУЧИВАЕТЪ ПОТЕМКИНА.

Другъ — дороже денегъ.

(Пословица.)

Правду сказать, родился тотъ въ сорочкѣ, кому въ веснѣ дѣтъ Богъ дать друга, съ кѣмъ можно подѣлиться и живыми мыслями, и юношескими сердечными порывами! Сколько ни умствовалъ XVIII вѣкъ во Франціи, будто бы всѣ связи людей сковываются золотыми цѣпями личныхъ выгодъ: это пустой звукъ словъ. Отважныя выходки писателей того вѣка иногда пускаютъ пыль въ глаза, но сердца не обманываютъ. Въ любви и дружбѣ оно лучшій судья. Душа ихъ видитъ; душа ихъ обнимаетъ. Не могу съ точностію сказать, когда *модоученый студентъ* Потемкинъ сблизился съ поэтомъ Васи́ліемъ *Петровымъ*. Но очень вѣроятно, что это было вскорѣ по выходѣ его изъ университета. И это обстоятельство въ полномъ смыслѣ можно назвать счастливою находкою. Страстно любя Греческую и Латинскую словесность, Петровъ занимался ими съ юнымъ другомъ своимъ, училъ его языку *Омира*, и самъ перечитывалъ его съ нимъ. Вотъ, что онъ объ этомъ говорить:

«Читать пѣсца Троицкой брани
 Былъ, пишутъ, Александровъ вкусъ;
 Какъ сотъ, Потемкина гортани
 Пріятель стихъ, любимица музъ.»

Петровъ все читалъ и перечитывалъ съ Потемкинымъ и вотъ почему, говоря словами Принца Деллия: «Потемкинъ въ послѣдствіи былъ: *мудрецомъ безъ книгъ*.

Страстно также любилъ Потемкинъ и русское слово. И эта страсть юноши перешла и въ зрѣлую лѣта Князя Григорія Александровича.

«Въ ослабу утружденна духа
 И средь пріятѣйшихъ музыкъ
 Онъ, судить тонкостію слуха,
 Чѣмъ сладокъ — нашъ родной языкъ. (')»

Въ то время въ нашемъ юномъ поколѣніи какое-то жаркое было стремленіе быть писателемъ, Суворовъ говорилъ: «еслибъ я не былъ воинномъ, то былъ бы писателемъ.» Не говоря о томъ, что тогда и Графъ де-Саксъ, обмѣнивая шпагу на перо, передавалъ ему свои мечты о военной наукѣ; не говоря и о томъ, что и Фридрихъ второй среди тревогъ военныхъ писалъ и прозу и стихи; мы видѣли, что и юный Бонапартъ метилъ на чреду писателей и что трагедію его: *Аяксъ*, (если не ошибаюсь) играли подъ чужимъ именемъ. Заманчиво и поприще писательское. Видя опыты сочиненій своего юнаго друга Григорія Александровича, поэтъ Петровъ говорилъ:

(') Петровъ.

«Онъ безъ устала — успѣваетъ,
 Когда парить своимъ умомъ,
 И жарку душу выражаетъ
 Живыми и пламенными нервомъ.»

«Не тяжкихъ праздныхъ словъ притѣснитъ
 Красотъ намъ въ слогѣ онъ притѣситъ ;
 Когдабъ онъ не былъ Ахиллсомъ,
 То былъ бы онъ у насъ Гомеръ.»

Скажу нѣсколько словъ о поэтѣ Петровѣ, онъ
 весь, какъ будто жилъ душою. Возвышеніе По-
 темкина въ чинахъ нисколько не разрознивало
 ихъ дружбы. Потемкинъ уже былъ *Преслѣди-*
тельнымъ, а онъ къ нему писалъ :

«Младой и храбрый вождь, другъ общества и мой,
 Препровождаемый собраньемъ музъ, Герой,
 Что видишь по своей заслугѣ, не по дѣдамъ,
 Какъ агнецъ жилъ межъ насъ, какъ левъ вышелъ къ побѣдамъ;
 Потемкинъ! будь счастливъ, геройствуй, успѣвай
 И славою дѣлъ твоихъ съ лѣтами сооръвай.»

Между тѣмъ, когда Потемкинъ пожиналъ лав-
 ры военные, другъ его, всегда готовый на доб-
 ро, принявъ подъ руководство свое юнаго Га-
 лактіона Ивановича *Силова* отправился съ нимъ
 на берега *Тамзы*. Вотъ, что онъ писалъ къ пи-
 томцу своему :

«Счастливое дитя незнатнаго елика,
 Ты права тихостью влечешь къ себѣ сердца,
 Какая въ обществѣ не выпала намъ доля,
 Нашъ разумъ съ прочими равняетъ насъ и воля.»

Петровъ какъ говорилъ, такъ и дѣйствовалъ,
 онъ говорилъ :

«Нерѣдко намъ грозитъ ненастье ;
 Судьба гордиться не велитъ ;

Другимъ созданное счастье
Одно лишь въ жизни веселить.»

Въ одинъ изъ прїѣздовъ Князя Григорія Александровича въ Москву, Петровъ повелъ его еще въ колыбельную типографію С. А. Селивановскаго. Не деньгами помогалъ онъ новому основателю типографіи, но ревностнымъ содѣйствіемъ къ успѣху его заведенія, Петровъ зналъ и писалъ, что :

«Никто не дастъ ума и пылкости страстей » (*)

На это нѣтъ покровительства, но онъ зналъ также, что человеку умному и расторопному, живое участіе людей доброхотныхъ въ накомъ бы то ни было дѣлѣ, придаетъ крылья. Вотъ чѣмъ услуживалъ Петровъ своему пріятелю Селивановскому и вотъ чѣмъ проложилъ онъ ему путь къ усовершенствованію типографскаго поприща. Вошедъ въ типографію съ другомъ своимъ Григоріемъ Александровичемъ, Петровъ сказалъ: «я примусь за работу, а вы, любезный Князь! увидите, что по ласкѣ хозяина типографіи и я кое какъ понаторылъ въ его дѣлѣ.» И тутъ же подступя къ станку довольно проворно и ловко набралъ и оттиснулъ слѣдующіе стихи :

«Ты воинъ, ты герой ;
Ты любишь музъ творенья ,
А вотъ здѣсь и соперникъ твой —
Герой печатнаго издѣлья.»

Прочитавъ стихи, Петровъ сказалъ другу сво-

(*) Изъ посланія къ Екатерины Второй.

ему: «вогъ и обращикъ моего типографскаго мастерства и привѣтъ за ласковый вашъ сюда приходъ.» Григорій Александровичъ отвѣчалъ: «стыдно же будетъ и мнѣ, если останусь у друга въ долгу. Изволь: и я попытаюсь. Но чтобъ не ударить въ грязь лицомъ, пусть нашъ хозяинъ мнѣ укажетъ: какъ за что приняться и какъ что дѣлать? Дѣло мастера боится. А безъ ученья и аза въ глаза не увидишь.»

Это былъ праздникъ для хозяина типографіи. Не нужно и говорить, съ какимъ жаркимъ рвеніемъ принялся онъ все высказывать и указывать своему Сіятельному ученику. У Потемкина и тутъ закипѣло умѣнье. Хотя помедленіе друга своего улаживалъ онъ все, однако же сладилъ. Окончивъ наборъ, Князь сказалъ Петрову: «я, братъ! набралъ буквы, какъ съумѣлъ. А ты оттисни самъ, ты, какъ я видѣлъ, пока въ этомъ дѣлѣ.» Петровъ оттиснулъ набранное и прочиталъ:

«Герой ли я? не утверждаю;
Хвалиться не люблю собой,
Но что я другъ всегдашній твой;
Вотъ это очень твердо знаю.» (*)

Екатерина Вторая писала къ Фернейскому

(*) Поэтъ Петровъ женатъ былъ на *Блассеной*. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ по Архаровскому полку, также былъ женатъ на *Блассеной*, родной ли сестрѣ жены поэта или родственницѣ, не знаю, скажу только, что списокъ съ приведенныхъ стиховъ получалъ я 1808 года; а подлинникъ остался у вдовы Петрова.

поэту: «Петровъ подарилъ насъ переводомъ Энеиды, мы въ немъ читаемъ *Виргилія*.» *Бартеlemi*, новый переводчикъ Энеиды, помѣстилъ эти слова въ предисловіи къ своему переводу.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЪѢДЪ У КНЯЗЯ ГРИГОРІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВЪ МОГИЛЕВѢ.

Не стану беспокоить ни Энеиды, ни другихъ поэтическихъ произведеній Петрова. Очень часто перелеты славы писателей мелькають и у насъ и вездѣ мгновенными искрами и гаснутъ, какъ искры. Поэтъ Фернейскій давно сказалъ:

«Нѣтъ! не добьетесь въ храмъ славы вы перомъ,
Умрете; конечно! съ могилою—забвенье!
Умрете вмѣстѣ вы съ томительнымъ трудомъ;
Гонимыя за вѣкомъ — васъ сторожить презрѣнье.»

Но тутъ дѣло не объ этомъ, а вотъ въ чемъ дѣло. Скажутъ, можетъ быть, что поэтъ Петровъ, говоря о глубокихъ познаніяхъ и полетѣ мысли друга своего, увлекался восторженною мечтою, но вотъ точно такое же о томъ свидѣтельство челоуѣка посторонняго, заимствованное изъ четвертой части записокъ *Михаила Огинскаго*. У меня нѣтъ теперь этой книги, а у кого она есть, тотъ можетъ свѣрить предлагаемый мною рассказъ съ подлинникомъ. Записки *Огинскаго* изданы имъ на Французскомъ языкѣ. «Въ одинъ изъ пріѣздовъ Князя Потемкина въ Могилевъ, говоритъ сочинитель записокъ: мнѣ довелось тамъ быть. Въ ожиданіи его за трое еще сутокъ съѣхались со всѣхъ сторонъ дворяне съ женами и дочерьми своими, разряженными въ

пыхъ, и встрѣтили Князя на крыльцѣ. А онъ, выскочивъ изъ коляски въ запыленномъ халатѣ, какъ будто никого и ничего не видя, пролетѣлъ въ приготовленныя для него комнаты. На другой день челоуѣкъ двадцать иностранцевъ, Англичанъ, жителей сѣверныхъ Американскихъ областей и я, мы приглашены были на обѣдъ къ Князю. Казалось, что вчерашній Потемкинъ переродился, мы увидѣли ловкаго, сановитаго, привѣтливаго Князя. Но это ничего. А вотъ, что удивило и меня и всѣхъ гостей, съ каждымъ изъ нихъ разговаривалъ обо всемъ такъ отчетливо и съ такими подробностями, какъ будто бы вѣкъ жилъ и въ Англіи и въ Америкѣ. Мы не спускали съ него глазъ и ловили его слова. Онъ казался намъ *всемирнымъ путешественникомъ* и путешественникомъ умнымъ, наблюдательнымъ, отъ котораго ничто не ускользнуло. Можно сказать, что онъ, какъ будто передъ пол-свѣтомъ выдерживалъ испытаніе и выдерживалъ его не запынаясь, дошла очередь и до меня, *вашъ Варшавскій Губернаторъ Грабовскій*, сказалъ Князь, *слишкомъ молодъ для своего мѣста.* «Ему поможетъ теорія», отвѣчалъ я. *Теорія! теорія!* возразилъ Князь: *умъ творческій самъ пролагаетъ себѣ пути. А ваши теоріи, какъ будто младенца, водятъ умъ на помочахъ.* — Замѣчу, что Державинъ, какъ будто подслушавъ Князя Григорія Александровича перенесъ эти слова въ свой *содоландъ*.

ВЫЗОВЪ ПОТЕМКИНА НА ПОЕДИНОКЪ КНЯЗЕМЪ П. М. ДАШКОВЫМЪ.

Современники Князя Потемкина и Графа Румянцева, раздѣлены были на двѣ стороны: одни были за Потемкина, а другіе за Румянцева. Князь Дашковъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Не могу утвердительно сказать, подъ какимъ предлогомъ, но только извѣстно, что Князь Павелъ Михайловичъ, въ Кіевѣ вызывалъ Князя Григорія Александровича на поединокъ. Потемкинъ не поднялъ перчатки; по этому случаю воспослѣдовалъ указъ о поединкахъ. Почему Потемкинъ не принялъ вызова: это была его тайна. Но только въ этомъ и капли не было трусости. «Я жилъ съ Княземъ Таврическимъ, говорить Принцъ де-Линъ: я видѣлъ слезы его, когда другимъ угрожала опасность. Онъ плакалъ, слыша пушечные выстрѣлы, полагая, что: кто нибудь убитъ. А самъ неподвижно стоялъ подъ ядрами и нервно съ открытою головою. Три звезды, ленты и портретъ Екатерины, увязанный кружными брилліантами, какъ будто вызывали выстрѣлы. Сами, говорилъ я Князю: надобно имѣть нѣскольکو запасныхъ жизней, а не одну. Въ комнатѣ,

полураздѣтый, онъ прикидывался соннымъ, а
вмѣсто того, и днемъ и ночью, онъ весь былъ
въ мысляхъ своихъ. Передъ рядами войскъ
своихъ онъ въ полной мѣрѣ былъ Омировымъ
Агамемнономъ.»

СНОШЕНІЯ
КНЯЗЯ ТАВРИЧЕСКАГО
СЪ
Яковомъ Ивановичемъ Булаковымъ.

Душа душу знаетъ.

Въ царствованіе Екатерины II Яковъ Ивановичъ Булаковъ занималъ едва ли не первое мѣсто на чредѣ людей второстепенныхъ. Но что такое *человѣкъ второстепенный*? Мы этого не можемъ еще опредѣлить. У насъ существуютъ военныя извѣстія вѣка Екатерины II; но то, что называютъ исторіей дипломатической: у насъ нѣтъ этой исторіи. А отъ этого, сколько лицъ, дѣйствовавшихъ для пользы отечества, какъ будто были и не были? Потемкинъ избавилъ Булакова отъ этого безгласнаго забвенія. Упрекали его и писатели и наши соотечественники въ какомъ то ненасытномъ тщеславіи, но онъ опровергъ это не словами, а явными дѣлами. Едва ли кто изъ первостепенныхъ лицъ вѣка Екатерины II дѣйствовалъ съ такимъ безпристрастіемъ, какое Князь Григорій Александровичъ оказывалъ сотруднику своему въ присоединеніи Крыма къ Россіи, Якову Ивановичу Булакову. И Потемкинъ былъ правъ. Всѣ тогдашнія временныя победы подъ *Ларіою*, *Кагуломъ*, *Римникомъ*, даже и взятіе приступомъ

Часть I.

16

Измаила, слывшего 1791 года грозною твердынею: все это промелькнуло блестящимъ сновидѣніемъ. 1809 года Князь *Багратіонъ* могъ тоже сказать, что сказалъ Юлій Цезарь, разбивъ Фарнака: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ*. Князь Багратіонъ пришелъ къ Измаилу, взглянулъ на него и вошелъ въ него, какъ будто бы на раздыхъ или на постой войска. Все временное само собою затеривается въ переходъ времени, какъ бы оно ни было въ началѣ громко и блистательно. Но присоединенія къ Россіи *Крыма* требовалъ рядъ цѣлыхъ столѣтій. Сколько было отъ него разоренія и земель Русской, и нашей новой Россіи! Въ то самое время, когда побѣдоносное оружіе Петра Перваго огромяло прибалтійскія Шведскія области, Крымскіе Татары вторгались не только въ Украину нашу, но и далѣе; жгли селенія, перегоняли стада, уводили въ плѣнъ тысячи людей, разграбляли имущества; словомъ, не давали передышки Украинцамъ и жителямъ прикосновенныхъ къ нимъ мѣстъ. Все это и подробно и разительно изложено Графомъ *Остерманомъ* 1735 года, въ объявленіи о войнѣ съ Портою Оттоманскою. Крымъ, такъ сказать, былъ передовымъ станомъ вторженія хищныхъ ордъ въ наши южныя области; въ тѣ самыя области, которыя можно назвать *жизнищами* нашего отечества. Теряли отъ Крыма и земля, и люди, и все то, что уничтожаетъ быть человеческій. А теперь Крымъ цвѣтущій садъ; и въ Украинѣ водворилась жизнь самостоятельная. Присоединеніе къ

Россіи Крыма, было безкровною жертвою, принесенною нашему отечеству Княземъ Таврическимъ и Яковомъ Ивановичемъ Булгаковымъ. У насъ нѣтъ еще полнаго очерка жизни Булгакова; но исторія его заслугъ по дѣламъ Крымскимъ заключается въ письмахъ Потемкина. Давне это увидѣть. А здѣсь скажу только, что Князя Таврическаго отъ того укоряли въ какомъ то высокомеріи, что даже и не все умные его современники понимали его. 1825 года, въ бытность мою въ Петербургѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ я Князя Дмитрія Ивановича Лебанова на дачѣ его. Послѣ различныхъ разговоровъ о тогдашнемъ времени, дошла рѣчь до Князя Потемкина. «Потемкинъ былъ гордъ, и гордостью своею часто оскорблялъ Князя Николая Васильевича Реннина.» «Это несправедливо, отвечалъ я: у меня есть собственноручное письмо Князя Григорія Александровича къ Князю Реннину, въ которомъ онъ называетъ его своимъ сердечнымъ и душевнымъ другомъ. Я вамъ его перешлю. Доставлять бы и самъ, но я сегодня въ ночь отправляюсь въ Москву. Это письмо, занимающее четыре страницы, должно быть теперь у кого нибудь изъ родственниковъ покойнаго Князя Дмитрія Ивановича. Главная сущность письма следующая: «Мой сердечный, мой душевный другъ! не замедли пріѣздомъ своимъ. Мнѣ нужно переговорить съ тобою о новомъ разпоряженіи войскъ. Ты знаешь, какъ я ценю твой умъ и твою дѣятельность. Съ тобою, мой сердечный другъ, могу совѣтываться и говорить

съ полною откровенностію; но не со верна. Безусловная откровенность — сухая наука. Иной употребить ее во зло; другой не поверить ей; а третій не пойметъ.»

Съ Яковомъ Исааковичемъ Булгаковымъ всегда была и душа Князя Потемкина; по деламъ Крымскимъ, онъ не дѣлалъ безъ него ни одного шага и обо всемъ извѣщалъ его. 1783 года, Июля 19 Князь Потемкинъ писалъ къ Якову Исааковичу: «да благословитъ Богъ старанія ваша! Онъ увеличиваетъ успѣхами. Въ томъ рождаются умъ, вѣрность, усердіе и дѣятельность. Я къ вамъ постоянно приближаюсь, относитесь прямо ко мнѣ. Все состоитъ въ томъ, чтобы Крымъ принадлежалъ Россіи.»

Въ отвѣтъ своемъ къ Григорію Александровичу, Булгаковъ говорилъ: «имя ваше будетъ бессмертно въ исторіи вѣковъ и человечества». Даря новыми талантами сотрудника своего, Князь Таврическій писалъ къ нему: «вы отвѣсите ко мнѣ дѣла Крымскія; это еще болѣе увеличитъ заслуги ваши. Все отъ Бога; но намъ обязана Россія и сами Турки. Ваша твердость, мужество, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены; но и русскія крѣпости были бы потеряны.»

Вотъ бессмертіе и Потемкина и Булгакова. Важныя, неразрывныя и къ дѣйствію не померкнущія никогда въ нашей новой исторіи. Присоединеніемъ Крыма къ Россіи, они спасли существованіе къ существенной и очевидной пользы отечества. Было время, когда орды Крымскихъ Татаръ забѣгали и въ сердце земли Русской, въ Москву.

Но въ некоторыхъ Карскайскія области завоёванными окомъ смотрѣлъ на это присоединеніе. Царскія мнѣнія и въ Портѣ Османской тѣлись подъ немломъ; новая война готова была вспыхнуть. Грозная борьба возникла бы; и Россія и Турція потерпѣли бы новыя утраты и въ поддержаніи и въ потерѣ людей. На тутъ уже непосредственныя, полныя пламы принадлежать Янузу Иа-новичу Булгакову: по свидѣтельству самого Князя Таврическаго, онъ единъ удержалъ Турцію, отаратилъ войну отъ Россіи и оказалъ тѣмъ неразрывную услугу и Туркамъ и намъ Русскимъ. Но не възвръ на всѣ его усилія, новая война востерѣлась въ исходѣ 1787 года. Съ Потемкинъ и съ Румянцевымъ войска двинулись противъ Турціи; двинулись и Царцы. А Булгакову единъ приказомъ единъ своимъ лицамъ отстоять Россію въ Турціи. Царта требовала, чтобы онъ содѣйствовалъ къ возвращенію Крыма и къ уничтоженію прежнихъ мирныхъ договоровъ. На всѣ угрозы намъ русскій посолъ отвѣчалъ бѣстрепетно: *Россія не осмѣливается ни на те, ни на другое. Двери самобезпечнаго замка захлопнулись за нимъ. Семнадцать мѣсяцевъ страдалъ онъ и это еще до 1784 года; семнадцать мѣсяцевъ не получалъ отвѣта на донесенія; не рѣдко, за недостаткомъ чернилъ, писавшій собственною его кровью, сколько-то неловко было употреблять осторожныхъ изобретеній, чтобы доставлять Князю Таврическому нужныя свѣденія, которыя, такъ сказать, писалъ онъ нѣдѣ мѣстѣ Давосъ, вѣнскимъ нѣдѣ его гласовою на одномъ вѣзевѣ.*

И въ это тяжкое время забыть себя и жить каждый день, каждый часъ являясь къ лицу къ смерти, онъ писалъ къ Николу Григорію Александровичу: «дай Боже, чтобы только доходило, что пишу, этого довольно для моего утешенія, нещепивъ въ средства, подвергая себя всякимъ опасностямъ. Что могу болѣе сдѣлать для моего Отечества?»

Безъ сомнѣній, ничего болѣе было болѣе сдѣлать. Отважный Римлянинъ *Курцій*, бросивъ себя въ пропасть, упряжавшую Риму, предполагая, что пожертвованіемъ его жизни, она закроется. Но это подвигъ мгновенный, если только такъ было. А бороться одному съ явными опасностями мѣсяцы и годы: на это нужно великое душевное самоотверженіе.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ *Долгоруку* Екатерина писала: «слава моего царствованія не мнѣ принадлежитъ. *Орелъ* присовѣтывалъ мнѣ послать флотъ въ Аркиндалъ. Блескъ моихъ побѣдъ принадлежитъ *Рулищеву*. За погнаніе Татаръ я обязана *Шотеминцу*. Я только счастлива.» И это счастье доставило Екатерину *Булакова*. Какъ бы то ни было, а лице стоящее на первой чредѣ, заслоняетъ лице второстепенное. Но Князь Таврическій самъ себя отдавалъ и изъ за себя выставлялъ передъ лице отечества Якова Ивановича Булакова. Два главные цѣнителя заслугъ его были *Потемкинъ* и какъ далѣе увидимъ: *Суворовъ*. А сотрудникъ Григорія Александровича по службѣ своей въ отечества, трудясь въ совершенномъ одиночествѣ

ствъ не могъ примѣнать къ себѣ тѣмъ, что обыкновенно приманиваетъ и что заставляетъ, по расчету личныхъ выгодъ, величать и провозносить того, въ комъ ищутъ. Въ Булгаковъ искалъ одинъ Потемкинъ и для славы своей и для пользы отечества. За то и Яковъ Ивановичъ не искалъ ни въ комъ и ничего. Одинъ только разъ отнесся онъ съ просьбою къ Князю Таврическому, чтобы ему былъ данъ знакъ какого нибудь видимаго отличія. «Ибо, говорилъ онъ: и Турки начали присматриваться къ знакамъ почетнымъ и уклончиве передъ тѣмъ, на комъ ихъ видятъ. Но и объ этомъ прошу не для себя, а для пользы моей службы.»

Князю Таврическому воздвигнуть памятникъ; а памятникъ Булгакова въ письмахъ его. Очень желательно, чтобы достойный сынъ Якова Ивановича, умнымъ перомъ своимъ написалъ полный очеркъ жизни своего отца съ разшищеніемъ въ немъ по годамъ писемъ его, составляющихъ огромное и драгоценное собраніе. Это будетъ у насъ въѣнкомъ русской дипломатической исторіи. Сколько борьбы выдержалъ Яковъ Ивановичъ и съ происками *Шуазеля Гурье* и съ гоненіями *Дорты*! Онъ былъ Героемъ на своей челѣ. Вотъ почему и Суворовъ на ряду съ Потемкинымъ отъ чистаго сердца дарилъ его пальмою; и вотъ письмо къ нему Александра Васильевича, когда назначенъ онъ былъ посломъ въ Варшаву. «Великая наша Государыня, избравъ и возведя васъ на важную степень чрезвычайнаго

посланника при его Величествѣ Королѣ и по-
сполитой рѣчи Польской, явственно показала
доверенность безпрекословно свидѣтельствующую
о вашихъ достоинствахъ, признанныхъ цѣлою
Европою.

«Почитая васъ отъ всего сердца, особенно
беру участіе въ вашемъ новомъ званіи. Поздрав-
ляю и васъ и общее наше отечество.

«Нынѣшнія дѣла политическія чрезвычайно
затруднительны, запутаны и многосложны. Въ
изслѣдованіи ихъ нуженъ умъ превосходный,
политикъ просвѣщенный, свѣдущій основательно
правила всѣхъ Дворовъ; словомъ, эти дѣла тре-
буютъ такого чловека, какого видимъ въ ли-
цѣ вашемъ.» (*)

1790 года.

Въ первый годъ изданія Русскаго Вѣстника,
имѣлъ я, въ полномъ смыслѣ этого слова, сча-
стіе познакомиться съ Яковомъ Ивановичемъ.
Онъ жилъ тогда, въ небогатомъ, но уютномъ
домѣ своемъ близъ Салтыкова моста. Я встре-
тилъ въ немъ олицетворенную скромность, мно-
го говорилъ о заслугахъ другихъ; а о себѣ не
намекнулъ ни слова. Помню его слова, «мы,
сказалъ онъ: живемъ въ необычайное время.
Это не та Европа, которую мы видали въ
XVIII вѣкѣ. Вездѣ какое то непостижимое
недоумѣніе. Политики и дипломаты растеря-
лись въ своихъ предположеніяхъ, 1780 года

(*) Это переводъ; письмо Суворова писано на Французскомъ
языкѣ. И сколько такихъ памятниковъ въ бумагахъ Яко-
ва Ивановича.

я писалъ Императрицѣ, что Россія и Испанія воюють за добродѣтель.» Въ предѣлахъ Испаніи кипитъ жестокая, упорная борьба и кажется нескоро кончатся; кто знаетъ: можетъ быть отъ береговъ океана раздадутся грома новой войны и у насъ. Все идетъ не попрежнему. Видно, что то свыше дѣйствуетъ на нынѣшнюю судьбу Европы. Сколько уже столицъ видѣли Наполеона! Но, впрочемъ одинъ Богъ знаетъ чему быть и что будетъ?»

СНОШЕНІЯ

Александра Васильевича Суворова

съ

КНЯЗЕМЪ ТАВРИЧЕСКИМЪ.

Aimer—c'est se confier.

Гдѣ любовь, тамъ и до-
вѣренность.

Не говорю о прежнихъ сношеніяхъ Суворова съ Потемкинымъ; сближеніе между ними началось: *душевною исповѣдью*, изложенію Суворовымъ въ письмѣ къ Григорію Александровичу 1784 года, которое предложено будетъ далѣе. Наскучило ему слушать, что онъ какой то юродивый, чудакъ, нелюдимъ; словомъ, что онъ человѣкъ странный, ни въ чемъ не похожій на другихъ, но что такое *быть страннымъ человекомъ*? Имѣть свои особенныя привычки, свой образъ мыслей, свои правила, впрочемъ ни въ чемъ не вредныя для общества, хотя такой *неразгаданный* человѣкъ и отдаляетъ себя отъ него. Но взглянемъ на то, что въ Суворовѣ почитали *странностями*. Иной любитъ нѣгу, спокойствіе. А для Суворова это было могильнымъ томленіемъ. Свой отдыхъ полагалъ онъ въ переходѣ отъ труда къ труду. «Какъ сладостно, говоритъ онъ во Французскомъ письмѣ своемъ къ Александру Ильичу Бибинову, изъ

Крейцбург отъ 1771 года. «Какъ сладостно воспоминать прошедшіе труды!» Иной любить общество женщинъ. Суворовъ признается, что въ Польшу и онъ любилъ женское общество, но рѣдко бывалъ въ немъ, потому, что боялся быть плѣнникомъ прелестей женщинъ.» (*) Иной любить заниматься своимъ собственнымъ помѣстьемъ. И это очень похвальное дѣло, если польза владѣльца нераздѣльна съ пользою сохи. А Суворовъ говорилъ въ письмѣ своемъ къ Петру Ивановичу *Турчанинову*, (**) что всякая личная собственность для него ничего не значить, ибо: «долгъ службы столь обширенъ, что все другое въ немъ исчезаетъ.» Иной любить путешествовать за границу; а Суворовъ такіа прогулки называлъ *праздностію*. (***) По его мнѣнію: «душа трудолюбивая любить неутомимо нитаться своимъ ремесломъ.» (****) Что же вы сдѣлаете съ человѣкомъ, кипѣвшимъ такою жаркою дѣятельностію? Чѣмъ отманите вы его отъ сладости труда? роскошными пирами. Онъ вамъ скажетъ: «я никогда ихъ не любилъ.» (*****) Но онъ никого отъ нихъ не отвлекаетъ. Онъ никому ничего не указываетъ. У Князя Таврическаго 1791 года Апрѣля 21 кипѣлъ волшебный пиръ: а онъ изъ подъ стѣнъ крѣпостей Финляндскихъ писалъ къ племяннику своему Алексѣю Ивано-

(*) Изъ письма къ Бибинову 1772 года. (**) Турчаниновъ служилъ первоначально въ канцеляріи Потемкина, а потомъ при докладахъ у Екатерины. (***) Изъ письма къ Потемкину. (****) Изъ письма къ Бибинову. (*****) Изъ письма къ Потемкину.

вичу Горчакову: «мнѣ здѣсь мало дѣла, по почтѣ могу быть обращенъ повсюду. Я въ непрестанной мечтѣ.»

А вотъ душевная исповѣдь Суворова Князю Таврическому.

«Съ наступающимъ новымъ годомъ, Вашу Свѣтлость поздравляю! Истекающій годъ я прожилъ въ деревнѣ при нѣкоторыхъ войскахъ въ ожиданіи отъ Вашей Свѣтлости особой мнѣ команды, какъ я обыкновенно командую *дивизіей* или *корпусомъ*, особливо, милостивый государь! ваканція мнѣ по дивизіи *Брюссовой* и *Ремниа*. Въ сторонѣ первой я нмѣю деревню; но все равно, Свѣтлѣйшій Князь! гдѣ бы отъ вниманія вашего особую команду не получалъ, хотя бы въ *Камчаткѣ*.

«Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель, который черезъ два года выплачу. Оставилъ на *Кубани* экономіи больше ста тысячъ и и по краткому времени четыре мѣсяца мѣсячныхъ. Вотъ мое корыстолюбіе.

«Подъ *Копыломъ* командовалъ не *Филисовъ*, а Николай *Рахмановъ*, который въ поле съ подкомъ, съ поля съ баталіономъ. Я во всю мою службу столько людей не потратилъ и онъ сочинилъ на меня *паксвилъ*.

«Служу я, милостивый Государь! Больше сорока лѣтъ и почти шестидесятилѣтній; одно мое желаніе, чтобъ кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ; долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ приобрьло мнѣ *грубость* въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило

меня отъ позванія *сѣтскихъ паружностей*, пре-
провода жизнь мою въ полѣ поздно мнѣ къ
нимъ привыкать.

«Наука просвѣтила меня въ добродѣтели. Я
лгу, какъ *Эпаминондъ*; бѣгаю, какъ *Цесарь*; по-
стояненъ какъ *Тюрень* и праводушенъ какъ
Аристидъ. Не разумѣю изгибовъ лести и лас-
кательствъ; моимъ сверстникамъ часто неуго-
денъ. Былъ счастливъ, потому, что я повелѣ-
валъ счастьемъ.

«Успокойте духъ невиннаго передъ вами, въ
чемъ я и на страшномъ судѣ Божіемъ отвѣчаю.
Пожалуйте мнѣ особую команду.... Исторгните
меня изъ праздности; но не мните притомъ, что-
бы я чѣмъ нибудь хотя малымъ, Иваномъ Пе-
тровичемъ недоволенъ былъ. Только что въ рос-
коши жить не могу. Въ чужіе края.... тоже
праздность.

« Уповаю на милость Вашей Свѣтлости; и
проч. (*)

Село Удаля.

10 Декабря, 1784 года.

Тутъ все ясно. Развязали орлу крылья и—онъ
взвился своимъ полетомъ за облака. А какой
глазъ уловить слѣдъ его? съ колен, такъ назы-
ваемыхъ: *грубыхъ поступковъ*, Суворовъ пере-
шагнулъ на колею *проказъ*. Тутъ онъдохнулъ
своею жизнью, своею волею. Потемкинъ не свя-
зывалъ ему рукъ. Суворовъ самъ высказалъ ему
самого себя. Объяснимъ и нѣкоторыя подробно—

(*) Подлинникъ этого письма передалъ я К. С. Сербиновичу.

сти письма. Тутъ если не общая, то по крайней мѣрѣ, частная исторія *своего времени*. Николай Михайловичъ *Рахмановъ*, на котораго жалуются Суворовъ, былъ и умнымъ и образованнымъ и храбрымъ человекомъ, о чемъ свидѣтельствуесть и Князь Григорій Александровичъ въ донесеніи своемъ о взятіи *Очакова*. Но увлекаясь запостыннымъ и неумѣтнымъ хвастовствомъ и недовольствуясь представленными ему лаврами, въ поѣздку свою въ Москву, онъ распустилъ молву, будто бы покореніемъ *Очакова*, Потемкинъ обязанъ непосредственнымъ его распоряженіямъ. Эта молва предупредила возвращеніе его къ Князю Таврическому. Потемкинъ встрѣтилъ его по пословицѣ: *какъ аукнется, такъ и отзовется*. «Двумъ медведямъ, сказалъ онъ Рахманову: въ одной берлогѣ не ужитья. Вашъ умъ, ваша тактика гремѣть по Москвѣ. Учатся мнѣ у васъ поздно. А вы откройте въ Москвѣ особенную кафедру для преподаванія высокой вашей науки. Прощайте!»

Въ этомъ же письмѣ Суворовъ отвергаетъ клевету, будто бы онъ за что то негодуесть на Графа *Салтыкова*. Правда, Графъ Иванъ Петровичъ жилъ роскошнымъ баринкомъ. Но у него было прекрасное сердце и онъ заслужилъ общую любовь на чредѣ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора. Двери его дома не затворялись ни для кого; а лѣтомъ въ подмосковномъ селѣ его *Марочинѣ* для всѣхъ было радушное гостепріимство. Все это теперь давно-прошедшее; (да вѣдь и все пройдетъ): но тогда,

право, это очень и занимало и веселило. Словомъ, у Графа было прекрасное сердце. А потому Суворовъ и не могъ не любить его. Но между ними бросали яблоко раздора тѣ баловни пѣтѣ, которымъ онъ кололъ глаза резкими, солдатскими своими выходками. Одинъ изъ такихъ баловней пріѣхалъ къ нему подлѣ *Прагу* разряженный въ пухъ и въ шелковыя чулки; Суворовъ отскочилъ отъ него и закричалъ: «бальный вечеръ! лети въ Петербургъ, въ Москву, въ Парижъ. Боюсь, боюсь тебя! Ты такъ насмѣшишь моихъ чудо-богатырей, что у нихъ отъ смѣха и ружья выпадутъ изъ рукъ.» Суворовъ и не такимъ шалунамъ давалъ Диогеновскіе уроки. Когда въ Италіанскую войну, *Нельсонъ*, застоялся въ Ливурнѣ, очарованный прелестями своей *Леди*, онъ писалъ къ нему: «Нельсонъ дремлетъ на ширтахъ; Герой исчезъ.» Просто тогдашніе баловни, подслуживаясь Графу Салтыкову, напентывали ему, будто бы Суворовъ говорилъ: «Каменскій знаетъ тактику, Суворовъ практику, а Графъ Салтыковъ не знаетъ ни тактики, ни практики.» «Свѣтъ, говорилъ Суворовъ въ письмѣ своемъ изъ Астрахани отъ 1781 года, свѣтъ работаетъ случаю.»

Свѣтъ служить случаю; а Князь Тавричeskій дѣйствовалъ по соображенію. Иные укоряютъ его въ зависти; но несправедливо. Этотъ порокъ мелкихъ душъ, не заглядывалъ въ сердце его. Умному сподвижнику, онъ самъ, подлѣ завѣсою тайны, пролагалъ новые пути къ славы и побѣдамъ, Измаилъ былъ взятъ въ Декабрѣ 1790

года; а Григорій Александровичъ 1788 года писалъ къ Суворову: «за тайну скажу: въ будущую компанію, если Богъ дастъ помощь Свою, все, что съ веслами, подаянію сухопутному начальству; а парусные оставляю морскимъ. Отдохнувъ будетъ взятъ; а потомъ, мой любимый Александръ Васильевичъ отправится къ Измаилу, предидеиствуя войску.»

Есть люди и теперь еще сомнѣвающіеся въ военное искусство Кнзя Таврическаго. А Румянцовъ Задунайскій не стыдился спрашивать у него совѣта въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда Императоръ *Иосифъ*, подвѣдываясь предводительствомъ, овладѣлъ *Сабачемъ* на *Салъ*, Григорій Александровичъ писалъ къ Суворову: «я получалъ извѣстіе изъ Царьграда, что Мюетъ сибирень. Визирь съ Капитанъ — Паша содралъ несколько мѣшкунъ на походъ себя; онъ хотя и губы кусалъ съ досады, но сдался. Царский отъ Графа Петра Александровича требуютъ, чтобы онъ, перешедъ *Днѣстръ*, присоединилъ ихъ къ себѣ и действовалъ общими силами. Я писалъ, что это хорошо будетъ.»

Теперь хотите ли видѣть мнѣніе Суворова о Румянцовѣ? Вотъ, что онъ говорить о немъ въ письмѣ къ Петру Ивановичу Турчанинову.

«Пора *Реллистрому* быть на Кубани, *Райзеру* долго тамъ старшинъ не унравить, за нимъ черезъ проливъ всего не усмотрѣть ни мнѣ, ни кому другому. Выщаю изъ пользы къ службѣ, *девятаю* (*) непрестанно боюсь. По выводѣ Хри-

(*) Въ подлинникѣ вмѣсто буквъ выставлено число: 9-го.

стіанъ порадовалъ было онъ меня письмомъ къ Хану, съ котораго сюда прислалъ копію. вмѣстѣ того прислалъ послѣ шіе. Напримѣръ: въ первыхъ почти суткахъ, какъ означился выводъ по договору Ханскому, нѣкоторые Христіане подали ему прошеніе, что не хотятъ, развѣ поневажъ и будто бы Татары терпятъ отъ войскъ разныхъ обиды. О всемъ томъ *десятымъ* часто отицалъ.»

Далѣе Суворовъ упоминаетъ, что содѣйствіемъ Князя Григорія Александровича, Христіане вывозены, и потомъ намѣкая *Турчанинову* о пренежахъ, полагаемыхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Графомъ Румянцовымъ, Суворовъ продолжаетъ: «успѣху была бы помѣха. Боюсь не его (*). Хотя бы уже онъ купоросности отлагалъ; проникалъ лучше въ конецъ намъ бы его терпѣливо ждалъ. А то по мечтѣ какой то, изъ *Иліады*, особливо, Боже сохрани! въ прищывкѣ, по минимымъ неудачамъ выбѣсть вонъ изъ *Видисмокъ* костями и мозгъ и глаза (**).

(*) *Его*, означено въ подлинникѣ крутыми буквами. Острымъ словомъ своимъ Суворовъ хотѣлъ сказать: «Богъ Бога! а не его.»

(**) И это письмо находится въ рукописи, переданной мною Графу М. С. Воронцову.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА XVIII СТОЛѢТІЯ

и

ПОСЫЛА ВАНРА

из Парижа, 1788 года.

L'art d'une bonne politique ne consiste jamais à renverser et à détruire, mais à bien connaître les circonstances et les hommes, pour en tirer tout le parti possible.

Цѣль умной политики не та, чтобы разрушать и уничтожать; но чтобы знать обстоятельства и людей и извлекать изъ того всевозможную пользу.

Чего не изводили на Князя Таврическаго? Были на него поклепы, будто бы онъ въ какія-то бездны сыплетъ милліоны. Графъ *Монтекукули* и говорилъ, и писалъ, что для войны нужны: *сеныи, денгги и денгги*. Въ началъ нашего девятнадцатаго вѣка это не сбылось. Много завезено было въ Россію *Наполеондоровъ*; а война какъ-то пошла роковымъ ходомъ. Правда, звучалъ и Потемкинъ червонцами; да что же было дѣлать: если въ осмнадцатомъ вѣкѣ и для движеній политики нужны были: *денгги, денгги и денгги*? Не испытавъ еще исполинскихъ событій нашего вѣка, политика осмнадцатаго столѣтія пресмыкалась по увертливымъ и изворотливымъ колеямъ, подъ завѣсою какой-то туманной тайны, которая отъ блеска золота ярко проявля-

лась. Принц Делинь называет Потемкина : *глубокимъ философомъ и селмчественнымъ политикомъ* (*). Положимъ , что это названіе нѣсколько пышно для тогдашней политики. Но и мелочная увертливость вызывала зоркое наблюденіе. И Потемкинъ, сидя на даванъ въ халатъ , и , какъ будто полусонный , грызя ногти , наблюдалъ ; и изъ лагеря при *Карасубазаръ* , отъ 10 Іюня 1783 года, писалъ къ Булгакову въ Константинополь : «Французы у васъ мутятъ , здѣсь кланяются , а дома погибають.»

Между тѣмъ , то есть , 1788 года , было собраніе *нотаблей* и знаменитостей Франціи. Въ это же самое время одно изъ тогдашнихъ Европейскихъ министерствъ засѣдало плебела противъ Россіи. Потемкину нужно было провѣдать , что дѣлается во Франціи , и силою звонкости выхлопотать бумаги, относившіяся къ Россіи.

И вотъ ! онъ кличетъ *Баура* ; велѣтъ ему взять по дорожную и скакать въ Парижъ за модными башмаками для *Прасковьи Андреевны* Потемкиной. (**)

(*) *Philosophe profond, ministre habile, politique sublime.* И къ этому Принцъ Делинь прибавляетъ : «Ребенокъ десятилѣтній, не упрямый, просящій прощенія, если чуть увидятъ, что кто нибудь на него поморщится. Прискучили ему всѣ забавы, и отъ чрезвычайнаго счастья онъ сталъ несчастливъ.»

(**) Намекъ о посылкѣ Баура въ Парижъ помѣщенъ былъ въ Русскомъ Вѣстникѣ еще до 1812 года. П. П. Свиньинъ съ своими оговорками перенесъ его въ Отечественный Записки. Но мнѣ всѣ подробности объ этой посылкѣ сообщены были роднымъ племянникомъ Григоріа Александровича, Ник. Петровичемъ Высоцкимъ. Здѣсь же къ дополненію къ прежнему помогла мнѣ и рукопись писемъ Суворова.

Закинувъ на земляники ошторскимъ говоръ о новой причудѣ Князя Таврическаго; шутки лезли за шутками. А между тѣмъ Василій Степановичъ *Патоев* въ сумку Баура всунулъ пакетъ на имя одного изъ тогдашнихъ банкировъ. У Баура голуба почтовая была волшебнымъ координатъ средствомъ. Сдѣлъ, встретившійся! но *вспомни* не *шрелъ*! И онъ за границей, и онъ — въ Парижѣ. Пакетъ немедленно отдалъ былъ поименованному банкиру; а самъ Бауръ умышленно пустился, хлопотать, суетиться, бѣгать по всемъ моднымъ лавкамъ и заказывать: «модные башмаки *rouge* марки *Potemkin*. Рыбакъ рыбака далеко въ плесъ влечетъ. Князь Григорій Александровичъ знаетъ и кого посылать и кому что препоручать. Что за цѣтѣха! что за разгулъ по улицамъ Парижскимъ! Кидить и разливается гулъ: *le Russe Russe*, Русскій Князь прислалъ въ Парижъ за модными башмаками.» Башмаки — Альбибодовская заманна. У Баура кромѣ пакета къ банкиру были и другія письма кое къ кому въ Парижъ. Въ это время было вторичное собраніе *Потаблей* въ Версали; въ тоже время загоралась война у Англичанъ съ Испаніей за маховую торговлю на *Нутки*; а передъ этимъ, то есть 1787 года заключенъ былъ торговый договоръ между Франціей и Россіей, съ предоставленіемъ Франціи всѣхъ выгодъ, которыми прежде пользовались Англичане на Балтійскомъ и Бѣломъ морѣ. Замѣчу мимоходомъ, что Французамъ не удалась ни какія выгоды. Когда буря революціи разорвала связи Россіи съ Фран-

нией, тогда и война и все остуде завошелись на
 наши, перешло за чинто на руки нашего купе-
 чества. Кому изьянть, а кому мажнн — это кру-
 говая порука въ нашемъ блзномъ свѣтѣ. Надобно
 было Потемкину все узнать, изслѣдовать, извѣ-
 стить и сообразить. Отъ недоумовъ беда! Отъ
 нихъ вскринивалъ и Суворовъ: Беда въ полети-
 ть и одинъ усущенный уголокъ земли. Не бывае
 въ Канадѣ размежеванъ такой уголокъ 1748
 года; за то такая вспыхнула война и въ Ев-
 ропѣ и за Океаномъ 1756 года! Звонкій за-
 пасъ вызоветъ всю подноготную; а наши Гри-
 горій Александровичъ все обдумаетъ. Слышно
 было, что когда носогъ за модными бантиками
 метался туда и сюда, сочинень былъ седема
 на покупку модныхъ бантиковъ. На улицахъ
 звяки толкуютъ свое; а Парижскій банкиръ
 отсчитываетъ передъ такой-то шестидесять тысячъ
 червонцевъ съ тѣмъ, чтобы она нѣ бюре
 такого-то, ловкою рукою выбрала тамъ-то бу-
 маги. При выдачѣ бумагъ будутъ выданы и
 червонцы. Какъ зналъ Потемкинъ, что тамъ-то
 въ Парижѣ, и что тамъ-то бумаги у тамъ-то,
 тамъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? Это это дѣ-
 ло. Омиръ говоритъ, что чудный Терзидъ
 такъ привыкъ въ жизни думать и все обдумыва-
 вать, что онъ отъ этого не унялся и на томъ
 свѣтѣ. Какъ бы то ни было, бластичная звон-
 кость придала крѣпкой хитрой свѣдѣ; она
 слетала куда слѣдовало; вытянула изъ заперти
 такія-то бумаги, и получала свѣдѣмое за услу-
 гу. Накупилъ Бауръ цѣлый коробъ модныхъ

бумагановъ, криво на криво ухватилъ бумаги на грудь, и — впрямь Парижъ! Между тѣмъ министръ, обожателя хитрой снѣдьны, не успѣлъ спохватиться, а бумаги были напечатаны въ заграничныхъ ведомостяхъ. Какая нужда до имени этого дипломата? Съ того времени переименовалось цѣлое поколѣніе и министровъ, и дипломатовъ; а сколько ломалось правилъ политическимъ; объ этомъ ничего и говорить. Слажу только, что того министра Суворовъ называлъ *сюмерфинъ* — прехитрецемъ. И вотъ въ какомъ письмѣ: «Ахъ, батюшка! Григорій Александровичъ! Оживили вы меня. Боже вамъ даруй, чтобъ санъ *Бирбрауена* у *Василія Степановича* сбылся; и право санъ надежда. *N. N. сюмерфинъ* ретска, (и прибавляю, не дерзаетъ). *Густавъ* *нѣтъ*, коли угодно, *Геркулесова* дубина, и цѣнтръ не далеко, Вивать *Ушаковъ*! Благодарю за доверенность. Я готовъ къ повелѣніямъ вашимъ. Борюсь съ горячкою.»

Это было писано послѣ послѣ небольшой размовки. Князь Таврическаго съ Суворовымъ. Въ норовѣ нетерпѣнія, Суворовъ 1788 года Іюля 27, мимо Потапкина, швырнулъ на стѣны Очакова. Подраненія не было, неудалось. Въ второй разъ въ гавани его Русскіе солдаты побѣжали. Не отерпѣвъ; вышелъ Суворовъ. Остановился и обхватилъ грудь руками, онъ вскричалъ: ребята! чудо-богатыри, умираю! умираю! обмотра все приближался къ нему. Встрепенулся Герой и вывелъ свой отрядъ изъ подъ пушекъ Турецкихъ. Онъ былъ раненъ. Потомъ

кинь удавить его и писать къ нему: «солдаты не такъ думаютъ, чтобы вамъ жертвовать по пустякамъ. Къ тому же мнѣ странно, что вы въ присутствіи моемъ дѣлаете движеніе безъ моего приказанія пикетою и конницею.»

Вътеръ непріязни вскорѣ стихъ и Князь Таврическій писалъ къ Суворову: «мой другъ сердечный! лодки бьютъ корабли; пушки заграждаютъ теченіе рекъ, Боже дай тебѣ пойти въ Олаковъ!»

Скажутъ, можетъ быть, намъ можно было бросать 60000 червонныхъ? Во первыхъ: ходъ этой звонкости былъ тогда гораздо скромнѣе. Во вторыхъ: лучше президиумъ червонцами, нежели прогремѣть новыми нумismaticкими выстрѣлами. Въ третьихъ: въ тотъ XVIII вѣкъ, когда Абатъ Сентъ-Пьеръ провозглашалъ общій миръ въ Европѣ, боевые распри вспыхивали отъ ребяческихъ погремушекъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій Фридрихъ Второй сказалъ «Evitez de Bernis la stérile abondance.» «Въ пустой наборъ въ словъ Берниса не вдавайтесь.»

Барни былъ и Кардиналомъ и Министромъ и поэтъ и былъ въ милости у Гж. Помпадуръ. Закипѣло раздраженное его самолюбіе и войска Французскія въ семилѣтнюю войну двинулись въ Пруссію на бѣду и на стыдъ (*).

Два извѣстныхъ современника Потемкина свидѣтельствуютъ о дѣломъ его безкорыстіи: Принцъ Деминъ и Графъ Никита Ивановичъ Дю-

(*) *Vale. nens. Cours de Littérature.*

мы, при составленіи военнаго неутралитета 1772 года по случаю войны, возгорѣвшейся между Англичанами и Американскими областями; Англичане, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, предлагали Потемкину пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы онъ благопріятствовалъ имъ, Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, хотя и не былъ его приверженцемъ, но всѣмъ и каждому говорилъ: *Потемкина нельзя подкупить*. Въ новомъ очеркѣ жизни Принца *Делина* сказано, что: «онъ два раза находился при Князѣ Потемкинѣ по важнымъ порученіямъ отъ Двора своего. Слѣдственно, онъ близокъ былъ къ нему и онъ говорилъ: «при чрезвычайномъ богатствѣ у Князя Потемкина не было ни копейки. Онъ все отдавалъ и раздавалъ.»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ

Князя

ПОТЕМКИНА-ТАВРИ- ЧЕСКАГО.

(Разсказъ самовидца) ().*

(*) Родственника моего Гр. Богд. Глинка, бывшаго на посылкахъ у Князя.

Жестокая война! кто выдумалъ тебя?
Природы лютый врагъ и обществъ и себя.
Ты, ты естественна рушительница чина,
Толь тяжкаго для насъ урона ты причина!

.....
Когда бъ труба твоя, о брань! не возгремѣла .
Россія бы по днесь Потемкина имѣла.
Предъ мужемъ симъ лежалъ путь къ славѣ не одинъ:
Онъ былъ и безъ тебя великій гражданинъ.

.....
Въ мечтаньи о вещахъ сколь смертные мы слѣпы!
Бывъ смертною въ одрѣ не разъ объятъ грозой,
Я мнилъ, что ты Герой почтишь мой гробъ слезой.
Что прежде я умру, то мнѣ казали лѣта ,
Я скорбенъ былъ; ты бодръ, ты крѣпокъ, по-
лонъ цвѣта.

Петровъ.

(На смерть Князя Потемкина).

Послѣ чудеснаго и, можно сказать, волшебна-
го праздника, даннаго Екатериной Второй 1791
года, 21. Апрѣля, Княземъ Григоріемъ Алексан-
дровичемъ, онъ погрузился въ какую то глубо-
кую задумчивость. Одни приписывали это новой
его сердечной страсти; другіе увѣряли, будто
бы умъ его волновался какими то честолюбивы-
ми замыслами къ составленію какой то новой
области. Большую часть дня лежалъ онъ на ди-

ванъ. Словомъ, онъ какъ будто прикованъ былъ къ берегамъ Невы. Императрица нѣсколько разъ присылала ему сказать, что время отправиться къ войску. Но онъ медлилъ, не берусь я дѣлать никакихъ предположеній. Я былъ просто исправнымъ чиновникомъ при посылкахъ. А какія оттуда доставлялъ донесенія, это было извѣстно одному Григорію Александровичу. Не за свое взялся я дѣло, загѣвая разгадывать того, кто, можетъ быть, и самъ для себя былъ загадкою. Однажды въ небытность Василя Степановича Попова нужно было представить Князю бумаги для подписи, мы заглядывали въ непритворенныя двери: что дѣлаетъ Князь? Онъ сидѣлъ на софѣ, въ задумчивости, то грызя ногти, то потирая себѣ лобъ. Въ такіе часы никто не входилъ къ нему. Но на этотъ разъ случился у насъ чиновникъ *Пѣтушковъ*. Задумавъ пощеголять удалствомъ своимъ, онъ подлетѣлъ съ бумагами къ Григорію Александровичу. Взявъ перо и молча Князь подписывалъ бумагу за бумагою. Нашъ *Пѣтушковъ* выбѣжалъ въ такомъ восторгѣ, какъ будто побѣдилъ толпы Янычаръ. «Что, братцы! сказалъ онъ: все подписано.» Мы всѣ бросились взглянуть съ торопливымъ любопытствомъ: и что же вышло? Подъ каждою бумагою подпись: *Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ*. Пристыженный смѣльчакъ притихъ, какъ мокрая курица. Не заманили его къ намъ ни роскошный нашъ пиръ, ни разгулъ карточный. На это Князь не сердился. Нашъ шумъ не только не былъ ему помѣхою, но когда случалось намъ

сидеть тихомолкомъ, онъ говорилъ выглядывая въ двери: «что вы такъ притихли, господа! дѣлайте свое дѣло: вы мнѣ не мѣшаете. А выигрыша всѣмъ желаю.» Нельзя было не любить его.

«Мы веселились, не предвидя близкаго горя; а Князь Таврическій часть отъ часу становился туманнѣе. Въ *Галацѣ*, послѣ погребенія Принца Виртембергскаго, Григорій Александровичъ, въ какомъ-то непонятномъ раздумьѣ, сѣлъ на опустѣлыя дроги. Это всѣхъ смутило и ему тотчасъ замѣтили. Молча сошелъ онъ съ дрогъ; но какая-то мрачная дума, внезапно проявившаяся на его челѣ, какъ будто сама высказывала близкій конецъ Князя Таврическаго. Заболѣвъ съ того самаго дня, онъ переехалъ за *Днастръ* въ монастырь *Гужъ*. И теперь еще не могу дать себѣ отчета: чѣмъ былъ боленъ Князь или вовсе не былъ боленъ. Все было въ немъ неразгаданно. Въ образъ его жизни ничто ни на волосъ не перемѣнилось. Музыка гремѣла; мы шумѣли, играли и шутили.

«Между тѣмъ, сидя въ обыкновенномъ своемъ раздумьѣ, Князь одною рукою отталкивалъ лекачества, а другою хватался то за различныя лакомства роскоши, то за простыя овощи огородныя, посмотреть, отвѣдаетъ, бросать и опять за тоже принимается. Въ немъ все было въ борьбѣ. Вездѣ было ему и тѣсно и душно. Безъ всякой очевидной причины изъ за *Прута* Князь пустился въ *Яссы*. Прощаясь съ *Полонымъ*, онъ такъ крѣпко стиснулъ ему голову, что *Василій Степановичъ* невольно вскрикнулъ.

Григорій Александровичъ улыбнулся, а Поповъ съ восторгомъ провозгласилъ, что: «есть надежда; что Князь долго еще проживетъ и что у него все еще прежняя сила.» Въ числѣ провожатыхъ Князя въ Яссы была племянница его Графиня Бралицкая, проѣхавъ верстъ шестнадцать, остановились на ночлегъ. Князю стало душно въ хатъ, нетерпѣливою рукою вырывалъ онъ пузыри, замѣняющіе въ тѣхъ мѣстахъ стекла. Племянница уговаривала его успокоиться; Григорій Александровичъ съ досадою проговаривалъ сквозь зубы: *оставьте меня! не сердите меня.* Такъ прошла ночь и на утренней зарѣ продолжали путь въ Яссы. Князь молчалъ; и все молчало. Это глубокое молчаніе прервалъ онъ, какъ будто приговоромъ смерти своей: *мнѣ дурно! остановитесь!* Остановились и опять поворотили на прежнее мѣсто. Едва проѣхали нѣсколько шаговъ, Князь снова приказалъ остановиться и высадить себя изъ кареты. Графиня удерживала его. Князь проговорилъ по прежнему: *оставьте меня! не сердите меня.* Разложили пуховикъ и уложили Григорія Александровича подъ открытымъ сумрачнымъ небомъ. Спокойно, безтрепетными руками взялъ образъ Христа Спасителя, поцѣловалъ три раза, осѣнилъ крестомъ и сказалъ! *Господи! въ руку Твою предаю духъ свой!* Замолчалъ и—вдохнулъ въ послѣдній разъ.»

Прибавлю къ разсказу моего родственника. Все было необычайно въ жизни Князя Таврическаго. Въ банѣ взглянулъ на свѣтъ; изъ Университета выбылъ недоученнымъ студентомъ.

Волнуясь какинѣ-то неудовольствіемъ спѣшилъ въ келью монастырскую; и вмѣсто кельи вошелъ въ чертоги. Далъ праздникъ, какого ни Россія, ни Европа никогда не видали и — послѣ всѣхъ великолѣпнѣй міра земнаго, какъ будто какой нибудь странникъ безпріютный—умеръ на степи.

VI.

ГАННЕНБАЛЪ,

ГЕНЕРАЛЪ БОНАНАРТЪ

и

СУВОРОВЪ

въ Итали.

Часть I.

21

I.

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВЪ

ВЪ ЕДИНОДУШИИ И НЕРАЗДѢЛЬНОМЪ СОЮЗѢ.

Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

Послѣстца.

Tout est dans tout.

Jacotot.

Ceux à qui le sort des hommes est confié doivent toujours ramener leurs calculs à la somme commune, c'est à dire au peuple.

(Buclos. *Considération sur les mœurs, chapitre XV, sur le prix réel des choses.*)

Тѣ, которымъ вѣренъ жребій людей, должны всегда обращать расчеты свои къ общему знаменателю, къ народу.

(Дюкло. *Взглядъ на нравы, Глава XV о существенной цѣнѣ вещей.*)

Можетъ быть покажется страннымъ, что въ статьѣ о трехъ полководцахъ буду говорить и о промышленности, или лучше сказать, буду предлагать о томъ, что въ существованіи общества человеческихъ нѣтъ ничего *отдѣльнаго*. Живыя событія нашего XIX столѣтія очевидно доказали эту истину.

Съ XVIII вѣка до 1815-го года въ Европѣ былъ періодъ военный, и исключительно военный. Но что же доставлялъ онъ своему дѣланию?

Смогли перуны главного военного дѣлателя, и Европа полагаетъ, что въ ней исключительно начался *периодъ промышленный*.

Въ великопной рѣчи своей умный *Лафитъ* сказалъ: «Промышленность владычествуетъ надъ нашимъ вкусомъ. Она перелетаетъ вершины горъ и прокладываетъ новые пути.»

И дѣло военное скажетъ: «И я перелетаю черезъ вершины горъ и прокладываю пути вездѣ, гдѣ только вѣтры могутъ дуть.»

Лафитъ прибавляетъ: «Промышленность съ избытками нашей вселенной разсѣкаетъ волны океана, и нерѣдко, сражаясь съ грозными бурями, доставляетъ народамъ полное изобиліе жизни.»

На это *Веніаминъ Франклинъ* отвѣчалъ бы: «Долго ли выгоды торговли будутъ губить человечество, обогащая кровію волны океана?»

Но и въ самой промышленности есть ли какое нибудь незыблемое основаніе, которое бы въ раздѣлъ ея, особенно упрочивало ту или другую вѣтвь?

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, въ продолженіи тридцатилѣтнихъ волненій, погибло во Франціи два милліона людей и три тысячи милліоновъ денегъ. Умъ *Сюлли* и самородная жизнь Франціи все замѣнили. *Сюлли* уплатилъ двѣсти милліоновъ долга при трехъ стахъ тридцати милліонахъ дохода, и сверхъ того оставилъ въ Бастиліи тридцать милліоновъ. Откуда же онъ почерпнулъ эти, едва ли имовѣрные средства?

«*Сюлли* отвѣчаетъ: «Богатство Франціи за-

ключается въ двухъ источникахъ: въ земледѣліи и скотоводствѣ.

Министръ *Кольбертъ* хотя и не вовсе пренебрегалъ земледѣліе, но преимущественно успѣлъ ходъ фабричныхъ издѣлій. Сначала сильно закипѣла эта промышленность. Но ненадолго. 1709 года свирѣпая зима и голодъ постигли Францію. Въ великолѣпныхъ Версальскихъ чертогахъ Людовика XIV, вошелъ въ честь и ржаной хлѣбъ. Въ это бѣдственное время народъ разрылъ Кольбертову могилу и разметалъ прахъ его. Безъ хлѣбныхъ запасовъ оцѣнилось торжество фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій.

Около 1717 года система Шотландца *Ласса* или *Ласса*, вверхъ дномъ опрокинула во Франціи обороты и ходъ денежный. «Но, говоритъ историкъ вѣка Людовика XV:» Кардиналъ *Флері* все замѣнилъ одною внутреннею жизнію Франціи и она безъ всѣхъ займовъ, вела войну 1746 года въ Германіи на собственное иждивеніе.

Ошибаются также и тѣ, которые полагаютъ, будто во Франціи въ осмнадцатомъ столѣтіи, торговая промышленность была въ какомъ-то застоя. Напротивъ того, вотъ, что говоритъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ 1756 года, *Д'Аржансонъ*: «во Франціи не многіе занимаются внутреннею политикою, но и тѣ для личныхъ только выгодъ своихъ. Торговля и обороты денежные заполнили умы.»

И духъ промышленный и оборотовъ денежныхъ преобладалъ въ обществѣ Герцоговъ, Герцогинь и Маркизовъ. Въ это самое вре-

онъ назначенъ былъ къ заведыванію Государственныхъ доходовъ *Сильвестръ*, известный работою и стремленіемъ къ общей пользѣ: «Но, говоритъ Жанъ — Жакъ Руссо:» едва наложилъ онъ желѣзную руку на козлы пронырства, его тотчасъ сбили съ того мѣста, которое онъ занималъ по праву совѣсти и ума. Смѣлый Жанъ — Жакъ молчалъ, когда онъ былъ Министромъ, но когда палъ, онъ отправилъ къ нему слѣдующее письмо: «Чѣмъ было вамъ спасти Францію? Укрошеніемъ мытарствъ въ столицѣ ея. Вы противуборствовали воплямъ корыстолюбцевъ. Видя, какъ вы ихъ гнали, я завидовалъ вашей чредѣ; видя же, съ какимъ равнодушіемъ вы ее оставили, я удивляюсь вамъ.»

Бѣда и тутъ! бѣда уважать и доблесть правоты. Герцогини и Маркизы, бывшія подъ рукою въ торговыхъ оборотахъ по откупамъ, узнавъ о письмѣ Руссо, загнали его въ большемъ своемъ свѣтѣ.

Разительнымъ доказательствомъ того, что денежные обороты кипѣли во Франціи и 1788 года, то есть: за годъ до революціи, служитъ статья *Мирабо о мытарствѣ* (*). «Долго ли, говорилъ онъ: Французы будутъ вертопрашничать на горахъ золота? Долго ли коварное мытарство будетъ ликовать и заглушать голосъ правды и добродѣтели? Пора возвестъ Французовъ на чреду законовъ, возвеличивающихъ нравственную жизнь людей.»

А 1789 года, *Мери* говорилъ передъ лицомъ

(*) Agiotage.

цѣлой Франціи: «тамъ доселѣ была Франція?... Торговля, земледѣліе, процвѣтали въ ней. Французы были богаты.»

Безумно было бы оспаривать и необходимость и пользу промышленности; но изъ всѣхъ всемірныхъ летописей явствуетъ, что если съ нею не соображаются непосредственно и другіе разряды быта общественнаго, то рано или поздно, неминуемо колеблются и основанія промышленности и сданіе торговли, воздвигаемое ею. Гдѣ великолѣпный *Вавилонъ*? Гдѣ *Тиръ*, на столбахъ котораго, по слову заветному, торговля, какъ соръ разсыпала золото и серебро!

Вотъ почему съ подвигами трехъ полководцевъ, буду предлагать нераздѣльно все то, что относится къ внутренней жизни обществъ человѣческихъ.

II.
КАРФАГЕНЪ
и
ГАШШВАЛЪ.

Le moindre grain de sable battu des vents a
en lui plus d'éléments d'existence, que la for-
tune de Rome, de Sparte ou de Carthage.

Квинт

Въ малѣйшей песчинкѣ, носимой вѣтрами,
болѣе долговѣчности, нежели въ счастливой
судьбѣ Рима, Спарты и Карфагена.

Киме, Переводчикъ философиче-
скихъ мыслей Гердера.

Вскорѣ послѣ Канискаго сраженія, одинъ
изъ отважнѣйшихъ полководцевъ Карфаген-
скихъ сказалъ Ганнибалу: «Видю, что боги не
даютъ одному человѣку всѣхъ дарованій. Ты
побѣждаешь—но безъ пользы. Римъ былъ въ
рукахъ твоихъ, ты не удержалъ его. Гордые
патриции, издаваясь надъ тобою, непрерывно
другъ передъ другомъ перекупаютъ тотъ кусо-
чекъ земли, гдѣ былъ твой станъ.»

Тутъ весь *Ганнибалъ*. Но прежде взглянемъ на
родину его *Карфагенъ*.

На тѣхъ самыхъ берегахъ Африканскихъ, гдѣ
кипитъ теперь борьба Французовъ съ дикими
племенами *Абдель-Кадера*, цвѣли некогда города,
квѣвшіе жизнью общественною. На первой чре-
дѣ ихъ былъ Карфагенъ, названный *градомъ*
солнца.

Вотъ что говорить о немъ историки.

Кареагенъ сіялъ роскошью и блескомъ искусствъ Востока. Стекались въ стѣны его и мѣдь *Италіи*, и серебро *Испаніи*, и золото *Офира*, и оникіи *Саевы*; и янтарь изъ морей *Скверныхъ*; и розовыя ткани и багрянницы изъ *Тиры*; и слоновая кость изъ *Эіопіи*; и жемчугъ изъ *Индіи*; и шали изъ всѣхъ областей *Азіатскихъ*. Въ домахъ множество было различныхъ утварей, таинственно окутанный истуканъ солнца, вылитый изъ чистаго золота и золотые затворы храма, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, стоили тысячу талантовъ.

Таковъ былъ Кареагенъ. И гдѣ и роскошь и пышность его! Положимъ, что глазныи ударъ нанесенъ ему оружіемъ Римлянъ. Но въ Африкѣ были и другіе города на степени гражданской образованности. Въ свою очередь и тамъ водворилась одичалость быта человѣческаго.

Особенною этому причиною почитаю распространѣніе *исламизма*. По завѣщанію *Магомета* Алкоранъ и мечъ такъ соединились, какъ некогда въ древней *Бельгіи* соединились двѣ ладони въ знакъ гостепріимства (*). Но ни *Алкоранъ*, ни *мечъ*, породненный съ нимъ, нигдѣ не были мирными пришельцами. Сожженіе *Александрійской* бібліотеки *Омаромъ*, загнано Африку въ потемки вѣковыя. Для людей, живущихъ въ обществѣ, нужно не только гласное ученіе, но и присутствіе предметовъ, дѣйствующихъ на мысль и душу. *Аристиппъ*, занесенный бурей на песча-

(*) Тацитъ.

ный берегъ острова *Родоса*, увидя тамъ начертанія геометрическія, съ восторгомъ воскликнулъ: «Друзья! тутъ были люди; тутъ слѣды ума!» Въ отчужденіи отъ общества цѣпнѣеть и жизнь слова человѣческаго. Въ началѣ XVIII вѣка, Шотландецъ *Селькиркъ*, брошенный грознымъ капитаномъ на пустой островъ *Фернандесъ*, до того одичалъ въ родномъ словѣ, что едва удержалъ въ памяти окончанія словъ. Невѣжество, какъ будто желѣзною стѣною заслонило внутренній міръ Африки. Черезъ стѣну Китайскую перешагнула отважность Монголовъ: но любопытство Европейцевъ такъ сказать, урывками только заглядываетъ во внутреннюю даль Африки.

Но, то было тамъ за двѣсти двадцать два года до Р. Х., Кареагенъ, привлекая въ стѣны свои сокровища всемірной торговли, едва ли не превосходилъ все то, что составляетъ теперь великолѣпіе столицъ Европейскихъ. Но то было образованіемъ внѣшнимъ. Роскошъ, нѣга и адичность къ корысти, подавляли въ Кареагенѣ силу душевную и пареніе мысли. Кареагеняне жизнь и безонасность свою ограждали чужими силами, которыя нигдѣ и никогда не замѣняли духа народнаго, этой вѣрной стражи жизни отечественной. И такъ *Ганнибалъ* выступилъ изъ Кареагена не съ сынами его, но съ толпами наемныхъ войскъ. На чреду полномочнаго вожда взошелъ онъ въ такой же цвѣтущей юности, въ какой въ концѣ осмнадцатаго столѣтія вступилъ на такую же степенъ Генералъ Бонапартъ. Но

подвигъ Ганнибала былъ еще труднѣе подвига Генерала Республиканскаго. Въ горестномъ положеніи стеклось въ Италію Французское войско подъ знамена *Бонапарта*; но въ немъ была одна душа, одно родное слово; а въ полкахъ Ганнибала все было въ разногласіи. За то онъ, какъ будто въ одномъ лицѣ своемъ заключилъ всю силу войска. Въ немъ вполне осуществились и разнообразныя и противоположныя качества полководца, изображеннаго *Сократомъ*. «Полководецъ, говоритъ мудрецъ Аѳинскій:» заранѣе долженъ обдумать и сообразить все то, что нужно для войны и все заготовить для войска. Онъ долженъ обладать духомъ творческимъ, нераздѣльнымъ съ трудомъ и терпѣніемъ; онъ долженъ быть зоркою мыслию на стражъ неусыпной къ ниспроверженію всѣхъ преградъ. Онъ долженъ быть и снисходителенъ и строгъ, откровененъ и хитръ; предприимчивъ и остороженъ; расточителенъ и алченъ; щедръ и скупъ; словомъ: онъ долженъ вмѣщать въ себя все то, что только можетъ придумать обширѣйшая мысль человѣческая (*).»

Таковъ и былъ Ганнибалъ. А притомъ, онъ отъ зари жизни своей подрасталъ и войною и ненавистію къ Римлянамъ. И такъ, до выступленія еще изъ Испаніи, онъ вошелъ въ тайное сношеніе съ Галлами Заальпійскими; быстро перешелъ горы Пиренейскія; и быстро вступилъ въ мрачное преддверіе горъ Альпійскихъ. Былъ исходъ

(*) См. Ксенофоновы Записки о Сократѣ, Книга 3, гл. 1.

Октября; дороги затаивались подъ снѣгомъ. Сердца воиновъ знойныхъ странъ невольно содрогнулись. Загремѣло слово Ганнибала: «Воины! Вы видите здѣсь одного изъ владѣльцевъ Италіи; отъ имени всѣхъ другихъ владѣльцевъ онъ убѣждаетъ насъ поспѣшить переходомъ черезъ Альпы. Чего вы боитесь? Развѣ есть гдѣ нибудь такія земли, которыя сходятся съ небосклономъ; и развѣ послы владѣльцевъ Италіанскихъ къ намъ прилетѣли на крыльяхъ?»

Онъ сказалъ: и полки его вѣзетъ на вершины горъ Альпійскихъ. Онъ указываетъ имъ оттуда ту сторону, гдѣ *Римъ*, и они перешагнули за Альпы.

Новая преграда. Голодъ и усталость истомляютъ полки Африканскіе за Альпами. Ганнибалъ видитъ опасность и не страшится объявить ее. А тутъ и голосъ древняго Ганнибала и голосъ Ганнибала нашего времени. «Воины!» восклицаетъ вождь Карфагенскій: «вамъ должно побѣждать и природу и враговъ. Труднымъ дошли вы сюда путемъ. Но вы преодолѣли и битвы и горы и рѣки. Безумецъ тотъ, кто захочетъ бѣгствомъ возвратиться въ родную отчизну. Доселѣ вы сражались на бесплодныхъ горахъ *Иберіи* и *Лузитаніи* и въ добычу вамъ доставались однѣ стада. А здѣсь — вѣнецъ побѣды передать вамъ и Италію и Римъ. Окончивъ великій свой подвигъ, вы можете по произволу своему поселиться и въ Италіи, и въ Испаніи, и въ Африкѣ. Карфагенъ, возведенный вами на чреду торжества, подаритъ васъ именемъ гражданъ своихъ.»

Часть I.

При этомъ словѣ воздухъ огласился кликами войска, закипѣвшаго новою отвагою. А Ганнибалъ, поража ягненка камнемъ въ чело, вскричалъ: *Пусть такъ разразятъ меня боги, если я обману.*

И Ганнибалъ предрекъ судьбу свою.

Но между тѣмъ, какъ торжествуетъ его оружіе! На берегахъ *Требии* поражаетъ *Семпронія*; а на берегахъ озера *Тразимена* разбиваетъ *Фламинія*. Ужасна была эта битва! Землетрясеніе совращало теченіе рѣкъ, разрушало города, опрокидывало горы; и бой кипѣлъ! Жажда крови и убійства сильнѣе была волненій и разрушеній природы.

Въ отпоръ побѣдоносному Ганнибалу, избранъ патриціями *Фабій*, названный *медлителемъ*. Рѣшась истомлять сопротивника своего, по словамъ историковъ: «завелъ легіоны Римскіе на вершину холмовъ, въ облака, подъ защиту лѣсовъ.» Но защищая земли Римлянъ, онъ равнодушно взиралъ на разореніе и на пожары селеній союзниковъ Рима. Патриціи молчали. Одинъ только *Теренцій Варронъ*, сынъ мясника, личными достоинствами и заслугами, дошедшій до чреды *Претора*, вступился за бѣдственный жребій союзниковъ. Народъ, по живому, врожденному состраданію, провозгласилъ его *Консуломъ*. Кипѣли негодованіемъ гордые патриціи, видя, что сынъ мясника назначенъ *Консуломъ*. Тщеславіе вельможъ Римскихъ сильно уцѣплялось за преимущества почетности. *Гиббонъ* замѣчаетъ, что узаконенія Римскія возбраняли *Плбелланамъ* браки съ

дочерью *Патрицесъ*; а *Викъ* прибавляетъ, что гордыня вельможей Римскихъ противилась даже и тому, чтобы одинакія обряды бракосочетанія были общимъ утѣломъ.¹

Занимаясь простымъ взглядомъ историческимъ, то есть, показаніемъ послѣдствій вторженія Ганнибала въ Италію, я не вхожу въ военныя подробности. Скажу только, что на поляхъ *Канскихъ*, Консулъ *Павелъ Эмилій*, по свидѣтельству новыхъ историковъ, избранный вельможами, мстя сотоварищу своему и народу, выдалъ Римское войско на жертву Ганнибалу. Въ очередной день Варрона, въ день главнаго сраженія, онъ распустилъ молву, будто бы священныя куры отвергли ящюу; огромя сердца воиновъ суевѣріемъ, онъ отнялъ у душъ надежду побѣды, а у рукъ—силу оружія.

Монтескю, въ книгѣ своей о величіи и упадкѣ Римлянъ, объясняясь о *Канской* битвѣ, говоритъ: «Въ битвахъ важна не существенная потеря, то есть, не смерть нѣсколькихъ тысячъ людей, но ущербъ *воображаемый*.» Чудные философы осмнадцатаго вѣка, выдавая себя друзьями человечества, вѣяли народъ ни во что. Вольтеръ клеймилъ народъ Французскій ничтожнѣйшими именами; а *Монтескю*, самобытный духъ народа, то есть, душу отечества, называлъ мечтою, призракомъ воображенія; не удивительно: онъ полагалъ, что Франція держалась одною силою почетнаго поколѣнія. Какъ будто истинная честь не можетъ быть утѣломъ каждаго человѣка, одушевленнаго правотою и предпочитающаго до-

брое ния всѣмъ обольщеніямъ вѣзшей почетности.

Отгремѣла Канская битва : и тутъ начинается важнѣйшее событіе Римской Исторіи. Тутъ возникаетъ разрывъ коренной жизни Римскаго народа и тутъ же проявляется и предвѣстіе паденія всемірной столицы и всемірнаго обладанія Римскаго.

Объясняюсь.

Повторяю и здѣсь, что не Варронова опрометчивость, но уловка Павла Эмілія, была главною причиною пораженія Римлянъ на поляхъ Канскихъ. Вельможи Римскіе это чувствовали и потому приняли Варрона съ торжествомъ и благодарили, что онъ не отчаялся въ судьбѣ Рима. Но въ то же время, затаивая въ мрачныхъ душахъ своихъ мстительную злобу, они въ сокровенномъ совѣщаніи своемъ положили, кипѣніемъ непрестанныхъ войнъ истребить народъ, отважившійся возвышать голосъ свободный. Они рѣшились въ страны древняго міра усыпать костями природныхъ гражданъ, дѣйствовавшихъ на площади и замѣнить ихъ отпущенниками и рабами безгласными. Но мы увидимъ, что не дремало и око Провидѣнія, карающее гонителей челоѣчества.

Ужасно было прощаніе Ганнибала съ той Италіей, гдѣ шестнадцать лѣтъ гремѣло его оружіе! Онъ шелъ подъ заревомъ горящихъ селеній и городовъ, ознаменовывая каждый шагъ свой убійствомъ и опустошеніемъ. Ужасно было и вступленіе юнаго Сципіона на берега Африки !

Подъ ухищреннымъ предложемъ переговоровъ съ *Сифаксомъ* и *Мандербаломъ*, онъ узналъ черезъ лазутчиковъ своихъ, что шалаши ихъ войскъ легко можно истребить огнемъ. Въ свирѣпомъ восторгѣ, ночью напалъ онъ на спящее войско Африканское. И въ одну эту роковую ночь сжегъ болѣе осьмидесяти тысячъ ратниковъ. И этотъ въроломный *Сципіонъ* разглашалъ, будто бы *Нептунъ* пролагалъ ему вездѣ пути! Но еслибъ *Фуріи* и *Эмениды* вышли изъ ада съ своими шипящими змѣями и съ убійственными дланями, ополченными огнемъ геенскимъ; то, что-бы онѣ могли болѣе сдѣлать? Историки часто громкими именами своихъ героевъ, какъ будто помогаются возвеличить имя свое и нерѣдко вѣнчаютъ лаврами и пальмами тѣ длани, которыя юдолю земную отемняли кипарисами могильными.

Замское сраженіе рѣшило жребій *Кареагена*. *Ганнибалъ* былъ побѣжденъ; а *Сципіонъ* наложилъ на *Кареагенианъ* тяжелую дань, которую они обязаны были выплачивать въ теченіе пятидесяти лѣтъ и обрекъ въ жертву пламени пятьсотъ *Кареагенскихъ* кораблей. Такимъ образомъ, въ одинъ день, въ одно мгновеніе дымомъ разлетѣлась всемірная торговая промышленность. А тутъ и предстаетъ разительное свидѣтельство, что ни одна отдѣльная отрасль быта человѣческаго, не можетъ упрочить его существованія. Справедливо укоряютъ киченіе почетности; но и ни одна отрасль разряда жизни общенародной не должна величаться передъ другою. Бытіе отечества въ нераздѣльномъ ихъ союзѣ. Нашъ

ХІХ-й вѣкъ взомель на горнюю чреду промышленности, но и въ немъ *Питтъ* умеръ, не довершивъ узаконенія о *молочныхъ лавочкахъ*, а *Каммъ* сошелъ въ могилу не опредѣливъ: какое количество хлѣба должно впускать въ Англію? Сверхъ того и 1841 года, въ Августъ мѣсяцъ я читалъ въ извѣстіяхъ изъ Лондона, что «міръ торговый обращалъ величайшее вниманіе на то, чѣмъ окончится жатва.» И міръ торговый правъ. «Вы любуетесь, говоритъ одинъ писатель: роскошью зеленѣющихъ вѣтвей, которыми величается дерево; но не забывайте, что жизнь его хранится въ корняхъ, въ темныхъ недрахъ земли.» Кареагенъ, созидавая существованіе свое на однихъ оборотахъ всемірной торговли, какъ будто не жилъ на родной почвѣ, вѣтряя наемному оружію торговый свой бытъ. Когда ударилъ роковой часъ уплаты первой половины денежной дани, сановники Кареагенскіе расплакались и разрыдались, а Ганнибалъ, надрываясь отъ смѣха, вскричалъ: «Корыстолюбцы! вы плачете, когда пришлось разставаться съ золотомъ, а не плакали, переживъ жизнь отечества!»

Съ горстію войскъ вступилъ Ганнибалъ въ Кареагенъ; но вскоре отъ новыхъ гоненій Рима, принужденъ былъ бѣжать въ предѣлы Азіи, къ Царю *Антиоху*. Это было за 193 года до Р. Х. и въ этотъ самый годъ распахнулись врата Риму и ко всемірному обладанію и ко всемірному паденію.

Въ началъ второй своей книги, историкъ *Велій-Патеркулъ* говорить: «*Сципіонъ первый*, далъ

обширный полетъ орламъ и счастію Рима; Сципіонъ *второй*, проложилъ путь къ порокамъ, предтечамъ разрушенія Рима. Не стало Кареагена; не стало совмѣстника и не исподоволь, но бурнымъ приливомъ, пороки затопили добродѣтели. Утѣхи, сладострастіе, роскошь, присяжныя сопутницы ликующаго честолюбія и ядовитые источники алчной корысти, внезапно гасили мужество Римлянъ.»

И такъ сперва разрушеніе Кареагена, предвѣстило паденіе Рима; потомъ вторженіе Римлянъ въ сладострастную и роскошную Азію, довершило роковой его жребій. Думалъ ли Ганнибалъ, завлекая Римлянъ въ Азію не силою оружія, но бѣгствомъ своимъ, что онъ влечетъ ихъ къ гибели неизбежной? не знаю. Но что бы онъ сказалъ, еслибъ на стогнахъ того Рима, откуда гордый *Патриціатъ* перегонялъ природныхъ гражданъ на поля убійства; что бы онъ сказалъ, услышавъ кличъ и возгласъ: «Римская вселенная продается съ молотка! Являйтесь на переторжку; кто болѣе дастъ, тому и достанется Римская вселенная.»

III.

ГЕНЕРАЛЪ БОНАПАРТЪ

ВЪ ИТАЛІИ,

1796 и 1797 года.

Je ne suis qu'une colline, mais
je renferme un volcan.

Charles Nodier.

Хвала вамъ, солдаты! Признательное отечество вамъ будетъ обязано своими благоденствіемъ; если побѣда Тулонъ (*), вы предвѣстили безсмертный походъ 1793 года, то ваши теперешнія побѣды предвѣщаютъ еще блистательнѣйшія. Дѣя арміи, нѣкогда дерзновенно нападавшіе на васъ, ужасаются оружія вашего. Люди злонамѣренные, радовавшіеся торжествамъ враговъ вашихъ, облиты оскѣнненіемъ. Но, солдаты! Вы еще ничего не сдѣлали! Ваше дѣло впереди. Ни Туринъ, ни Миланъ не наши.

(Слова изъ воззванія Бонапарта).

О, какъ шагаетъ этотъ юный Бонапартъ!

Суворовъ.

И Суворовъ былъ правъ.

Юный *Бонапартъ* первымъ шагомъ на поприніе главнаго вождя, на скрижаляхъ исторіи сгладилъ шестнадцати-лѣтнюю борьбу Ганнибала съ Римскими легіонами. *Ганнибалъ*, перешедъ черезъ ограды Италіи, сказалъ своимъ полкамъ: «Воины! преодолѣвъ ограды Италіи, преодолѣвъ вершины Альпійскія, вы преодолѣли и стѣны самаго Рима.» Къ этимъ словамъ полководца Кар-

(*) Тулонъ былъ вырученъ изъ рукъ Англичанъ, и тутъ меткимъ пушечнымъ выстрѣломъ, Бонапартъ проложилъ себѣ первый шагъ къ блестящему своему поприщу.

сагенскаго , одинъ изъ историковъ Наполеона присовокупляетъ слова своего героя: «Величественное, говорить онъ , представило зрѣлище вступленіе Французской арміи на высоты *Монтезембо* , откуда въ очахъ ея разстилались неизмѣримыя равнины и роскошныя поля *Пьемонта*; *По*, *Танаро* и множество другихъ рѣкъ струились вдали. Полоса снѣга и исполинская ледяная громада , опоясывали на концѣ небосклона страну, кипящую дарами природы. Грозныя великаны , опелченные ужасами природы и укрѣпленные искусствомъ , пали , какъ будто по какому-то мановенію волшебному ; и юный герой воскликнулъ къ войнамъ своимъ: «*Ганнибалъ перешелъ черезъ Альпы, а мы обошли ихъ.*»

Сказалъ : и быстрые молніи огромилъ и разгромилъ ряды войскъ *Австрійскихъ* и *Пьемонтскихъ*. Не войду въ подробности о военныхъ его дѣйствіяхъ. Онъ самъ все выскажетъ. Онъ и полководецъ , и историкъ , и ораторъ. Живое, огненное его слово сливается съ громами, не исчезаетъ въ нихъ и молніей перелетаетъ въ души и сердца его воиновъ. «Солдаты! восклицаетъ онъ: вы въ пятнадцать дней одержали шесть побѣдъ, взяли двадцать одно знамя, пятьдесятъ пушекъ , нѣсколько укрѣпленій и завоевали богатую часть *Пьемонта*. Вы взяли въ плѣнъ пятнадцать тысячъ; убили и ранили десять тысячъ союзныхъ войскъ. Доселѣ вы сражались за скалы безплодныя, прославленные вашимъ мужествомъ, но бесполезныя для отечества. А теперь подвигами вашими вы сравнились съ Гол-

ландскою и Рейнскою арміей. Лишенные всего, вы все собою замѣнили. Вы побѣждали безъ пушекъ; переправлялись черезъ рѣки безъ мостовъ; дѣлали усиленные переходы безъ башмаковъ; стояли на бивакахъ безъ водки, а не рѣдко и безъ хлѣба. Однѣ фаланги республиканскія могли вытерпѣть то, что вы терпѣли. Хвала вамъ солдаты! Признательное отечество будетъ обязано вамъ благоденствіемъ своимъ. Поворять, будто бы среди васъ есть унывающіе духомъ, которые предпочли бы новымъ лаврамъ, возвращеніе на вершины Аппенинскія и Альпійскія? Нѣтъ! не вѣрю этому. Побѣдители *Монтеното*, *Мелисе*, *Дего*, *Мондосо*, пылаютъ рвеніемъ возвысить и распространить славу Французскаго народа.»

Никто не вышелъ изъ рядовъ; всѣ войны повѣрили, что они ничего не сдѣлали. За то и юный Генералъ *Бонапартъ* какими вѣнками дарилъ ихъ порывы; и какой храмъ славы сооружалъ въ изумленныхъ ихъ очахъ!

«Солдаты! вы бурнымъ потокомъ низринулись съ вершинъ Аппенинскихъ; вы опрокинули и разсыяли все, что сопротивлялось вамъ. Освобожденный *Піемонтъ* одушевился чувствомъ природной дружбы къ Франціи. *Миланъ* вашъ, и знамя республики развивается по всей *Ломбардіи*. Герцоги *Пармскій* и *Моденскій* одному великодушію вашему обязаны своимъ политическимъ существованіемъ. Армія, угрожающая вамъ съ кичливымъ презорствомъ, тиетно ищетъ преградъ противъ мужества вашего. Ни По, ни Адда, не

останавливали васъ ни на одинъ день. Эти столь величашныя ограды Италіи, вы также быстро преодолѣли, какъ и вершины Аппенинскія. Дивные успѣхи ваши вдохнули радость въ недра вашего отечества. Ваши представители учредили празднество, посвященное вашимъ побѣдамъ и торжествуемое во всѣхъ предѣлахъ республики. Вездѣ ваши отцы, ваши матери, ваши сестры, ваши подруги радуются вашимъ успѣхамъ и съ гордостію величаются тѣмъ, что вамъ принадлежать. Заставимъ ли сказать, что мы умѣемъ побуждать, но не умѣемъ пользоваться побѣдою? Не упрекнетъ ли насъ потомство въ томъ, что мы встрѣтили *Капуо* въ *Ломбардіи*? Но, вы уже летите къ оружію. И такъ: *снѣредъ!* Намъ должно сдѣлать переходы усиленные; покорять непріятеля; отмстить ему за прежнія обиды. Пусть тѣ, которые нагло воспламенили во Франціи войну междоусобную, которые позорно умертвили вашихъ представителей и сожгли ваши корабли въ *Тулонѣ*, пусть они трепещутъ! Но пусть народы будутъ спокойны, мы друзья всѣхъ народовъ; и мы первые друзья потомковъ *Брутосъ*, *Сципионовъ* и великихъ мужей, вашихъ образцовъ. Возобновить *Капитолію*; помѣстить тамъ памятники великихъ героев ея славы; пробудить народъ Римскій, окованный вѣковымъ безчувствіемъ; вотъ, что будетъ плодомъ нашихъ побѣдъ. Вы дадите новую жизнь и современной исторіи и потомству, вы преобразите, вы возведете на блистательнѣйшую чреду прекраснѣйшую страну въ цѣлой Европѣ. На-

родъ Французскій, уважаемый вселенною, дастъ Европѣ славный миръ, который вознаградитъ ее за всѣ великія ея пожертвованія. Тогда вы возвратитесь на родину свою; и тогда сограждане ваши, указывая на васъ, скажутъ: *онъ былъ съ арміею Италіанскою!*»

Довольно, А вотъ что всего важнѣе. Описывая Италіанскую войну, *Тьеръ* говоритъ, «что 1797 года, уполномоченный Австрійскій предлагалъ Бонапарту отъ имени Императора владѣніе въ Германіи. Герой отвѣчалъ, что онъ счастіемъ своимъ хочетъ быть обязанъ одной Франціи. Предвидѣлъ ли тогда Бонапартъ жребій свой? Нѣтъ; безъ сомнѣнія не предвидѣлъ. Тогда имя гражданина республики было для него все.»

Историкъ ошибся. И вотъ почему.. Поражая побѣдоносными перунами непріятеля и возбуждая воинновъ своихъ къ новымъ побѣдамъ, юный Генералъ Бонапартъ приготавливалъ себя не на чреду *перваго гражданина республики*, но на чреду властелина; съ борьбою битвъ, онъ подъ завѣсою ночи велъ умственную борьбу съ тѣмъ *Макиавеллемъ*, который и доселѣ все еще на степеніи неразгаданнаго писателя. И такъ, вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій, предлагаю отмычки на *Макиавелли*, дѣланныя Генераломъ Бонапартомъ во время Италіанской войны 1797-го года.

Если частный человекъ, говоритъ *Макиавелли*: дѣлается владѣльцемъ, то, хотя для него и нужны мужество и счастье, однако последнее дѣйствуетъ сильнѣе.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «La valeur est plus nécessaire que le bonheur; elle le fait naître.»

«Мужество нужнѣе счастья; оно рождаетъ его.»

Макіавелли говоритъ: «люди идутъ почти всегда путями, протоптанными имъ другими и подражаютъ только тому, что они дѣлали.»

Герой Италіи возражаетъ: «Je pourrai bien quelque fois le faire mentir.»

Наблюдая Кира, говоритъ *Макіавелли*: и другихъ основателей державъ, нельзя не удивляться имъ.»

«Je grossirai ce catalogue. — Я умножу этотъ списокъ,» прибавляетъ Генералъ Бонапартъ. «Чтобы достигнуть степени Царя, Ромулу надобно было, при самомъ рожденіи быть изгнаннымъ изъ Альбы и брошеннымъ.»

Такъ говоритъ *Макіавелли*, а Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Ma bienfaitante louve fut Brienne. Romulus! on t'effacera. Бриена была благодѣтельною моею волчицей. Ромулъ! тебя затмятъ.»

«Къ числу знаменитыхъ людей, поступившихъ на чреду владычества, говоритъ *Макіавелли*: принадлежатъ Киръ, Ромулъ, Тезей и другіе.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Cela me regarde! Это до меня касается.»

«Гіеронъ, говоритъ *Макіавелли*: изъ частнаго человека сдѣлался владѣльцемъ, съ помощію только благопріятнаго случая.»

Генералъ Бонапартъ отвѣчаетъ: «Il n'est jamais sorti de ma pensée, depuis les études de mon enfance. Il était de mon voisinage et je suis peut-être de la même famille.»

«Онъ никогда не выходилъ изъ мысли моею со времени дѣтскаго моего ученія. Онъ былъ моимъ сосѣдомъ, и я, можетъ быть, его потомокъ.»

«Но, прибавляетъ *Макиселъ*: не одинъ Гieronъ служить примѣромъ, что уловленный случай доставляетъ способъ вводить въ новыя области то, что имъ было по сердцу и по мысли.»

И Генералъ Бонапартъ дополняя мысль свою говоритъ: «Il ne m'en faut pas d'avantage; l'occasion viendra; soyons prêt à la saisir.»

Довольно свидѣтельствъ этой умственной борьбы, осуществившейся въ великую потомственную исторію. Но не обращая на это особеннаго, или лучше сказать, полнаго вниманія, нельзя будетъ разгадать: отъ чего Генералъ Бонапартъ на поприщѣ блистательнѣйшихъ успѣховъ, изумлявшихъ Европу и приводившихъ въ трепетъ столицу Австріи, вдругъ рѣшился обмѣнять лавры побѣдъ на пальмы мира, который могъ бы затѣснить его въ неизвестность? Но тутъ видно, что онъ въ одно время оружіемъ огромлялъ Италію и Австрію; а мыслию заполонялъ Францію. Побѣды—нужны были ему для мира а миръ— для владычества. Вотъ тайна письма его къ Принцу Карлу. Приведемъ изъ него нѣсколько строкъ.

«Храбрые воины, воюя желаютъ мира. Эта война длится два года. Довольно ли мы убили людей и довольно ли нанесли бѣдствій горестному человечеству? Оно повсюду вопіетъ. Европа, поднявшая оружіе противъ Французской респу-

блики, отложила его. Остается одинъ вашъ народъ и кровь прольется такъ, какъ никогда не лилась. Какой бы ни былъ тому конецъ, мы съ той и другой стороны убьемъ по нѣскольку тысячъ челоувѣкъ и потомъ по неволѣ должны будемъ помириться. Въ этомъ свѣтъ—всему предѣлъ; даже и страстямъ челоувѣческимъ.»

Счастливо дѣйствовалъ Генералъ Бонапартъ и мечемъ и перомъ. Но, по словамъ мудраго *Сократа*: «Нѣтъ такой предосторожности и нѣтъ такихъ соображеній челоувѣческихъ, которыя не подверглись бы опрометчивости. Побѣды громосныя и побѣды умственныя увлекли мысль юнаго героя и онъ поразилъ *Директорію* диктаторскимъ письмомъ.» «Пожиная обильныя лавры, говорилъ онъ: на поляхъ Италіи, я не отдавалъ славы моей на произволъ снѣпаго счастья. Устремляясь къ столицѣ Австріи, не на удачу, а по соображенію и по расчету, заслонилъ и движеніе мое роскошными полями Италіи. Такъ поступилъ я и при первомъ шагѣ моемъ на поприщѣ славнаго начальника войскъ. Я принялъ всѣ нужныя мѣры для продовольствія тѣхъ полковъ, которыхъ республика не въ силахъ содержать.»

Откликнулся порывъ властолюбія, ужаснулась *Директорія* и по внушенію Талейрана, отправила юнаго героя, искать великаго имени и великой державы на Востокъ.

IV.

НАЧАЛО ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

НА СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ

и отправленіе Суворова

ВЪ ИТАЛІЮ.

Какъ чуденъ ходъ въковъ ; и какъ чудны
движенія народовъ. 1525 года , Султанъ Со-
лиманъ былъ подъ Вьною и оттуда грозился
ворваться въ Италію и пробиться въ стѣны
Ватикана. Въ исходѣ XVII столѣтія оружіе
Оттоманское снова гремѣло въ окрестностяхъ
Вьны. Въ концѣ XVIII столѣтія , полумѣсяцъ
соединился съ Русскими орлами къ защитѣ
Вьны и Италіи.

Великая душа всё въ жертвусть общей пользѣ.

Конфуцій.

Побѣда первая, побѣда надъ собою.

Справедливая исторія скажетъ, что Императоръ Павелъ I 1799 года увѣнчался двумя незабвенными подвигами: безкорыстнымъ содѣйствіемъ къ общей пользѣ и побѣдою надъ самимъ собою. Мы тотчасъ увидимъ изъ собственноручнаго Его рескрипта къ Суворову, съ какимъ великодушіемъ Онъ забылъ все пылкія его порывы и открылъ ему путь къ той славѣ, которой онъ тщетно домогался въ царствованіе Екатерины II: къ славѣ доказать опыты своего искусства въ битвахъ съ войсками Европейскими.

Сперва скажемъ нѣсколько словъ о подвигахъ Русскихъ на Средиземномъ Морѣ, а потомъ предложимъ объ отправленіи Суворова въ Италію.

Вице-Адмиралъ Ушаковъ и Кадыръ-Бей начали поиски свои противъ приморскихъ крѣпостей, захваченныхъ Французами. Они рѣшились напасть съ моря и съ сухаго пути. Вскорѣ были

взяты острова Видо и Сальвадоръ. Отчаясь защищать Корфу, Французы отдали ее во власть Русскихъ. Тогдашняя необычайная война Французовъ, требовала и необычайнаго возстанія.

Германія угрожала новая буря. Нарушивъ ненадежный Кампо-формійскій миръ и угрожая Австріи, Французы успѣли хитростью оковать Рейнскія области. Въ то же время скончался Приццъ Оранскій, назначенный Австрійскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италиі.

Въ продолженіи бурь, возмущавшихъ Европейскія области, Суворовъ, находясь подъ сельскимъ кровомъ, просилъ Высочайшаго соизволенія удалиться въ Нилову Пустынь. «Я намѣревъ», писалъ онъ: «тамъ окончить краткіе дни въ служеніи Богу. Неумышленности прости, Милосердый Государь!» Рѣшенія на эту просьбу не вослѣдовало.

Изъ-подъ соломеннаго сельскаго крова своего, Суворовъ, облетая мыслию области Европейскія, начерталъ средства остановить успѣхи Французскаго оружія. Кавцлеръ Графъ Безбородко отправилъ начертанія Суворова къ Союзнымъ Дворахъ. Хотя они отдавали справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова, но истина не вдругъ побѣдила самолюбіе. Наконецъ, побѣжденный силою обстоятельствъ, Императоръ Францъ II просилъ Павла I отпустить Суворова, для принятія начальства надъ войсками его въ Италиі. Прочитавъ два раза полученное письмо, Императоръ сказалъ Графу *Растопчину*, управлявшему тогда иностранными дѣлами: *Вотъ,*

Русскіе, на все приножаются. И тутъ же, схвативъ перо, написалъ къ Суворову рескриптъ, славный для подданнаго и для Самодержца. «Графъ Александръ Васильевичъ! теперь намъ не время рассчитывать. Виноватаго Богъ простить. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ.»

«Павелъ.»

Облобызавъ подпись, Суворовъ прижималъ къ ранамъ своимъ рескриптъ. Готовясь къ новымъ подвигамъ и къ новой славѣ, онъ оживлялся тѣмъ, что можетъ еще ополчиться къ защитѣ Вѣры, добродѣтели, и къ безопасности человечества. Слѣдуя во всемъ неизмѣнно правиламъ своимъ, онъ отслужилъ въ сельской своей церкви молебенъ, занялъ на прогоны у старосты денегъ и поспѣшилъ въ столицу. Въ изъявленіе благоволенія своего, Императоръ надѣлъ на престарѣлаго героя большой крестъ ордена святаго *Іоанна Іерусалимскаго*. Принимая эту почесть, Суворовъ воскликнулъ: *Господи! спаси Царя!* Государь отвѣчалъ: *Тебѣ спасать Царей*. Суворовъ возразилъ: *Съ Тобою, Государь! возможно.*

Герой, защитникъ Царствъ и Царей умѣлъ впитать стону страдальцевъ. Суворовъ былъ быстръ на полѣ битвъ и въ подвигахъ добра. Любимое его правило и поговорка была: *торо-*

литесь дѣлать добро. Несчастная и престарѣлая мать, Лейбъ-гренадерскаго полка Кавитана Симицкаго, наслышась о добродѣльномъ героѣ, писала къ нему: «Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнадцать взрослыхъ дѣтей скоропчила; семнадцатого, послѣднюю мою надежду, молодость и запальчивый нравъ погубили. Сибирь и вѣчное наказаніе достались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не отворился..... Государь милосердъ, Графъ Рымникскій милостивъ и сострадательнъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаянную мать!» Суворовъ отвѣчалъ: «Я молюсь, молись и ты. Будемъ молиться оба.» При первомъ благопріятномъ случаѣ, герой исходатайствовалъ прощеніе виновному сыну.

Въ послѣднемъ своемъ рескриптѣ, отъ 17 Февраля 1799 года, Императоръ, позволяя Суворову, по благоусмотрѣнію своему, требовать прибавленія войскъ, присовокупилъ: «Впрочемъ, подвиги ваши, усердіе и вѣра всѣмъ извѣстны: продолжайте съ Богомъ; и врагъ общаго блага вами же пораженъ будетъ.»

v.

ГУВОРОВЪ ВЪ ВѢЩЕ

**И НЕРѢШЕННЫЙ ВОПРОСЪ НИ ВЪ ДИ-
ПЛОМАТИКЪ, НИ ВЪ ПОЛИТИКЪ, НИ ВЪ
ИСТОРИИ.**

Часть I.

26

L'art militaire a, comme toutes les grandes transactions de l'intelligence humaine, ses principes invariables. Le genie les devine et s'en sert. L'esprit médiocre ne recherche même pas; elles sont au dessus de sa capacité.

Anonyme.

Военное искусство обладает на ряду со всеми величественными понятиями ума человеческого, правилами неизменными. Геній угадывает ихъ и пользуется ими. Умъ обыкновенный даже не отыскиваетъ ихъ; онъ выше его способности.

Какъ Русскій, Суворовъ хорошо поступилъ, что не вдавался ни въ какія объясненія въ Вѣнѣ; полагаясь на искусство и опытъ его, Императоръ Павелъ I не требовалъ никакого предварительнаго отчета въ предпріятіяхъ его. Онъ взиралъ гению Суворова.

(Слова Графа О. В. Растопчина).

Суворовъ былъ принятъ въ Вѣнѣ торжественно. Народъ восклицалъ: *Да здравствуетъ Суворовъ!* а Русскій полководецъ отвѣчалъ: *Да здравствуетъ Императоръ Францъ II!* Суворовъ оставился въ домѣ Русскаго Посланника Графа Разумовскаго. Желая при отъѣздѣ, по Русскому обычаю, отблагодарить хозяйку за гостепріимство, онъ велѣлъ, въ тотъ самый мигъ, когда садился въ повозку, принести на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ, и положи ключъ въ карманъ, уѣхалъ.

Разсказываютъ, что предъ отъѣздомъ изъ Вѣны, *Гофъ-Кригсъ-Ратъ* желалъ видѣть общее начертаніе его дѣйствій въ Италіи и, что вмѣсто

отвѣта, Суворовъ подалъ бѣлый листъ бумаги. Такъ ли это было или нѣтъ, но впоследствии видно изъ собственныхъ писемъ Суворова, какими затрудненіямъ подвергали его неумѣстныя требованія Гофъ-Кригсъ-Рата.

VI.

**СУВОРОВЪ ИДЕТЪ ПО СЛѢДАМЪ ЮНАГО
ГЕНЕРАЛА БОНАПАРТА.**

Превосходные умы угадывают одинъ другаго. По свидѣтельству историковъ, Баварскій Генералъ Мерса (*), такъ предусматривалъ предпріятія Конде и Тюреня, какъ будто участвовалъ въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ. Монтекули, замѣтя колебаніе рядовъ Французскихъ, въ тотъ самый мигъ, когда Тюрень пораженъ былъ ядромъ на батарее, сказалъ своимъ Австрійцамъ: «Тюрень убитъ.» Наполеонъ говорилъ, что еслибы онъ былъ въ Италіи, то Суворовъ не овладѣлъ бы Миланомъ? Но почему? Вотъ вопросъ, который можетъ рѣшить перо нашихъ опытныхъ военныхъ людей, предполагая однако, что Суворовъ дѣйствуетъ съ такою же свободою, съ какою Бонапартъ дѣйствовалъ въ Италіи 1796 и 1797 года. Рѣшеніе вопроса охотно помѣщу въ Русскомъ Читеніи.

(*) Онъ былъ убитъ и погребенъ на мѣстѣ сраженія. На памятникъ его сказано: «стой, путникъ! ты попираешь прахъ героя.»

Собственное признаніе паче свидѣ-
ства пѣлаго свѣта.

(Изъ военныхъ процессовъ Петра I).

Les batailles de Magnano et de la Tré-
bia nous ont enlevé l'Italie.

Thiers.

Сраженія при Маньяно и при Требии,
похитили у насъ Италію.

Тьеръ.

Конь борзый подведенъ къ крыльцу,
Онъ сѣлъ, онъ крикнулъ—скачетъ!

Жуковскій.

Скачетъ не юный Вадимъ поэта Жуковскаго;
не юный Ганнибалъ летитъ на быстромъ конѣ
Нумидскомъ; не юный Бонапартъ мчится по ра-
дамъ полковъ; скачетъ престарѣлый вѣтязь Рус-
скій въ бѣлой рубашкѣ, съ казачьей нагайкой
въ рукѣ. Ни сверканье штыковъ, ни громы пу-
шекъ не успеваютъ летѣть по слѣдамъ его. Онъ
помолодѣлъ полетомъ, славъ прежняго героя
Италіи.

По собственному признанію Суворова, онъ ле-
тит по тѣмъ слѣдамъ, по которымъ Генералъ
Бонапартъ шелъ 1796 и 1797 года. Вотъ его
слова: «оборонительная и наступательная война»

по первому славенъ Лассіевъ кордонъ отъ Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по ихъ волю. Въ немъ много хранительныхъ пунктовъ : слабѣйшіе больше къ пользѣ непріятельской; чего ради, меньшія его силы препобѣждаютъ : такъ дѣлалъ здѣсь Бонапартъ, такъ погибли Болѣ, Альвинчи и Вурмзеръ ; мнѣ повороту нѣтъ , или также погибнуть.»

Отъ первой искры войны республиканской , Суворовъ слѣдилъ мыслию за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ легионовъ Французскихъ; онъ просился у Екатерины противъ Французовъ. Въ глазахъ его мелькала мечта новой славы. Ему наскучили толки , будто бы онъ только умѣетъ воевать съ Турками и побѣждать Турокъ. Всѣ прежнія лавры стали ему не въ лавры; онъ хочетъ лавровъ Европейскихъ. И онъ въ той странѣ, которую называли : «классическою странною военнаго искусства.» Хотя при Суворовѣ и не было еще въ ходу слово : *романтизмъ*; но можно сказать, что полетъ его на поляхъ Италіи, былъ полетомъ *романтическимъ*. «Благословляю!» восклицалъ онъ воинамъ Русскимъ: «благословляю васъ въ путь славы и побѣды.» И грудь Русскихъ опрокидывала укрѣпленія; штыки ихъ разбивали упорные легионы Франціи; а съ береговъ Невы Графъ *Растопчинъ* отъ имени Императора Павла писалъ къ Суворову: «Донесеніе ваше изъ *Роккадella* получено. Завтра будетъ молебень. Начало благо. Дай Богъ, чтобъ вездѣ были успѣхи и побѣда! Вы же, умая обходиться съ нею , и теперь не упу-

стате ее изъ рукъ вашихъ, въ чемъ помогутъ вамъ успѣть личная, давнишняя привязанность къ вамъ славы и победы.»

«Еслибъ я остался въ Италіи, то *Миланъ* не былъ бы въ рукахъ Русскихъ,» такъ говорилъ Наполеонъ. А Суворовъ, извѣщая о взятіи *Милана*, писалъ: «Мы перешли *Адду* на грудяхъ не-пріятеля; при *Кассано*, слабѣйшими силами разбили его, что и отворило намъ путь въ *Миланъ*.»

Суворовъ достигъ вѣнца желаній своихъ. Сынъ Франціи, Генералъ *Серюрье*, взятый имъ въ плѣнъ и ободренный ласковымъ его привѣтомъ, сказалъ ему: «дивлюсь, какъ вы рѣшились напасть на меня съ такимъ малымъ числомъ войскъ.» — «Мы Русскіе, чудаки,» отвѣчалъ Суворовъ: «мы все дѣлаемъ безъ *правилъ*, безъ *тактики*.» Тутъ же припомня, что *Серюрье*, при сдачѣ *Вурмсеромъ* Мантуи 1796 года, оказалъ престарѣлому Австрійскому полководцу всевозможное уваженіе, Суворовъ отдалъ ему шпагу его и сказалъ: «возьмите шпагу вашу; вы всегда были ее достойны;» и прося, чтобы онъ отъ него передалъ *бѣлую розу* супругъ своей, примолвилъ: *Я самъ скоро буду къ вамъ. — Не сомнѣваюсь!* отвѣчалъ *Серюрье*.

Это казалось и не мечтою. Русскій Императоръ, повторимъ еще, дѣйствовалъ правдоушно и рѣшился ничего не щадить для успѣховъ Русскихъ войскъ. Въ слѣдъ за Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Государь отправилъ въ Италію и юнаго сына Суворова.

Такимъ образомъ, Императоръ Павелъ, под-

твердилъ свои слова , что лучшимъ примѣромъ для сына великаго нашего полководца , онъ почиталъ славу и дѣянiя отца. И юный Суворовъ , въ рядахъ Русскихъ воиновъ , въ жару Требiйскаго сраженiя доказалъ , что и онъ къ имени Суворова порывается присоединить лавры, пожинаемые его отцемъ.

VII.

ЛЮДОВИКЪ XVIII ВЪ МИТАВѢ

и превратность судьбы Суворова

ВЪ ИТАЛІИ.

Тутъ нельзя не замѣтить чудесный и быстрый ходъ событій. 1792 года, Графъ д'Артуа былъ въ чертогахъ Екатерины. Но тогда еще далеко было Русское оружіе отъ Италіи. Въ началѣ 1793 года, не стало Людовика XVI; вскорѣ потомъ, вслѣдъ за нимъ, сошли въ могилу супруга его Марія-Антуанетта, тетка его Елисавета и единственный сынъ его, юный Дофинъ. Людовикъ XVI, какъ будто самъ предрекъ судьбу свою, въ веснѣ дней своихъ. Когда не стало отца его, онъ сказалъ братьямъ своимъ: «плачьте со мною, если не умру, я долженъ быть Королемъ. Меня ждетъ злополучный жребій.» И въ слѣдствіе этого злополучнаго жребія, отъ всего семейства осталась одна только дочь.

Qui sait ce que renferme l'avenir.
Chateaubriand.

Кто разгадаетъ будущее.
Шатобрианъ.

Судьба намъ крѣпости
На завтра не даетъ.

Державинъ.
Неизвѣстно будущее, и стоитъ оно
предъ человѣкомъ, подобно осенне-
му туману.

Гоголь.

Удивительное было это время. Слыша победо-
носные звуки Русскаго оружія, Людовикъ XVIII
носпѣшилъ въ Россію съ старшимъ своимъ пле-
мянникомъ и съ племянницею своею, единствен-
ною сиротою Людовика XVI. Императоръ Па-
велъ, путешествуя во Франціи, подъ именемъ
Съверинаго Графа и прощаясь съ Дворомъ Людо-
вика, взялъ четырехлѣтнюю дочь его на руки и
сказалъ: «Милое дитя! будь подобна матери сво-
ей; Я тебя болѣе не увижу; но узнавъ, что ты
служишь украшеніемъ какого нибудь сосѣдняго
Двора, Я припомню, что видѣлъ тебя на зарѣ
жизни твоей; прощай! Я болѣе тебя не увижу!»

И что же? Графъ Сѣверный услышалъ то, что сбылось при Императорѣ Павлѣ. *Графъ!* сказала дочь Людовика: *если вы къ намъ не придете, то я приду къ вамъ.*

Не напрасно и въ прежнее и въ наше время, очаровательнѣйшія надежды, называютъ сномъ на-яву. Не долго гостилъ Людовикъ XVIII въ Россіи; не долго въ сіяніи новой славы и Суворовъ блаженствовалъ въ Италіи. Недолго!

«Единый часъ, одно мгновеніе;
Удобны царства превратить.»

Такъ и случилось. Подъ блескомъ знаменъ побѣдоносныхъ, недоумѣніе подняло туманное чело свое. Тщетно гремѣли перуны; голосъ его дѣйствовалъ сильнѣе. Много ли промелькнуло дней отъ *двадцатаго Апрѣля* до *десятаго Мая*? Не прошелъ мѣсяцъ, и тотъ волшебный храмъ славы, который Суворовъ сооружалъ подъ сельскимъ своимъ кровомъ, въ радужныхъ мечтахъ своего воображенія, разрушился невозвратно. Никогда, ни на одного полководца не падало такое тяжелое бремя тоски безнадежной. Шесть лѣтъ порывался онъ къ борьбѣ съ Французскими легіонами и достигнувъ цѣли желаній своихъ, встрѣтилъ преграду необоримую не въ штыкахъ, не въ пушкахъ непріятелей, но въ перьяхъ превратной и изворотливой *дипломатики*. Въ горести душевной, Суворовъ говорилъ въ письмахъ своихъ: «обстоятельства, какъ буря все вертятъ прежде всѣхъ предположеній, вымышленныхъ за тысячу верстъ отъ дѣйствія. Люди

легкомысленные увѣряли, что я былъ только счастливъ. Счастье — ослиная голова въ арміи. Отправляя Маршала Виллара къ войску, Людовикъ XIV сказалъ ему:» — «Нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ увидите непріятеля, тамъ будетъ и побѣда ваша,» Вилларъ отвѣчалъ: «мои непріатели не тамъ — а здѣсь въ Версали. И мои не здѣсь — а тамъ, на берегахъ Дуная, въ туманномъ кабинетѣ. Императоръ Павелъ желалъ, чтобы я носился съ Королемъ Сардинскимъ; но мнѣ тамъ еще темно. Спутай крылья орлу и онъ не улетитъ. А мнѣ грозятъ указками, какъ будто голубнику.»

Мы замѣтимъ различіе дѣйствій Генерала Ронапарта и Суворова. Первый дѣйствовалъ, не отдавая никому отчета, и другой, къ оправданію каждаго своего шага, долженъ былъ вычитывать почти всю военную исторію; а потому и говорилъ: «Я мѣшаюсь во времени и въ числахъ; хочу шагнуть впередъ, а меня отталкиваютъ назадъ. Имъ нужна тридцати — лѣтняя война, я гляжу на Парижъ, храбрымъ Швейцарскимъ народамъ нужна свобода — все сковано. Чуть ли будетъ мнѣ поворотъ.» Наконецъ, озабочиваясь продовольствіемъ войскъ, онъ писалъ къ Графу Толстому, что «непріятель воспользовался въ Генуи всеми запасами.»

«Тактика безъ свѣтильника исторіи, потемки.» И это слова Суворова. Но развѣ онъ не зналъ, изъ исторіи, какъ шатки союзы и какъ быстро разлетаются пріязни и сношенія политическія? Часто и одинъ мигъ все перемѣняетъ и перепу-

тывается. Суворовъ это зналъ, но въ борьбѣ со страстями, въ борьбѣ съ самимъ собою; сколько разъ скажешь съ *Сократомъ*: «Я знаю только то, что ничего не знаю.» и чего домогался Суворовъ! И какъ чудны эти великіе люди земной нашей юдоли, чего они не дѣлаютъ, скитаясь съ тревожными думами своими среди многолюдства, какъ будто въ пустынь? Великолѣпный Князь *Таврическій* отъ скуки жизни чистилъ брилліанты и промывалъ жемчугъ; Суворовъ *Римникскій*, съ грудью затѣсенною блескомъ тѣхъ почетныхъ знаковъ, которые рано или поздно, угнетаясь на похоронной подушкѣ, отъ такой скуки жизни, выманивалъ Англіійскій *братъ Подвѣзки*. Съ поля побѣды въ Италіи, онъ писалъ въ Лондонъ къ Графу Семену Романовичу *Воронцову*: «У меня чулки спадываютъ; не чѣмъ подвязать.»

Между тѣмъ разгромъ военныхъ предначертаній, частъ отъ часу болѣе огуманивалъ душу Суворова. Вскорѣ послѣ письма, отправленнаго имъ къ Графу Толстому, онъ писалъ въ Вѣну къ Графу Андрею Кириловичу *Разумовскому*: «Дипломатическій слогъ мнѣ являющійся непріятель своею двуличностію. На *посланцевъ Тортонскій* и *Александрійскій* замки. Въ первомъ много запасовъ. Союзники предположили главною цѣлью *Майнскую*. Драгоценность ея не стоитъ потерянія лучшаго времени.... Спасителя ради! не мѣшайте мнѣ!»

Ужасный, упорный былъ трехдневный бой на берегахъ *Требіи*, гдѣ Ганнибалъ спаравилъ

Онъ въ Москвѣ родился ,

И ей пригодился ,

*(Надпись , сочиненная Гра-
фомъ къ портрету его).*

Приступаю къ важнѣйшему времени его жизни. Но не подумайте, будто бы я говорю о 1812 годѣ. Что дѣлалъ онъ въ этотъ великій годъ , то было послѣдствіемъ прежнихъ его лѣтъ. Быстро возвысился онъ и быстро сошелъ съ чреды чловѣка Государственнаго : но онъ былъ всегда самимъ собою и съ самимъ собою. Не входя въ обстоятельства , уклонившія его отъ службы , упомяну только, что онъ, въ санѣ Вельможи, съ орденомъ Андрея Первозваннаго, жилъ частнымъ чловѣкомъ, скромно и тихо, то въ селѣ своемъ Вороновѣ, то на дачѣ въ Сокольникахъ, гдѣ какъ будто прислушивался къ 1812-му году и къ будущей судьбѣ Мѣхы. А казалось, далека была 1812 годъ. Какъ же думать о томъ, что еще не проявилось? У мысли есть свой зоркій взглядъ; она въ настоящемъ видитъ ходъ будущаго. «Я мѣтѣ всего одинъ, когда я одинъ,» говорилъ Спидионъ Африканскій, «и болѣе всего занятъ, когда, по видимому, мнѣ нечего дѣлать.» То есть, когда онъ не водилъ полки Римскіе къ побѣдамъ и къ разрушенію Каррагена.

Приведемъ здѣсь двухъ человекъ, изъ которыхъ одинъ водилъ полки, переставлялъ престолы, а другой, жилъ въ уединеніи, съ однимъ собою, и какъ будто въ глубокомъ бездѣйствіи. Эти два человека — Наполеонъ и Графъ Растопчинъ.

Растопчинъ въ первый разъ откликнулся живымъ Русскимъ словомъ 1807 года и прослылъ въ народъ Русскимъ человекомъ. Искусный полководецъ выжидаетъ надлежащаго мгновенія для дѣйствія; также поступаетъ и внимательный наблюдатель духа народнаго; онъ не бросаетъ словъ на вѣтеръ, онъ знаетъ ихъ силу на душу, и говоритъ тогда, когда душа, принимая слова, готова обратить ихъ въ дѣйствіе.

«Такъ кормчій черезъ Цовтъ плывущій,
«Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій
«Умѣетъ судномъ управлять.»

Это и поэзія и истина. Если, какъ сказано выше, у мысли есть свой зоркій взглядъ, то и у времени есть свой вѣщій голосъ.

1805 года Ноября 24, наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ говорилъ: «еще лѣтъ шесть, и мысль и мои силы тѣлесныя истомятся.» Растопчинъ въ это время молчалъ. Въ половинѣ 1806 года Наполеонъ громилъ Пруссію, а въ исходѣ этого года потревожилъ границы нашего отечества. 1807 года заключенъ былъ Тильзитскій миръ.

Можетъ быть возразить, какъ ставить на одну чреду Наполеона и Графа Растопчина? Первый

былъ человекъ въковой; а другой, человекъ своего времени. Отвѣчаю: если бы каждый дѣлалъ въ свое время, то, что должно и какъ должно, то и свое время было бы временемъ въковымъ. Говорилъ и Наполеонъ, что за временемъ надобно идти шагъ за шагомъ. Но это дѣло постороннее. Пойдемъ далѣе.

Въ исходѣ 1808 года, оружіе Наполеона гремѣло за горами Пиренейскими; Графъ Растопчинъ продолжалъ всматриваться въ духъ народный и наблюдалъ возстаніе душъ въ Испаніи. 1809 года, Декабря 6-го, Императоръ Александръ въѣхалъ въ Москву при общихъ восклицаніяхъ Московскихъ жителей; дня черезъ три, Графъ Растопчинъ приглашенъ былъ на особенное свиданіе съ Государемъ; а на старшаго его сына обращено было особенное Высочайшее вниманіе.

Растопчинъ, въ уединеніи продолжалъ свое дѣло 1810 и 1811 года; и довѣренность къ нему Московскаго народа часъ отъ часу усиливалась. Онъ жилъ просто, не давалъ пировъ, велъ свое хозяйство домовито и расчетливо; не гонялся ни за какими случайными выгодами; не входилъ ни въ какіе долги, и потому не имѣлъ ни въ комъ нужды. Исторія повѣствуя о громкихъ событіяхъ, рѣдко замѣчаетъ частныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ человека лицомъ общественнымъ, и присоединяютъ къ нему общее мнѣніе. А потому здѣсь справедливо можно сказать, что гласъ Божій, слышенъ былъ въ голосъ народномъ, когда 1812 года, Графъ Растопчинъ былъ назначенъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ въ

Москвѣ. Съ мыслию новаго начальника, породилась мысль цѣлой Москвы, а на Москву смотрѣла Россія. Тутъ, какъ будто осуществилось то, что Альфредъ де-Виньи сказалъ о мысли, развившейся въ уединеніи: «Мысль уединенная, безъ всякаго посредничества другой мысли, есть, такъ сказать, мысль заранѣе вооруженная, и, которая въ свое время проявляется и заполняетъ весь другія мысли.»

Такая мысль, повторимъ и здѣсь, высказанная Графомъ Ѳ. В. 1807 года, перешла и въ 1812 годъ.

Согласуясь съ общимъ мнѣніемъ, я назвалъ Графа Ѳ. В. вторымъ Еропкинымъ. И это не лѣсть. Онъ отвратилъ язву разномыслія; онъ успокоилъ умы. Я тогда еще къ нему не ѣздилъ, я былъ съ нимъ въ размовкѣ; но на ряду со всеми Московскими жителями питалъ къ нему чувство заслуженной имъ благодарности.

Быстро двинулось нашествіе, еще быстрѣе Графъ Ѳ. В. съ отеческою любовію къ Москвѣ, приготовлялъ Московскихъ жителей къ свиданію съ Государемъ. И наступилъ этотъ день. Одинадцатаго Іюля 1812 года, получено воззваніе къ первопрестольной столицѣ, къ сердцу Россіи, извѣщавшее объ общей опасности, угрожавшей Отечеству.

И день воззвщенія объ общей опасности, былъ торжествомъ душевнаго самоотверженія. День великій и безпримѣрный въ исторіи. Но этотъ безсмертный день былъ только кануномъ другаго торжественнѣйшаго дня, Іюля 12-го. Наканунъ вся Москва, кромѣ лицъ почетныхъ, была за

ваставою Драгомиловскою , въ ожиданіи Государя. Іюля 12-го вся Москва была въ Кремлѣ для свиданія съ Государемъ. Въ этотъ день небо и земля ликовали. Этотъ великій день былъ счастливейшимъ днемъ Графа Растопчина. Душа его двигала всѣ душі. Въ этотъ день судьба Россіи рѣшилась въ Кремлѣ. Изъ стѣнъ его разнесся голосъ : Московскихъ жителей по всѣмъ предѣламъ Россіи : «Отецъ нашъ, Государь! Веди насъ куда хочешь ! Жизнь и имущество все отдаемъ Тебѣ!» Тоже повторилось и Іюля 15-го, въ двухъ собраніяхъ, въ купеческомъ и дворянскомъ, въ присутствіи Государя. И тамъ Растопчинъ былъ представителемъ духа народнаго.

Въ ночь на 19-е Іюля, Государь выѣхалъ изъ Москвы, какъ изъ родной семьи всей Россіи. Москва, сердце Отечества, провожала Его и обрекла себя на всѣ пожертвованія. Въ этотъ день, Графъ пригласилъ меня къ себѣ, и сказалъ : мы должны сблизиться ; при чемъ и возложены были на меня особенныя препорученія. И я былъ счастливъ ; я былъ очевидцемъ всѣхъ его дѣйствій. И какъ онъ былъ неутомимъ ! Онъ всего себя отдалъ Москвѣ и Отечеству.

Однажды, въ глухую ночь, заѣхалъ я къ Графу на дачу и засталъ его въ военномъ сюртукѣ ; онъ отправлялъ нѣсколькихъ нарочныхъ въ различныя стороны окрестностей Московскихъ ; давалъ имъ изустныя наставленія толковито и отчетливо ; тутъ не до бумагъ было. Непріятель шагнулъ уже на землю Московскую. Когда кончилось отправленіе нарочныхъ, я сказалъ : «уди-

важусь вамъ, Графъ, когда ни вѣду ни днемъ ни ночью, вы всегда въ военномъ спортѣ. Успокоенная вами Москва, спитъ, а вы когда спите? вы живете на дачѣ, а днемъ, то у Иверской Божіей Матери, то въ Кремлѣ, то во всѣхъ концахъ Москвы. Вы, какъ будто размножаетесь.» Графъ отвѣчалъ: «стыдно было бы мнѣ и дремать и спать. Богъ помогъ мнѣ сохранить и крѣпость здоровья и дѣятельность мысли. Наступило мое время. Я действую въ полноту силъ моихъ. Вотъ и все.»

Тутъ представтъ важное обѣщаніе и для человѣчества вообще, и для всѣхъ и каждаго; тутъ идетъ дѣло о сохраненіи силъ и тѣлесныхъ и умственныхъ. 1799 года, Графъ, будучи Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, встрѣтилъ первую войну Русскихъ и действовалъ съ полною силъ своихъ; при Консулѣ Бонапартѣ кончилъ свое поприще, и съ того времени, невѣдомъ и здѣсь, жилъ до 1812 года въ уединеніи. Сказано было также выше, что самъ Наполеонъ говорилъ въ исходѣ 1805 года, что едва ли станеть у него силъ тѣлесныхъ и умственныхъ еще лѣтъ на шесть. Сбылось его предреченіе. Не я, но Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Роніо, въ книгѣ своей о новомъ военномъ искусствѣ, увѣрялъ, что «причиною всѣхъ неудачъ Наполеона въ Россіи, было ослабленіе его силъ и умственныхъ способностей.» Не я, но Герцогиня д'Абрантесъ, приверженная къ Наполеону, говоритъ: что «въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ ему не дано было опереться, ибо онъ заранее все истощалъ.»

Нину это по смыслу обыкновенному, не указывая на пути Провидных, и упоминая о томъ, что въ это время, послѣ двухъ-вѣкового срока, наступила *второй двѣнадцатый годъ*. Но отъ чего въ продолженіе, *двѣнадцати лѣтъ*, Наполеонъ, такъ сказать, уничтожалъ самого себя въ себя, и отъ чего Растопчинъ въ это время, въ безмятежномъ уединеніи сберегалъ и жизнь свою и всѣ умственныя способности? Объ этомъ не объясняюсь. Но это было явнымъ историческимъ событіемъ; замѣчу только, что не одніе бури военныя и сильныя перевороты политическіе наносятъ чловѣку. Сколько жертвъ, нарушающихъ законы природы, равная смерть похищаетъ изъ вѣра раасвященностей, радостей и утѣхъ земныхъ! И это было бы истинною историческою, если бы исторія болѣе наблюдаема ежедневный ходъ обществъ чловѣческихъ. Какъ бы то нибыло, а Растопчинъ сберечь себя для нашего двѣнадцатаго года и не удивлялся, что въ полнотѣ силъ своихъ могъ дѣйствовать для пользы Москвы и Отечества. А отъ него онъ ничѣмъ не увлекался и не развлекался? Я упоминаю только о томъ, что слышалъ отъ него изустно; даѣе не допытывался. Одинъ изъ Римскихъ полководцевъ сказалъ: «если бы моя подушка провѣдала мою тайну, то я бы и ее сжегъ.» Есть тайны душевныя; есть и тайны политическія. Тутъ предстоятъ два чловѣка. Одинъ — растерявшійся въ самомъ себѣ; другой — сберегшій себя. Первый, кто бы онъ нибылъ, будетъ въ заторопленіи своемъ и медлить и спѣшить безъ причины; второй будетъ

наблюдать ходъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно съ ними. Кто то сказалъ: «Чѣмъ болѣе человекъ уединяется, тѣмъ болѣе онъ подрастаетъ (*). Историки уврекають Наполеона, зачѣмъ онъ, двинувъ войско свое, самъ промѣшкалъ въ Вильнѣ дней двадцать. Но вотъ онъ въ Витебскѣ. Здѣсь, говоритъ онъ будетъ Парижъ со всеми театрами своими. Откуда буду три года вести войну съ Россіей.» И онъ въ Смоленскѣ и въ заторопленіи мысли, спѣшилъ къ Москвѣ; Растопчинъ спокойно все учреждалъ въ стѣнахъ ея. Инымъ показалось, будто бы изъ нее запрещенъ былъ выездъ. Графъ объявилъ, что «каждый день, множество каретъ свободно выезжаетъ изъ всѣхъ заставъ; но, что по мнѣнію его, это хорошо для женщинъ, а не для мужчинъ.» Не было ни въ чемъ ни стѣсненія, ни лести. Все было истинною. Отгремѣла битва Бородинская. Ударилъ роковой часъ Москвѣ. Растопчинъ не затерялся ни въ прозорливости, ни въ дѣйствіяхъ своихъ. Августа 31-го, при последнемъ моемъ свиданіи съ Графомъ, онъ спросилъ меня: «какъ вы думаете, если Москва будетъ сдана? Я отвѣчалъ, что о сдачѣ Москвы повѣстия я 15-го Іюля въ Слободскомъ дворцѣ, въ собраніи дворянскомъ. Но гдѣ же по сдачѣ Москвы войско наше займетъ мѣсто? Не запинаясь, Графъ прибавилъ: «на старой Калужской дорогѣ.» Военное совѣщаніе о сдачѣ Москвы, происходило около вечера 1-го

(*) Plus l'homme s'isole, plus il grandit.

Сентября; Графъ не былъ на него приглашенъ. Слѣдственно, онъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ указалъ мѣсто, гдѣ начнутся новыя дѣйствія Русскихъ войскъ. «Теперь мнѣ остается одно,» продолжалъ Графъ, «вразумить подмосковныхъ поселянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву; и онъ все это высказалъ въ воззваніи своемъ на Три Горы; духъ подмосковныхъ поселянъ воспылалъ, и началась новая борьба съ полками Наполеона, вступившими въ Москву, откуда ежедневно выходили сильныя отряды, за возомъ сѣна или мѣшкомъ муки, и часто не добывъ ничего, возвращались съ потерей половины людей своихъ отъ оружія поселянъ. Эта гибельная борьба для Наполеона, непосредственно принадлежала Графу Ф. В. Растопчину. Пожаръ Москвы былъ страшенъ для глазъ, а голодъ истомлялъ нашествіе. Объ этомъ упомяну подробно въ другомъ мѣстѣ. Тамъ увидимъ, какъ и въ этомъ распорядился Графъ.

«Мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ!» говорилъ Наполеонъ (*). Онъ не побѣдилъ; онъ оставилъ въ ней все владычество свое. Слѣдственно, всѣ мѣры были заблаговременно приняты, чтобы онъ не побѣдилъ. А кто былъ тогда главнымъ начальникомъ Москвы? Исторія скажетъ: Графъ Растопчинъ. И тутъ все она выскажетъ. Скромный Графъ написалъ къ портрету своему:

(*) Il me fallait vaincre à Moscou.

(Mémorial de Sainte-Hélène).

«Онъ въ Москвѣ родился.

«И ей пригодился.»

И Наполеонъ, 1814 года, когда рѣшался жребій Парижа и Франціи, желалъ имѣть человека, подобнаго нашему Русскому Растопчину.

Мы жили въ необычайныхъ обстоятельствахъ. Въ годину великихъ событій, жизнь ничто. Когда Кулиневъ палъ близъ родины и колыбели своей, все завидовало его смерти. Но тяжело переходить отъ великихъ событій къ обыкновенному ходу общественному, когда жизнь *все*, и когда то, что ее озабочиваетъ для нее *все*. 1813 года закипѣла новая суетливость въ Москвѣ. Много было толковъ и пересудовъ. Графъ испыталъ это вполнѣ. Никто болѣе его не потерялъ въ Москвѣ 1812 года, и онъ не ропталъ. Онъ ничего не вывезъ изъ подмосковной своей дачи; все бросилъ въ городскомъ своемъ домѣ и собственною рукою сжегъ богатое село Вороново, и не ропталъ.

Я былъ самовидцемъ необычайныхъ событій, и на краю могилы желаю, чтобы вездѣ, гдѣ въ груди человека бьется сердце и гдѣ раждается его голосъ — человечество уживалось и въ превратномъ нашемъ *миръ*, подъ сѣнью *мира* и любви.

V.

АНЕКДОТЫ

ГРАФА О. Е. РАСТОПЧИНА

о Суворовъ.

Часть I.

34

Ce-lui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.
(Ode à la fortune).

Тотъ только подлинно великъ ,
Кто прелесть счастья побеждаетъ.

Мы съ нимъ вездѣ проходили.

(Слова Русскаго солдата).

Винскій Кабинетъ въ 1799 году, по смерти Принца Оранскаго, назначеннаго Главнокомандующимъ въ Италию, затрудняясь на его мѣсто выборомъ и преодолевъ самолюбіе, рѣшился у Императора Павла просить, живущаго въ деревнѣ и въ отставкѣ Фельдмаршала Суворова. Время не терпѣло, и отъ Римскаго Императора присланъ былъ нарочный гонецъ. Прочитавъ вѣстие два раза, Императоръ Павелъ сказалъ нѣтъ: «Вѣтъ Русскіе, не все приговаряются, радуйся!» И тутъ же написалъ къ Суворову слѣдующее:

Графъ, Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время рассчитывать. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италиі. Моя дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти нѣтъ. Поспѣшите приѣздомъ сюда, не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствія васъ видеть. Пребываю вамъ добродетельнымъ.

«Павелъ.»

Съ этимъ письмомъ отправленъ былъ Г. Адьютантъ Толбукинъ. Суворовъ, получивъ его, пошелъ

въ церковь, отслужилъ молебенъ, занялъ у старосты на прогоны денегъ, прѣхалъ въ Петербургъ и оттуда поѣхалъ доказывать Французамъ въ отчизнѣ древнихъ Римлянъ, что такое Русскій Суворовъ.

Когда Государь Императоръ Павелъ изволилъ надѣвать на Графа Суворова большой крестъ Іоанна Іерусалимскаго, онъ сказалъ: «Господи, спаси Царя!» Государь примолвилъ: «тебѣ спасать Царей.»

Когда Графъ Суворовъ прѣхалъ въ Петербургъ въ 1799 году, отправляясь къ Цесарской арміи, то въ первый день называли всахъ окружающихъ Государя красавицами, уверяя, что оны похорошѣли; на вопросъ мой: зачѣмъ одно всахъ говорить? отвѣчалъ: «вы красавицы, а я кокетка, смѣюсь и не боюсь.»

Предъ отъѣздомъ въ Вѣну, Графъ Александръ Васильевичъ разговаривалъ во дворцѣ имъ баласъ Княземъ Ауарспергомъ, бывшимъ съ Его Высочествомъ. Врицъ-Герцогомъ Іосифомъ, и говорилъ ему по-Французски, переводчикъ изнеоки: «Оборонительная война не хороша, наступательная лучше; Французы на ногахъ, а вы на бочу. Они бьютъ, а вы заринаете. Всегда душокъ, прикладывайся, пади, а оны промидомали»

ное ("); пропорція три противъ одного. Подите за мною, я вамъ докажу. И потомъ, проведя очень скоро Кнзя Ауэрсперга по комнатамъ, возвратился въ залу и оставилъ его одного.

Послѣ сраженія при Нови, Суворовъ прислалъ мнѣ съ Полковникомъ Кушниковымъ слѣдующее письмо. Точки, въ немъ означавшыя, точно такъ находятся въ подлинникѣ.

*Русскій Богъ великъ.... охотѣ Французы, у-
спѣваются Цесарцы..... а здѣсь жоты и побѣдно,
но тяжело..... Намъ лучше мѣлая; Цесарцы дол-
го равняются; Французы горячи; имъ жарко, по-
бѣды ихъ много, сборы трудно..... и въ Англіи
моя доволны и шифры мой на праздникахъ, и
бани Романычъ моя акалитъ ("').... а у меня
чулки стиснулись (i''). Кушниковъ арабы, бодры,
говоритъ языками и все знаетъ.... лучше бы было
безъ тапачки и практикой..... политика, привѣ-
на, Египтъ, Директорія, Лондонъ, Потсдамъ.....
Божѣ сохранитъ..... и ось и супругу вашу.*

Послѣ перехода черезъ Швейцарскія горы, писалъ ко мнѣ слѣдующее письмо: *Пришелъ въ
Беллинзонъ (****)..... Пить лошаковъ, пить лоша-*

(') Суворовъ подъ этимъ разумѣлъ штыки, которые назы-
валъ холоднымъ оружіемъ.

(**) Графъ Воронцовъ, бывшій въ то время Посланникомъ
въ Англію.

(***) Александру Васильевичу хотѣлось ордена Подвѣзны.

(****) Мѣсто собранія лошаковъ и лошадей для перехода ар-
міи въ Швейцарію.

дой, а есть Тугутъ и горы и пропасти... но я не живописецъ, пошелъ и пришелъ..... виднымъ и Французомъ, но асьмъ спустился..... холодныхъ ружьемъ..... по колено въ силу..... Массена прово-ремъ, не успѣлъ.... Каменскій молодой (*) молодой, но старъ больше, чѣмъ Генераль-Маюръ..... а подѣ Пуританъ душно и Лаватера радилъ..... Цесарцы подѣ Максимомъ (**); Тугутъ вездѣ, Гоцъ цидѣ (***)..... Геройства любящаго храбрость, терпѣнье скоростъ, разсудокъ умъ, трудъ мѣнь, мотормъ газетъ..... готовъ носить Марію — Тора-амъ (****), у меня и такъ уже много на плечахъ сидитъ.... нараву! ура, я Русскій, вы Русскіе....

Сидя одинъ разъ съ нимъ на-единъ, наканунѣ его отъѣзда въ Вану, мы разговаривали о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичъ началъ спрва исчислять ошибки Цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать собственныя свои виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли все были тревожнѣйшаго человѣка; подобно краснорѣчію я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я весь былъ превращенъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Циперона и Юлія-Кесаря, обратился въ птицу и запѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ его съ огорченіемъ: «какъ это возможно?»

(*) Графъ Николай Михайловичъ.

(**) Кудя Цесарская армія пошла назъ Швейцарію.

(***) Гоцъ убить въ Швейцарію.

(****) Военный Цесарскій орденъ.

и онъ, вѣсть меня за руну, смявшись сказалъ :
«поживи съ мое, закричишь курицей (?)».

Одинъ разъ онъ уверялъ, что былъ раненъ
32-раза : два на войнѣ, десять дома и двадцать
у Дюра.

Желая узнать мнѣніе его о знаменитыхъ во-
нахъ и о военныхъ книгахъ, проходилъ я всѣхъ
извѣстныхъ полководцевъ и писателей ; но при
всякомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, ска-
завъ мнѣ на-ухо : «Юлій — Кесарь , Ганнибалъ ,
Бонапартъ, Домашній учебникъ, Пригожая по-
вариха,» заговорилъ о химіи.

Онъ находилъ, что три самые смѣлые челове-
ка были : Курцій, Князь Яковъ Федоровичъ
Долгорукій и Антонъ Староста. Первый, что
бросился для спасенія Рима въ пропасть ; вто-
рой, что для блага Россіи говорилъ правду
Петру Великому ; третій, что одинъ ходитъ на
медвѣдя.

Лейбъ-гренадерскаго полка, унтеръ — офицеры
поддерживали гробъ Суворова. Подъѣхавъ къ

(*) Что сказалъ Суворовъ 1799 года, то сбылось 1813 года.
1812 года все отдавали ; 1813 года все отыскивали и
начались счеты и расчеты. Порыжь душъ оскоса.

воротамъ Невскаго Монастыря, начальникъ герцогскаго обряда велѣтъ остановиться и снять балдахинъ. Унтеръ-офицеръ, стоявшій у гроба, закричалъ: *впередъ!* лошади двинулись. Опущено ли было мѣсто, куда вставлялся балдахинъ, или саблаговременно подвѣшены были столбы, только балдахинъ прошелъ съ дорогами. Въ этотъ мигъ, унтеръ-офицеръ, обратясь къ товарищамъ своимъ, сказалъ: *«съ такіа ли верста мы проходили съ Суворовымъ.»*

VIII.

А В А Ж Ж С Ъ Ж А

КЪ БРАТУ МОЕМУ

Владимиру Андреевичу

Г Л И Н К Ъ.

Cet homme devait périr dès le premier pas dans sa nouvelle carrière, mais il a duré. Avant de mourir, il devait mettre le feu aux quatre coins du monde.

(Balzac du XVIIe siècle).

Этому человеку угрожала гибель при первомъ шагѣ на новомъ его поприщѣ, но онъ жилъ. До смерти своей онъ долженъ былъ забросить огонь въ четыре угла свѣта.

(Бальзакъ XVII столѣтія).

ПРЕСМО I.

РАЗСКАЗЪ О НАПОЛЕОНѢ (*).

Nous nous interessons aux grands événements
où l'homme s'est montré tout entier.

Michaud.

Мысль наша устремляется къ великимъ со-
бытіямъ, представляющимъ человека.

Мишо.

«Воспоминаніемъ живетъ душа моя.»

И въ самомъ дѣлѣ, что такое настоящее? Ле-
тящій міръ. Но чѣмъ далѣе шагаемъ на пу-
тяхъ жизни, тѣмъ болѣе перелеты этихъ бы-
стрыхъ мгновеній западаютъ въ память и не
рѣдко откликаются и громче и живѣе настояща-
го, особливо для того, кто по воспоминаніямъ
минувшаго, живетъ въ настоящемъ, какъ будто

(*) Изъ разсказа Элизы Балькомбъ о Наполеонѣ, я выбралъ
только главныя черты для новыхъ подробностей о томъ
дивномъ современникѣ, котораго называютъ: историче-
скимъ человекомъ *естя въ коѣхъ* (l'homme fatigué de tous
les siècles). Людовикъ XIV умеръ 1715 года; ровно че-
резъ столѣтіе, то есть, 1815 года, Наполеонъ въ жи-
вухъ отжилъ для міра Европейскаго. Съ Людовикомъ все
пало. А другаго Наполеона, говоритъ *Шатобрианъ*, едва
ли и усиліе десяти вѣковъ представить свѣту. Мы до сихъ
поръ знаемъ Наполеона, въ Наполеонѣ нашего вѣка; поэтому
объясните его.

въ дальней сторонѣ отъ свѣта. Десятки лѣтъ промелькнули со времени нашего 1812 года; а я, мой любезный другъ! и теперь вижу и горю и слезы твои; слезы геройскія! Ты плакалъ отъ того, что дней за пять до великой битвы *Бородинской*, нашъ полководецъ Михаилъ Илларионовичъ *Кутузовъ*, отправилъ отъ арміи нѣсколько конныхъ артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ которыхъ довелось быть и твоей ротѣ. Кутузову нужно было *утлѣнить, утолить* жаркій порывъ Русскихъ сердецъ къ битвѣ валовой. Но онъ видѣлъ, своими чудными, на-вылетъ прострѣленными глазами, что валовая битва за Москву, будетъ *лебединою пѣснію* нашей Москвѣ белокаменной. Что же оставалось ему дѣлать? Облегчить переходы войскъ и въ то же время развлечь вниманіе непріятеля. Вотъ почему до уступленія Москвы, отправилъ онъ обозы съ продовольствіемъ на Казанскую или Владимірскую дорогу, гдѣ уже былъ Князь *Лебановъ* съ своими новыми полками; вотъ почему и ротамъ артиллерійскимъ назначенъ былъ путь по дорогѣ Рязанской, куда двинулась наша армія, когда отгремѣлъ бой Бородинскій. Надобно было нашествію раскидывать сѣти, ты это зналъ и понималъ, а все таки плакалъ и горѣлъ желаніемъ и охотою обмѣниваться мѣткими выстрѣлами съ пушками Наполеона. А я тебѣ говорилъ: «твое отъ тебя не уйдетъ; увидѣешь еще пожать лавры,» что и сбылось и — сбылось не разъ. И въ этихъ лаврахъ, ты мой другъ, дожилъ до той поры, когда вмѣсто

ядеръ и картчъ будешь дарить Наполеона отъ
всего сердца веселою улыбкою и скажешь само-
собо умной Англичанкѣ, которая легкимъ и дов-
жимъ перомъ высказала и любезность и дѣ-
скую рязость и затѣйливыя проказы Наполео-
на, когда въ шутивомъ разгулѣ металъ онъ въ
сисимъ карты, тѣми руками, которыми вѣкогда
выметывалъ жребій народовъ. Чудный былъ
этотъ человекъ, о которомъ говорили: «ему ну-
жна вселенная или пустыня!» (*) Но онъ и въ
пустыни и въ сельскомъ приютѣ такъ уживался,
какъ будто ничего никогда не видалъ и никого
не зналъ, кромѣ добрыхъ хозяевъ своихъ! И
Людовикъ XVIII, войдя въ Тюльерійскій дво-
рецъ, сказалъ: «тутъ гостилъ умный жилецъ.»

Но вотъ бѣда моя. Тебѣ, мой другъ, не уда-
лось побогатырствовать на полѣ Бородинскомъ;
вообрази же и мою неудачу на полѣ чернильномъ,
которое также подъ часъ кипитъ бурною грозой.
Лишь принялся за переводъ разказа умной Ан-
гличанки, вдругъ донеслась ко мнѣ молва, что
онъ уже и переведенъ и напечатанъ въ *Иностран-
дѣ*. И это дѣльно. Гдѣ только мелькнетъ имя
Наполеона, тамъ летятъ перья на перерывъ оди-
но другому. Бѣда моя въ томъ, что ты, по стра-
сти своей къ чтенію, заманиваешь къ себѣ каж-
дый печатный листокъ; почему и полагаю,
что ты уже прочиталъ этотъ новый разказъ. Что
же мнѣ дѣлать? отступить; затѣмъ? Около

(*) Homme étonnant! Il lui faut l'univers ou un désert.

Наполеона сколько не обирай, все еще есть чѣмъ поживиться. Онъ оставилъ богатый запасъ и намъ и вѣкамъ будущимъ. Для него не было дали. Куда ни взгляни, вездѣ найдешь или слѣдъ его, или отголосокъ о немъ. Наполеонъ именемъ своимъ выставилъ на видъ нашей вселенной и *Корсику*, гдѣ была колыбель его; и *Эльбу*, гдѣ былъ временнымъ изгнанникомъ; и островъ *Св. Елены*, гдѣ была временная его могила. Сочинительница разсказа плыла къ скалѣ Еленской, отъ береговъ Англіи ребенкомъ, и она говоритъ: «лишь я вступила на нее, то тотчасъ же хотѣла бѣжать. Впрочемъ: то ли чувствовалъ Наполеонъ, что я? Не знаю.» Да и кому знать, что чувствовалъ этотъ обладатель престоловъ и народовъ, занеся ногу на берегъ ссылки своей? Эта непостижимая тайна умерла въ широкой груди его и въ исполанской его мысли. Но въ необычайной судьбѣ его также невыразимо и неповѣдимо влеченіе его къ острову *Св. Елены*. На чредѣ еще Консула онъ заставлялъ провозглашать Мониторъ, что «этотъ островъ, очаровательный островъ Калипсы. Островъ *Св. Елены*, говоритъ *Канфизъ*: связанъ былъ съ Наполеономъ, какою-то роковою судьбою.» (*) И это какое-то чудное событіе. Порывался къ нему Консулъ Бонапартъ; такой же порывъ кипѣлъ и въ сердцѣ Императора Наполеона. Въ Ноябрь 1805 года, когда еще не остыли боевые слѣды на полѣ *Аустерлицкомъ*, онъ далъ повелѣніе

(*) Les cent jours. Tome 3, chap. VIII.

повѣстить въ томъ же Мониторѣ, что «волшебный островъ Св. Елены долженъ непременно и во что бы ни стало, принадлежать Французской Имперіи.» (*)

Но, вотъ что еще удивительнѣе. Когда 1809 года, Ваграмская битва снова открыла Наполеону входъ въ столицу Австріи, онъ остановился въ загородномъ дворцѣ. Маршалы и Генералы на досугъ отъ дѣла боеваго, пускались въ прогулки по окрестностямъ и прожужжали уши Императору своему разсказами о красотахъ Баденской Сент-Еленской долины. На зарѣ Октябрскаго утра, тихомолкомъ отъ всего своего Двора, безъ проводниковъ, пустился онъ верхомъ въ возвышенную Сент-Еленскую долину. Небо осеннее, отсвѣчивалось прелестію дня лѣтняго. Но едва Наполеонъ взлетѣлъ въ долину на холмъ, внезапно зачернѣла надъ нимъ туча и въ очахъ его мелькнули какія-то чудныя развалины. Темнѣе дремучей ненастной ночи, возвратился онъ во дворецъ. Закинувъ за спину руки, съ глубокою думою на челѣ, ходилъ онъ взадъ и впередъ между рядами Маршаловъ и Генераловъ, смотрѣвшихъ на него съ безмолвіемъ. Наконецъ, какъ будто пребывая отъ какой-то дремоты, онъ сказалъ: «да! въ этой очаровательной Сент-Еленской долині хотѣлось бы и жить и умереть!

Грустнымъ предчувствіемъ взволнованъ былъ Наполеонъ. Но что такое предчувствіе? Этого

(*) Мониторъ 1808 года.

нельзя понять и постигнуть въ круженіи свѣтскихъ перелетныхъ вихрей! Но Наполеонъ, безъ всякихъ мелочныхъ условій съ свѣтомъ, жилъ самимъ собою, въ самомъ себѣ и въ неутолимомъ стремленіи къ чему-то безпредѣльному. И для него былъ отдыхъ. Казалось, что онъдохнулъ свободнѣе, сочетавшись бракомъ съ дочерью древняго державнаго поколѣвія и когда лестъ говорила ему: «Государь! молва о бракѣ вашемъ гремитъ. Онъ залогъ мира и блистательнаго союза; въ немъ величіе всей вашей судьбы.»

Но вотъ бѣда! Время не запродастъ себя лести ораторовъ; не засниживается на развалинахъ и не заглядывается на торжества славы, оно идетъ своимъ чередомъ и въ область свою забираетъ и славу и мечту надеждъ и развалины и величіе.

Прогремѣлъ роковой бой при Ватерлоо. Наполеонъ у береговъ Англіи. Онъ проситъ въ ней гостепріимнаго пріюта, гдѣ намѣренъ всего себя посвятить словесности. Все тицетно. Ему читаютъ рѣшительное опредѣленіе плыть черезъ Океанъ въ заточеніе на островъ Св. Елены. «Это мой смертный приговоръ!» воскликнулъ онъ. Отплылъ корабль. Привлечь Наполеонъ къ корму. Уже онъ подъ тою полосой новаго неба, которымъ тамъ восхищались и Колумбъ и Васко де-Гама и поэтъ Камоэнсъ. Что ему до этихъ очаровательныхъ свѣтилъ и созвздіи! Не онъ свернулъ надъ головою его сквозь дымъ биваковъ, гдѣ душа его ликовала жизнію потомственной!

Где престолы! где обладатели народов? Узы
ниги плывут по Океану. А давно ли онъ гре-
мѣлъ и въ Италию и въ Египтъ. Давно ли пла-
ва за новыми лаврами, онъ разсуждалъ съ уче-
ными о судьбѣ міра земнаго, вычислялъ сроки
его существованія; измѣгалъ причины: (?) и
тутъ, для него, рухнула земная вселенная; онъ
среди ея развалилъ одинъ, одинъ, какъ сирота
безпріютный. А тутъ и скажешь съ поэтомъ:

«Прочь міра лестныя мечтанья!

Нашъ міръ — невѣрный океанъ.»

Но судьба хотѣла еще мѣлчать Наполеона.
Какъ будто заранее условясь съ природою, она
приветовала ему пріютъ очаровательный, огра-
жденный со всехъ сторонъ отъ того міра, гдѣ
онъ и самъ былъ труженникомъ, и другимъ да-
вала непрестанную работу. «Этотъ сельскій прі-
ютъ,» говоритъ сочинительница разсказа, «теп-
лѣе въ рукахъ Индійскаго общесіва и корыста
развела въ немъ шелковичныя деревья. Но какъ
онъ былъ прелестенъ! Изъ душнаго города, ле-
жащаго въ оврагѣ, какъ будто нарочно судо-
рожными полчищами природы, вѣявъ на него
трюпики, наливающіяся въ среднѣхъ скалахъ
Нашъ домикъ покоился на Индійскихъ жилищахъ
въ другомъ мѣстѣ онъ былъ бы незамѣченъ
не среди дикихъ скалъ, безплодныхъ горъ и въ
пустынь разрушенія, онъ представлялъ картину
очаровательную. Вижу тотъ садъ, гдѣ Наполеонъ
былъ любимое, уединенное убѣжище Наполео-
на»

(?) Это было 1798 года, когда онъ плылъ въ Египтъ.

Часть I.

36

на. Внизу въ кустахъ монхъ и рошцы миртовья, мелькающія нежною зеленью, дышашія восхитительными ароматами и плещащія взоръ блестящими золотыми плодами. Словомъ, тутъ кипѣла вся роскошь растений тропическихъ. Шумъ въ этомъ пріютѣ и водопадъ живописный и прелестный для глазъ. Въ странѣ знойной — это сокровище. Взглянешь на чистую, свѣтлую воду и — какъ будто оживаешь.»

Сочинительница разсказа не упоминаетъ, при-сматривался ли дивный жилище сельскаго пріюта, къ быстрому возвышенію и паденію струй водопада и применялъ ли это къ превратностямъ судьбы человѣческой — особливо своей.

На островъ Св. Елены не разносились молва о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы; и вдругъ 3-го Октября 1815 года шумный выстрѣлъ съ восходомъ солнечнымъ возвысился и прибытіе его къ берегу скалы Еленской. Все спѣшили къ нему на встрѣчу, въ томъ числѣ и сочинительница разсказа.

«Былъ уже вечеръ. Лодка отделилась отъ корабля *Португберленда*. А въ ней — были Наполеонъ. Часъ отъ часу болѣе темнѣло. Все жители сбѣжались на берегъ. Наполеонъ едва могъ пробраться сквозь толпы ихъ. Но при этомъ стеченіи народа и природа и голосъ человѣческій, все безмолвовало, какъ будто въ глухой пустынь. И какъ тяжело это жертво безмолвіе для того, кто привыкъ и къ громамъ побѣдъ и къ плескамъ народовъ! Тяготило это безмолвіе Наполеона. Ознакомясь съ сочинительницею разска-

за, онъ сказавъ ей: эти люди толмачъ моего, какъ будто около дикаго зэвря. Первый чеченецъ Наполеона былъ въ городъ. А на другой день, взвились всадники около горы, подъ которою былъ нашъ домикъ. Красиво и величаво скакали они. Ихъ было пять человекъ. Мы ловили ихъ слѣдъ взраши тороплавными. Быстро мелкали они на той сторонѣ скалы, на которую ударяли лучи солнечные; а на темной полосѣ ярко отражался блестящій ихъ нарядъ. Иногда извилиныя дороги скрывали ихъ отъ насъ; выказывался только возмущенный бѣлый салтанъ или отблескъ шнаги.

«Мы еще не знали, былъ ли тутъ Наполеонъ, хотя и слышались, что его можно узнать по треугольной шляпѣ и по сврой епанчѣ. Въ этотъ самый день пришелъ къ намъ съ городскими врачемъ докторъ О'Мэга.»

Все было удивительно въ судьбѣ Наполеона. Давно упреждаютъ свѣтскихъ друзей достигнамъ, которыя отлетаютъ отъ осени туманной и возвращаются къ яснымъ днямъ весеннимъ. Не то было съ Наполеономъ. Узнаномъ. Вылъ онъ за Океанъ и у него нашлись друзья, въ числѣ ихъ былъ и упомянутый докторъ. Когда малодушный Меню отказался сопровождать прежняго своего влестелина, тогда докторъ О'Мэга, занимавшій должность хирурга на кораблѣ *Беллерофонъ*, самъ вызвался въ спутники Наполеона. Исторія сохранила подвигъ Инпирата, который отрунулъ все блистательныя дары Царя Персидскаго, приглашавшаго

его къ себѣ въ то время, когда смирнѣе всего морское поветріе и въ Персіи и въ Греціи. «Жизнь моя,» отвѣчалъ Иппократъ, «принимаетъ моему отечеству и согражданамъ жизнь.» Для меня: такое славное подвигъ и новое подвижника Иппократа. Оставляя все въ отечествѣ, онъ жертвовалъ всѣмъ человѣку, всего люшённому и, можно сказать, величайшему: тогдашнему страдальцу. Карно, также на всѣхъ подвигахъ своей жизни, тогда: только пристрастившись къ Наполеону, жотда тускнѣла надъ нимъ счастливая его звезда. Марко говоритъ: «однажды, въ продолженіе ста дней, по двамъ Министрства моего, вошелъ я въ кабинетъ Наполеона. И что же увидѣлъ? Онъ стоялъ предъ портретами супруги и сына своего и — руки слезъ явились подъ глазъ его.»

Не такимъ представлялся Наполеонъ воображенію юной Англичанки. Ей описывали его въ дѣтствѣ ея какимъ-то чудовищемъ — людоедомъ и, она признается: что и все юное поколѣніе ея современниковъ напугано было такими же полыми мечтами. А потому, говоритъ она: «когда докторъ ни вызывалъ кротость и привѣтливость будущаго жельца въ ея семействѣ, она не могла уснокоиться.»

«А между тѣмъ, въ четыре часа по полудни, снова явились всадники, возвращавшіяся изъ Лонгвуда. Доскакавъ до узкаго жерла, вслушавшись въ *Бриаръ* (такъ называлось временное жилище Наполеона); они остановились, потѣхотали между собою нѣсколько минутъ и пустились въ

нашему дѣику. У порога товарищи Наполеона сѣлись; а онъ, стоявъ на дворѣ, началъ все разсматривать.

На уголокъ этой земли занимаетъ того, кто видѣлъ и облетѣлъ пол-всѣленной. Тутъ, при видѣ *Индѣйской хижинки*, въ душѣ Наполеона блеснули воспоминанія дней минувшихъ. Исчезло для него настоящее и ожило то прошедшее, когда послѣ громкихъ подвиговъ на поляхъ Италіи 1797 года, укрывшись отъ всѣхъ и, какъ будто зажавшись отъ славы своей, онъ читалъ и перечитывалъ повѣсть о *Индѣйской хижинкѣ*, не взирая его въ Парижъ первый его вопросъ былъ: «гдѣ живетъ Бернадотъ де Санъ-Пьеръ, сочинитель повѣсти?» и послѣпили къ нему. Сочинитель въ это время заперся ужасно для себя и для себя. Онъ убавлялъ духомъ подъ бременемъ горя и бедности. Но какъ ожилъ онъ, когда юный герой Италіи сказалъ ему: «нижняя душаю въ *Индѣйской хижинкѣ*! а заидуща ея минута!» И съ этими словами, рубкою рускою положилъ на каминъ беднаго чертова съ червотцами. (*) Это былъ день торжества для сочинителя. И какое торжество! Генералъ Бонапартъ, сваживъ лагерь свой, вместе съ нимъ сочинителя *Индѣйской хижинки*. За то, когда егъ не было уже ни свѣта. Наполеонъ могъ припомнить великую побѣду, въспавшую въ *Индѣйской хижинкѣ*. Минъ не бросаетъ матеря въ рину хижинки. Она увлечена и того, кто борется съ ея тою.

(*) Анекдотъ о Генералѣ Бонапартѣ.

жить и того, кто плывет по ней бесцельно. Принимать ли это Наполеонъ или нѣтъ? Но послѣ глубокаго раздумья своего, онъ сказалъ: *я здѣсь остаюсь. А хозяйку подарила привѣтомъ: удачи все преемство!*

И вотъ: онъ въ Бриарской хижинѣ! Но въ эту хижину вошелъ какой-то человекъ, бѣгословный, мнѣстескій. Онъ былъ и Поручикомъ и Генераломъ и Императоромъ и Корсикомъ и праводирителемъ царствъ и народовъ. Но ему теперь же до этого. Известно, что этотъ жетисамый человекъ, который въ одномъ лицѣ соединялъ столько властей, страшился, не чего? Молвы, изустной и печатной. Въ XVII столѣтій Людовикъ XIV вънулъ въ Голландію за казенныя выходки; за тоже самое и Наполеонъ угрожать Англіи. Какъ бы то ни было, но ему представился случай узнать отъ юной Англичанки что внушено ей о Московскихъ декара? Шутя завелъ онъ рѣчь о столицахъ Европейскихъ; и потомъ спросилъ: «а въ Россіи какаа столица?» Англичанка отвѣчала: «сначала была Москва, а теперь Петербургъ». Быстро повернулся Наполеонъ и, оперевъ на сонбесидицу свою проинципальныя оведлаза, сказалъ: «а что скажешь Москву?»

Бѣдная Англичанка содрогнулась, сконфузилась. Какъ было рѣшить ей вопросъ и, дескать, она для многихъ неразгаданный? Но настойчивый Наполеонъ снова спросилъ: «кто скажетъ Москву?» Англичанка отвѣчала, запинаясь: «не знаю сударь!» А онъ, расхохотавшись, возразилъ:

«да! да! вы это очень знаете. Я ее, сиятельство, Веселый смехи Наполеона ободрить Англичанку, и она отвечала: «я думаю, что Русские сожгут Москву, чтобы отделаться от Французов». И Наполеон снова захохотал. Занимала Наполеона Москва на возвышенном Кремле; сильно занимала она его и на скалах Елецкой. Съмыслию о ней переплыть онъ Океанъ и говорить товарищамъ заключенія своего: «мы надлежало победить въ Москвѣ; я это говорилъ и съ вторюю: мы надлежало победить въ Москвѣ. Когда достигъ я владычества, тогда затѣйливые умы хотѣли, чтобы я былъ вторымъ Вашингтономъ. Слова, пустой звукъ. Люди легкомысленные требовали того, что не согласно было ни съ временемъ, ни съ местомъ, ни съ обстоятельствами. Будь я въ Америкѣ, я былъ бы Вашингтономъ; и это было бы бездальницей; тамъ и теперь было бы чѣмъ нибудь инымъ. Но случилось онъ во Франціи, возведенный и внутри и извне, онъ былъ бы глупцомъ, захотѣвъ быть только Вашингтономъ. Свѣдѣніе судьба принудила меня стать на чреду Вашингтона въ чуждомъ. А если я могъ бы дойти до средъ собранія Государей Европейскихъ или побѣжденных или покоренныхъ; и тогда показъ бы я съ пользою и торжественно мою умеренность, мое безкорыстіе, мою прозорливость. Что же было для этого нужно? всемірное диктаторство и я домогался его. Причтутъ ли мы это въ виду? думаютъ ли, будто бы старше было мнѣ думать съ себя державное

владычество? Сила, унизительный злодействамъ, отвѣщаясь, лежитъ съ себя диктаторство. А что бы: могло меня остановить? Силу, проклятую, а меня бы благословляла. Но, я, восторжю, и не престанно буду повторять: «мнѣ надлежало побѣдять въ Москвѣ.» Впрочемъ, всѣ безвременныя требованія были бы, пошлыми дураторствомъ. (*) Если бы я разглаголь о томъ: спрашиваю, то все это назвали бы надмѣнкою и самохвалствомъ, отъ чего, я, всегда, былъ, давленъ. Но, какъ бы то ни было, а мнѣ надлежало побѣдять въ Москвѣ.» (**)

Что же мешало Наполеону побѣдять въ Москвѣ? Число войскъ его превосходило число отступавшихъ нашихъ войскъ. Истинно глупца, что старая его гвардія до Березины не сдѣлала ни одного выстрѣла. Что, еще повторяю: претивствовало Наполеону побѣдять въ Москвѣ? Голодъ! Вотъ главная причина. Хотя онъ и называетъ историка Тацита, сочинителемъ романа, но Тацитъ правду говоритъ, что римляне, въ голодѣ, нѣтъ, тамъ, откуда, выходятъ, живны общественныя. Наполеонъ, достигъ Москву, обширную прудую, безгласныхъ камней. Не полюбъ и въ этой каменистой пустынѣ, нѣтъ, отъ

.....

(*) Mais demander de moi avant le temps, ce qui n'était pas de saison, c'eût été une étiquette vulgaire.

(**) Mais l'annoncer le prononcer, eût été pris pour du persiflage, du charlatanisme, ce n'était point mon caractère. Il me fallait vaincre à Moscou.

продовольствіе, то отъ 2 Сентября до Октября 7-го, то есть, отъ входа до выхода своего изъ пожарной Московской пугалы, онъ не потерялъ бы тридцати тысячъ человекъ, погибшихъ въ набѣгахъ по окрестнымъ селеніямъ за хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ. Введи Наполеонъ и сотни тысячъ войскъ въ Москву, полкамъ его все было бы не легче. А какъ Москва во всемъ оскудѣла? Объ этомъ будетъ далье. Здѣсь замѣчу только, что пожаръ Московскій былъ страшнымъ зрѣлищемъ, которое однако не остановило бы военныхъ дѣйствій Наполеона, еслибъ онъ нашелъ въ Москвѣ то, о чемъ, по влеченію его разглашали въѣзжавшіе *Устій-Эльбскіе*, то есть, *запасную жизнь Россіи*. 1807 года, послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, онъ раскинулъ свои биваки въ Остеродинскихъ болотахъ и войско его уцѣлѣло. Но когда того же 1807 года, въ Май тысящъ начало нечестать въ полкахъ Французскихъ продовольствіе, тогда захватало сильное бѣгство, названное Наполеономъ: *лэзою бліста*. (*) Напрасно также иностранныя исторіи такъ кричать о гибельной жизни Русской. Тогдашнія вѣдомости *Устій-Эльбскихъ*, обстраивая, такъ сказать, нѣкую Европу ложью, напечатали одну только правду; то есть, что при вхождѣ Наполеона въ Москву, сіяла надъ нею роскошный небосклонъ Италіи и это продолжалось почти до 1 го Октября. При томъ же, стыдно и говорить, будто бы, 1812 года никто въ Европѣ не зналъ о временахъ года въ Россіи. Поэтъ Мильтонъ, описывая нашъ древ-

(*) *La peste de la désertion.*

[illegible]

1. 1944

предсказывала великое, неизмеримое бедствие въ Россіи. Наполеонъ не только не сердился, но даже и не прекословилъ; спокойно и кладно-просто отвечалъ: «вы знаете, что Ванденъ Жоржъ сядетъ меня съ заряженными пистолетами. Ну, чтожь? онъ бы могъ только убить моего адъютанта; но убить меня—это было невозможное.»

Такъ думалъ Наполеонъ объ одномъ себѣ. Впрочемъ, слова: невозможно и невозможности показались ему пустыми звуками. Вскоре по приглашенію его на престолъ, въ советъ его разсуждали: канія предпринять мѣры къ сближенію Россіи съ Франціей. Фуще, тогдашній Министръ Позиціи, возражалъ, что все то, что предлагаютъ Члены Совета и несбыточно и невозможно. «Невозможно!» вскричалъ Наполеонъ. И это говорить ветеранъ и свидѣтель чудесившихъ происшествій! Да развѣ и это не чудо, что я бывший Поручикъ, теперь Императоръ; а ты, готовясь въ причетъ церковный, сталъ министромъ? Стыдись, малодушный! Изъ словаря Французскаго должно исключить невозможно и невозможность.»

И невозможное для другихъ, не рѣдко было для него одною шуткою. Крайне было досадно Наполеону, когда на островъ Св. Елены отдала его въ пресудкахъ подъ надзоръ Англичанъ 10 фенцера. Однажды, когда этотъ докучливый приставъ подлазжалъ съ нимъ къ горѣ, онъ вдругъ во весь озоръ съ быстротою молніи влетѣлъ на гору. Подъ концами рывало

это море, земля обманывалась глазомъ; морские
облака казались и падали съ грохотомъ. А онъ
какъ будто впадалъ въ дотерей, но слышалъ
востокъ: это шло въ широкую по степямъ Аравій-
скимъ, то бурю востая на вершины горы, то
орлоу взмываломъ надъ облаками; онъ же отдалъ
команду: всталъ на море своемъ. Испуганный де-
моръ насвистывалъ въ Брѣри, слыша уже Наводе-
ны въ вѣхъ и гдѣ наладился Адмиралъ. Онъ
трепетомъ извѣстилъ: онъ и ведетъ Наполеона,
Адмиралъ, слыша на облакахъ, слыша и еще въ
войнахъ. Онъ дворянъ въ Донгузъ. а
отъ Така и было.

«Нудный бала!», посылить Наполеона! Кто изъ современника былъ и бѣстрее и медлительнѣе его? Со славой Багратионъ перенесомся въ Россію. Въ Ноябрь 1812 года, послѣ сраженія при Красномъ, въ походѣ въ Двину, въ тѣ, которые шло съ заботою на мѣху и шибко, бѣжали по сторонамъ, бросились впередъ и дѣла обходили Наполеона. (*)—А онъ, сѣверасъ и въ сукъ древесный, какъ будто странникъ утомлен- ный, не шло, а передвигать ногу за ногу! и сидѣлъ отдыхать каждую четверть часа. По этому случаю отдалъ былъ приказъ, чтобы на- дѣлъ шло въ радъ свои, а за ослушаніе на- чинали. ливился чина. Это не подѣйствовало. Сынъ Мартинъ Деву говорилъ: «мѣдленные хры- ко люди могутъ это переносить.» Но чѣмъ уси-

(*) «Том-брасьерент Дарлеон» История большой армии
Наполеона 1812 года. Ч. 2, гл. X.

[illegible]

(*) Cet autre Césaire voulait dicter ses commandements.
Секторъ. Ч. 2, кн. X, гл. VI.

[illegible]

«Человѣкъ, который утомясь бременемъ временныхъ страданій, убиваетъ себя, поступаетъ

несправедливо противъ самого себя: увѣщается отчаяніемъ и прихотью мгновенною, которой принесить въ дань всю свою будущность.»

Наполеона не редко сравнивали съ Александромъ Македонскимъ. Александръ умеръ не предъ очами Греціи; онъ сошелъ въ могилу въ нынешнѣмъ Вавлонѣ. Наполеонъ умеръ не въ глазахъ Франціи; онъ сошелъ въ могилу за дальнимъ Океаномъ. Но гробницу Александра Македонскаго вмѣстѣ съ великолѣпнымъ Вавлономъ поглотила разливъ водъ Ефрата; а гробница Наполеона, перешла въ Океанъ, по завѣщанію его, стоитъ подъ небосклономъ Франціи.

Но цѣль въ чемъ равенъ жребій ихъ. Для кого гремѣлъ завоеватель Персіи оружіемъ и кому достался престолъ его? Все съ нимъ мало. Для кого ходилъ Наполеонъ отъ береговъ Океана Атлантическаго, до береговъ Москвы-рѣки: и гдѣ престолъ его?

Громко смятательствуетъ истина заветная, что на этой землѣ ничто не наполняетъ пустоты сердца человѣческаго. То же говорятъ и философія: «Дай человѣку все, чего онъ жаждетъ; но онъ въ то же мгновеніе почувствуетъ, что рѣзъ его, не есть онъ. (*)»

(*) Кантъ.

IX.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВЫТІЯ

**до 1812 года и о второмъ Сентябрѣ
1812 года.**

П П С Ъ М О П.

Въ селеніяхъ вѣчности, на часахъ, заводимыхъ перстомъ Вышняго Промысла, пробилъ для нашего Отечества срокъ двухъ — вѣковой. Всплѣлъ за тѣмъ изъ хранины суда Божія вышелъ второй двѣнадцатый годъ. — И онъ! исполнитель сего суда, двинулся въ Россію. «Скоро шелъ и не умедлилъ.» (*)

(Изъ историческихъ и частныхъ моихъ записокъ).

При одномъ изрѣченіи: мы видѣли второй двѣнадцатый годъ, мысль Русская и мысль Европейская, устремляясь въ даль двухъ столѣтій съ изумленіемъ вопрошаютъ другъ друга: «уже ли въ перелетъ двухъ вѣковъ, ни Европа, ни Россія ни на шагъ не подвинулись къ твердому самобытному существованію своему?» Увидимъ и услышимъ, что выскажетъ намъ заветный глаголъ: *Исторія.*

(*) Исаи, гл. 14.

Слышу укоризны: опять издатель Русскаго Вѣстника домогается увлечь насъ въ туманную область покойной Руси; опять станетъ нагонять облака ученической пыли, указками на лѣтописи, давно отжившія и Богъ знаетъ, какими ссылками и на какихъ писателей? Ужели онъ думаетъ, что ни мы Русскіе XIX столѣтія, ни Европа, не вышли изъ колыбели прошедшихъ вѣковъ. Ужели онъ хочетъ, чтобы при каждомъ шагѣ на поприщѣ нашего вѣка, оглядывались назадъ и жили по однимъ отголоскамъ старины, промелькнувшей въ потемкахъ необразованности и невѣжества? »

Отвѣчаю: «развѣ столѣтія смѣняются на лицѣ земли сами собою, вдутъ безъ цѣли и безъ связи; вдутъ въ туманъ недоумѣнія, заторопятся однимъ настоящимъ мгновеніемъ, ловя и спѣша ловить только то, что льститъ страстямъ, или чѣмъ можно блеснуть предъ легкомысленнымъ свѣтомъ, засученнымъ круженіемъ личныхъ выгодъ и мимолетныхъ наслажденій?»

Взглянемъ, любезный другъ, на событія въ нашемъ Отечествѣ отъ 1805 до 1812 года.

Сочинитель Описанія войны 1812 года, подробно высказалъ намъ о заслугахъ Полковника Чернышева, оказанныхъ Отечеству при скопавшейся бурѣ нашествія. Отдаемъ полную справедливость нашему соотечественнику, который прозорливою мыслію наблюдалъ въ предѣлахъ Франціи то, чѣмъ Императоръ Французовъ готовился огро-
мать Россію. Скажемъ болѣе: и Французскіе писатели свидѣтельствуютъ о томъ, что бывшій

Цолковникъ Чернышевъ, для пользы Отечества, неоднократно подвергалъ опасности жизнь свою, пославъ въ Россію съ вѣстію о бурѣ, которая почти вслѣдъ за нимъ разразилась отъ *Нѣмана* до *Нары*. Имя Александра Ивановича Чернышева, никогда не угаснетъ на скрижаляхъ лѣтописей Русскихъ, оно перейдетъ и достойно перейтъ въ заветную книгу потомства. Но и этотъ подвигъ нашего соотечественника, нераздѣленъ съ другими обстоятельствами вышеприведенныхъ годовъ.

Походъ Русскихъ въ Австрію 1805 года, былъ военною попыткою мимолетною. Но Европа увидѣла и убѣдилась, что Россія готова отстаивать ея битіе и не отдѣляетъ жребія своего отъ ея судьбы. Мгновенная неудача подъ Аустерлицемъ не повергла въ уныніе духа народнаго. Въ это время все припомнили слова Фридриха II: «Русскихъ можно разсѣять, но не побѣдить.»

Въ продолженіе 1806 года, возрастающее владычество Императора Французовъ и Короля Ломбардіи, усилилось еще составленіемъ Рейнскаго союза. Императоръ Александръ, истощивъ все средства и убѣжденія къ остановленію владычества бывшаго замысловъ Наполеона, повѣстивъ, наконецъ, 30 Августа 1806 года, что «если Франція «дальше упорствовать будетъ въ завоеваніяхъ, тогда уже, прейдя всѣ степени мирныхъ соглашеній, Мы обязаны будемъ честію Россійскаго имени, безопасностію Нашего Отечества, святою честію Нашихъ союзовъ, общимъ спасеніемъ Европы, приступить къ усиленіямъ, какія по

«всѣмъ симъ уваженіямъ представятся Намъ не-
«обходимы.»

Правительствующій Сенатъ принялъ съ благо-
говѣніемъ извѣщеніе Монарха о мѣрахъ, прини-
маемыхъ къ оборонѣ Отечества и отъ лица Рос-
сійскаго народа, между прочимъ вѣщалъ: «Бы-
«стописанія Имперіи Твоей, Всемилостивѣйшій
«Государь! свидѣлствуютъ, что Россійскій на-
«родъ, знаменитый своею вѣрностію и муже-
«ствомъ, всегда и всѣмъ жертвовалъ великодуш-
«нымъ намѣреніямъ предшественниковъ Твоихъ,
«для распространенія ли предѣловъ Державы,
«или же для прославленія Россіи, и что встре-
«тившіяся неудачи на попріи славъ, не только
«не охлаждали ихъ усердія; но усугубляли ихъ
«мужество и ревность. Чего же не можно ожи-
«дать отъ сего народа теперь, когда Ты, Все-
«августѣйшій Монархъ! объявляешь ему, что
«единая безопасность Отечества, святость Твоихъ
«союзовъ и спасеніе Европы, призываютъ Тебя
«къ ополченію.»

Выслушавъ рѣчь, произнесенную Графомъ Але-
ксандромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, Госу-
дарь отвѣчалъ: «Не сомнѣвался никогда въ чув-
«ствованіяхъ Правительствующаго Сената, Я и
«въ семъ случаѣ узнаю духъ того сословія, ко-
«торое во всякое время было привержено къ
«Престолу и Государю. Прегніе примѣры удо-
«стоверяють Меня также въ ревностнѣйшемъ
«содѣйствіи всего народа.»

Между тѣмъ Пруссіи угрожало бѣдственное
разрушеніе. Напавъ внезапно на разсыянное вой-

ско. Наполеонъ огромилъ ее подъ Іеною. Въ сихъ обстоятельствахъ Императоръ Александръ рѣшился въ оплотъ властолюбія завоевателя, поставить оружіе Русскихъ.

И раздалось по предѣламъ Россіи воззваніе : «да ополчатся Россіяне за жизнь Отечества; да охраняютъ безмятежіе гробовъ отцевъ своихъ; да вступятся за женъ и дѣтей своихъ и да возстанутъ за честь и славу Россіи!» И, какъ будто въ одно мгновеніе возстали шесть сотъ тысячъ земскихъ войскъ, подъ предводительствомъ маститыхъ военачальниковъ временъ Елисаветы и Екатерины II. На эту новую службу, съ жаромъ новаго рвенія устремились, Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, Графъ Орловъ-Чесменскій, Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, Николай Семеновичъ Мордвиновъ; словомъ : всѣ, въ комъ только билось сердце, для славы и жизни Отечества. Изумился Императоръ Наполеонъ, услышавъ о дивномъ порывѣ Русскихъ къ спасенію Россіи. Душа его вполне оцѣнила тогда величіе этого подвига; но онъ не послужилъ ему урокомъ. 1807 года, до заключенія Тильзитскаго мира, Императоръ Александръ I, пригласилъ на совѣщаніе Александра Андреевича Беклешова и Василя Степановича Попова, бывшаго письмоводителемъ Князя Таврическаго. Не знаю, какой годось подалъ Поповъ; но была молва, что Беклешовъ совѣтовалъ устроить подъ рукою и съ величайшею осторожностію, по селамъ и деревнямъ новыя военныя силы, которыя бы, подъ завѣсою тайны, приготавлились къ за-

шить роины и явился бы въ надлежащее время. Учрежденіе рекрутскихъ депо, также было мѣрою осторожности. Наконецъ, мы все современники 1807 года, мы все почитали Тильзитскій миръ мгновеннымъ перемиріемъ. У времени есть свой голосъ и своя вѣсть; прислушиваясь къ этой вѣсти, иные принимали мѣры, какъ бы обезопасить себя отъ разоренія въ случаѣ внутренней войны; другіе уѣзжали на чужбину. Юный и незабвенный Графъ Кутайсовъ, проживавшій уже блестящіе лавры на поприщѣ военномъ, отправился въ столицу Франціи, чтобы въ искусствѣ своемъ обогатиться новыми опытами.

А вотъ и другое обстоятельство: некоторые изъ юношей княжескихъ домовъ, воспитывавшіеся въ царствованіе Екатерины въ роскошномъ Парижѣ, рѣшились, говоря просто, перевоспитать себя на Русскую статью и короче ознакомиться съ духомъ народа.

Между тѣмъ и Правительство, предчувствуя близость новой бури, къ усиленію нашего XIX столѣтія завѣтною жизнію предковъ нашихъ XVII вѣка, повѣстило общую подписку для сооруженія памятника Гражданину Минину и Князю Пожарскому.

Здѣсь упомяну о себѣ, или буду просто говорить объ издателѣ Русскаго Вѣстника.

Хотя 1806 года, служба была своеюштная и я уже не былъ помѣщикомъ, но съ помощію трудовъ моихъ и я поступилъ подъ хоругви земскихъ войскъ, по Сычевскому уѣзду, въ званіи Бригадъ-Маіора. Въ Мартѣ 1807 года, воспольз-

должал вырвать всѣмъ отставнымъ солдатамъ. Не взирая ни на отдаленность мѣстъ, ни на распутицу, въ Сычевскѣ явилось сто пятьдесятъ престарѣлыхъ богатырей, времени Румянцева и Суворова. Тутъ были и безмогіе и безрукіе и слѣпые. Ихъ служба написана была на ихъ почетныхъ знакахъ. Выхваляя ихъ усердіе, я сказалъ, что они могутъ съ Богомъ и молитвою возвратиться въ пріюты свои. «Не пойдемъ!» раздался общій кликъ, «не пойдемъ! не отстанемъ отъ молодыхъ». О душевномъ этомъ порывѣ, я тогда же препроводилъ статью въ Вѣстникъ Европы, гдѣ она и была помѣщена. А тутъ прибавлю только, что гомось святой, заветной нашей родины, излетѣвшій изъ сердца Русскихъ витязей, былъ для меня первымъ урокомъ въ познаніи духа сыновъ земли Русской. И я приступилъ 1808 года къ изданію Русскаго Вѣстника. Этотъ подвигъ обратилъ на меня вниманіе многихъ современниковъ Екатерины и Павла.

Но обошлось однако и безъ предположеній. Нашлись люди, мечтавшіе, будто бы я какой-то подставной, отгромождъ какаго-то общества. А я былъ одинъ: и писалъ не по заказу, но по вѣщенію той новой жизни, которая слилась съ каждымъ біеніемъ моего сердца; и съ каждою моею мыслію. Преднія занятія мои и пренесшіе снѣтъ, удалились отъ меня со всѣми своими изобретеніями. Я не жаловался на большой Московскій кругъ; юность моя текла въ немъ радужной струею. Но мысля объ окрестностяхъ, вдалека отъ всѣхъ моихъ думъ, влечла меня къ уединенію.

Часть I.

чтобы безъ всякаго разсвѣнія, отыскивать пишу въ заветныхъ воспоминаніяхъ объ отечествѣ: словомъ, я одинъ издавалъ Русскій Вѣстникъ; и въ Апрѣль 1808 года напечаталъ статью, которая передвинула мой Вѣстникъ и на колею политическую. Въ ней, между прочимъ, сказано было, что «если бы великодушнѣе Императора Александра I, изъ любви къ человечеству, не установило потоковъ крови послѣ Фридрихсбургскаго сраженія: то Богъ знаетъ, гдѣ былъ бы Наполеонъ и великій его народъ!» Словомъ, въ ней все то было показано, что оказалось на дѣлѣ 1812 года; въ чемъ могутъ удостовѣриться тѣ изъ читателей моихъ, у которыхъ есть Русскій Вѣстникъ 1808 года. Въ слѣдствіе этой статьи, Коллежскій, посолъ Наполеона, принесъ Императору Александру жалобу на Русскій Вѣстникъ. Государь отвѣчалъ, что «онъ не вмѣшивается въ дѣла своихъ подданныхъ и что это дѣло цензуры.» Объ этомъ напечатано съ сочиненіемъ моимъ, подъ заглавіемъ: «Исторія Жизни Александра I.» Цензору моему Алексѣю Ѳедоровичу Мерзлякову, сдѣланъ былъ выговоръ, а я во политическимъ обстоятельствамъ отставленъ былъ отъ Московскаго театра, при которомъ служилъ въ званіи сочинителя и переводчика, но Русскій Вѣстникъ не былъ запрещенъ.

Это обстоятельство воспламенило меня новымъ рвеніемъ, новымъ жаромъ къ наблюденію всего того, что нужно будетъ въ грозную родину, часъ отъ часу болѣе приближавшуюся къ рубежамъ Россіи. И такъ, не уступая никому своего, объяв-

даю, что все то, что до 1812 года предполагемо было въ Русскомъ Вѣстникѣ, о необходимости предуготовительныхъ войскъ, о личномъ вооруженіи, о дѣйствіи отрядовъ или войнъ партизанской: все это мнѣ принадлежитъ. Были на Русскій Вѣстникъ нападки и отъ соотечественниковъ, но это меня не тревожило.

1809 года заключенъ былъ миръ съ Швеціей. Финляндія присоединена была къ Россіи. О войнѣ Русскихъ съ Шведами въ современныхъ извѣстіяхъ сказано было: «Въ началѣ войны мы преслѣдовали непріятеля, потомъ сражались; наконецъ пришли и вожали пальмы мира. Но за этимъ миромъ, прибавлено было въ тѣхъ же извѣстіяхъ: и орлы Русскіе пролетѣли по ледянымъ вершинамъ залива Ботническаго. Столица Швеціи смутилась; ужасъ простерся до полюсовъ.»

Финляндія породнилась съ Россіей, ровно по прошествіи цѣлаго столѣтія послѣ Полтавской побѣды. Празднуя миръ съ Швеціей Императоръ Александръ, побѣдоносные лавры свои повергъ къ стопамъ изображенія Героя Полтавскаго.

Исходъ того же года увѣнчался прибытіемъ Императора Александра въ Москву. Едва разлетѣлась вѣсть Декабря нятаго, что Государь остави́лся въ Петровскомъ дворцѣ, крестьяне многочисленными сонмами спѣшили къ Москвѣ и въ Москву. Декабря шестаго Императоръ въѣхалъ въ древнюю столицу верхомъ. Морозъ былъ трескучій, но, тутъ въ полномъ смыслѣ можно сказать, что всѣ сердца согрѣвались восторгомъ

любви народной! Народъ, со всехъ сторонъ тѣснѣе ломая Гесуларя. Когда же Гесуларь у часовни Иверской Божіей Матери, сошелъ съ лошади и преклонилъ колѣно предъ образомъ съ молитвою, народъ повергся на колѣни и воскликнулъ: Ангелъ нашъ! да храни тебѣ Богъ и Божія Матерь, Повторю и здѣсь: у сердца своя отлики; а у времени свой голосъ. День шестатого Декабря 1809 года какъ будто былъ вѣстникомъ великихъ дней нашего двѣнадцатаго года.

Между тѣмъ, съ предчувствіями сыновъ Россіи о необычайномъ жребіи, предстоящемъ отечеству нашему: соединилась 1811 года и вѣсть міра небеснаго. Долго на небосклонѣ Месивы разстилался и раскидывался длинный хвостъ *Кометы*. Знаменіе небесное смилось съ тѣмъ вѣщимъ голосомъ, о которомъ сказано: *Гласъ Божій, гласъ народа*. Народъ Русскій, присматриваясь къ грозной звѣздѣ, обнявшись крестомъ, говорилъ: «помытеть бѣда землю Русскую! быть бѣдѣ! Помытеть бѣда землю Московскую!»

Въ продолженіе достопамятнаго 1811 года, когда и земля и небо вызывали мысли къ новой деятельности: правительство принимало свои мѣры для встрѣчи событій необычайныхъ. *Во-первыхъ*: чтобы не обременить народа налогомъ безвременнымъ, повилецомъ была продажа поземельныхъ Гесударственныхъ имуществъ (*). *Во-вторыхъ*: изданъ былъ уставъ для дѣйствующей большой арміи, на основаніи котораго для избѣжанія всѣхъ проволоч

(*) Манифестъ 25 Января 1811 года.

чекъ, въ лицѣ Главнокомандующаго арміи сосредоточивалось полномочіе, и при вступленіи его въ какую либо изъ губерній, всѣ мѣстные начальства непосредственно подчинялись его распорядженіямъ. Въ третейшій въ заграничныхъ извѣстіяхъ разглашали, будто бы край Донской опустѣлъ и воины его разошлись въ различныхъ войнахъ отъ 1805 года до 1811 года. А въ это самое время дана была Высочайшая грамота Донскому Войску въ Августъ 1811 года; и благодарный Донъ заложилъ соборъ въ Новочеркаскѣ во имя Александра Невскаго. Къ уничтоженію вѣстей заграничныхъ, будто бы Россія истощилась отъ непрерывной войны, отъ пожаровъ, постигшихъ сѣверъ Одессу, а потомъ Кіевъ и другія мѣста, и будто бы Москва обдѣвляла, Москва, дала нѣмцамъ блистательную карусель, по духу и образцу временъ рыцарскихъ. Главными предсидателями при ней были: Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, и Федоръ Петровичъ Уваровъ. Скажу мимоходомъ что лавры карусельныя перешли коному, неизвѣстному рыцарю. Когда для получения награды рыцарь преклонилъ колено, всталище отгласилось звуками трубъ, ногами победителя осталось подъ завѣсою тайны. Денежный сборъ этого для употребленъ былъ на убоженіе дружинъ отставныхъ солдатъ.

Чтобы убѣдить Европу, что Россія принимая мѣры осторожности, не помышляетъ о войнѣ, рекрутѣмъ 1811 года дозволено было за себя внести деньги. Ръшительный же наборъ восновсѣдовалъ въ Мартъ мѣсяцъ 1812 года вмѣстѣ съ по-

внѣніемъ о явной опасности, предстоящей нашему Отечеству.

Наконецъ, въ Іюнь 1812 года, Наполеонъ, соединя на берегахъ Немана полки свои, въ воззваніи своемъ, между прочимъ, сказалъ: «Франція увлекается роковою судьбою. Жребій ея долженъ рѣшиться.» Императоръ Александръ отвѣчалъ: «Я не полошу оружія, доколѣ не останется ни одного непріятельскаго воина въ Царствѣ Моёмъ! На зачинающаго Бога!»

Взглянувъ на событія до 1812 года, взглянемъ и на нѣкоторые подробности о челоѣкѣ, который подъ знаменами своими, ввелъ въ Отечество наше двадцать народовъ.

Историкъ Доранъ говоритъ: «Когда Философъ Фернейскій и Женевскій уроженецъ Жанъ-Жакъ-Руссо, приближались къ исходу жизни своей, тогда на ничтожномъ уголкѣ земли, Провидѣніе предназначало судьбу Бонапарта.» Тутъ не совсѣмъ правильно означено время. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти двухъ поименованныхъ главныхъ Французскихъ писателей, то есть 1777 года, Наполеонъ поступилъ въ военное Бриеннское училище; а годъ его рожденія 1769 (*), тотъ самый достопамятный годъ, когда Вольтеръ говорилъ, что «Европа увидитъ новое небо и новую землю;» (**) и когда Жанъ-Жакъ Руссо писалъ, что и Франція и Европа испытають въ развратъ. (***)

(*) Въ этотъ же годъ родился и Герцогъ Веллингтонъ.

(**) См. переписку Вольтера.

(***) См. исповѣдь Жанъ-Жака-Руссо.

И такъ, съ появленіемъ Наполеоновои колыбели, въ старинной Европѣ отжидали два міра: *міръ нравственный и міръ политическій.*

Міръ нравственный исчезалъ въ разлетъ легкомысленной разсвѣнности, а въ міръ политическій было какое-то смутное, туманное недоуміе; особенно во Франціи. Людовикъ XV говорилъ: «Франція устарѣла въ продолженіе четырнадцати вѣковъ; она не долго проживетъ.» Въ Италіи кипѣли мелкія распри, и Папа Климентъ XIII писалъ къ Маріи-Терезіи: «Я проливаю слезы и смиряюсь передъ судьбами Воевышняго.» Но вотъ важнѣйшее обстоятельство по отношенію къ Россіи.

Того же 1769 года, въ Москвѣ закрылось Депутатское Собраніе, названное Карамзинымъ: «всемірнымъ сеймомъ;» и запылала съ Оттоманскою Портою первая война въ царствованіе Екатерины II и пушки этой первой войны, встрѣтили колыбель Наполеона.

Вотъ и еще сближеніе *цифръ*: 1777 года, Наполеонъ поступилъ въ Бріеннское училище; и этотъ годъ ознаменованъ былъ рожденіемъ Александра I.

Казалось, что обстоятельства и событія того времени торопились въ слѣдъ за полетомъ мысли Наполеона. 1785 года, переведенъ онъ былъ въ Парижское военное училище. Удивлялъ онъ всѣхъ необычайными успѣхами въ наукахъ, и въ чинѣ артиллерійскаго Поручика, отправился въ Гренобль, гдѣ находился полкъ его. Но для Наполеона, какъ будто и не было, выпуска изъ

училища. Вездѣ, куда ни переходилъ съ полкомъ, вездѣ удавался онъ въ свой миръ умственной и жилъ въ кругу мертвыхъ наставниковъ. Изъ этой умственной области зоркимъ окомъ смотрѣлъ на бурю, скоплавшуюся на небо-склонѣ Франціи и разразившуюся 1789 года. Онъ встрѣтилъ ее съ своимъ войскомъ вспомо-гательнымъ—съ опытами воѣхъ вѣковъ и съ под-могою душевною, но истощенною на сѣтскимъ разстояніемъ, ни исцеленіемъ ничтожныхъ, ничтожныхъ выгодъ.

Быстро разрушилось злѣніе обѣтшалою Франціи. Въ Іюль 1792 года, Людовикъ XVI, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ арестованъ былъ въ темницу. А въ это время, въ Корсику, тотъ самый Паули, который при Людовикѣ XV ревностно отстаивалъ независимость отечины своей, передавалъ ее въ руки Англичанъ. Наполеонъ, пометавъ на свою родину и ставъ въ ряды земскаго войска. Но тщетно. Не тамъ ожидали его и вѣнцы, побѣдныя и дивныя, ходъ судьбы его. Въ онакъ Наполеона пала его отчизна. Дочь матери его погубъ въ пепелъ помянутомъ. А что, еще ужаснѣе, въ лѣтахъ кивящей юности, въ новый миръ жизни, онъ вступалъ разочарованнымъ... въ порывахъ леблестей, человечеческихъ Паули былъ его героемъ и Паули слава наизвѣстна. Кому и чему вѣрить? И куда мати, матери безпріютной; куда мати ея секретомъ своимъ? Она, дасть къ тому самому. Трѣмъ и даъ; Наноту, меткіе батареинные выспрады Англоискыхъ кораблей, откроютъ паприца въ всѣмъ, вѣнчѣмъ.

нашего міра. И какое стеченіе обстоятельствъ ! Колыбель его возникла среди волнъ морскихъ ; первый шагъ къ возвышенію предсталъ ему на берегу морскомъ , и жизнь его угасла за Океаномъ.

Между тѣмъ онъ уже Генералъ и начальникъ артиллеріи въ Италіи. Но тутъ постигла его и превратность счастья; по крайней мѣрѣ, такъ казалось; 1794 года, послѣ паденія Робеспьера, Наполеонъ, подозрѣваемый новымъ правительствомъ за связь и дружбу съ младшимъ Робеспьеромъ , лишенъ былъ начальства надъ артиллеріей и отозванъ въ Ниццу, какъ преступникъ. Рано узналъ онъ шаткость духа человѣческаго , но за то, въ то же время самъ ощутилъ въ душѣ и непобѣдимую отважность и какое-то отверженіе отъ жизни. «За что,» писалъ онъ къ гонителямъ своимъ, «за что причисленъ я къ людямъ подозрительнымъ ? Выслушайте меня ; примите меня съ уваженіемъ Патріотовъ ; а потомъ, если хотите , черезъ часъ возьмите жизнь мою. Я не дорожу ею , я такъ часто презиралъ ее. Да ! одна только мысль , что могу быть полезнымъ отечеству, заставляетъ меня влечь скучное и тяжелое бремя моего существованія.» Гонителями его были тѣ самые люди, которые, въ послѣдствіе пресмыкались предъ его престоломъ для корысти и почестей. Необходимость снова вызвала Наполеона въ Италію. Вмѣстѣ съ нимъ возвратилась туда и побѣда. И начальникъ тамошнихъ войскъ, Генералъ Демербіонъ, писалъ къ повзраннымъ Конвента : «Превосходнымъ

собраниемъ Генерала Бонапарта, «обязанъ я новыми лаврами.» Опять запылала зависть гонимой Наполеона, и онъ отозванъ былъ въ Парижъ. Но вскорѣ, грозная буря, зашумѣвшая противъ Конвента, открыла ему новое поприще. Онъ отстоялъ Конвентъ и съ именемъ главнаго вождя, отправился въ Италію. Являсь предъ полками, Наполеонъ обошелъ заоблачныя вершины горъ Альпійскихъ и достигнулъ возвышенія горъ Аппенинскихъ. Прогрѣмъ голосъ его. Войско двинулось, сразилось и победило. А въ то самое время, то есть, въ первой половинѣ 1796 года, когда такъ ярко блеснула слава Наполеона въ странѣ древнихъ Римлянъ, послѣдніе военные громы царствованія Екатерины II и торжествовали и умолкли за вершинами Кавказа. Такимъ образомъ, первая война при Екатеринѣ, встрѣтила колыбель Наполеона; а послѣдняя, присоединилась къ новымъ его побѣдамъ и къ верховному начальству надъ войскомъ въ Италіи. Судьба его, какъ будто шла рука объ руку, съ дѣйствиємъ Русскаго оружія отъ 1769 до 1796 года. Но тогда въ вихрь блестящаго нашего свѣта, имя его ни гдѣ еще не откликалось. Въ нашихъ столицахъ кипѣла роскошь въ полномъ разгулѣ своемъ. Одинъ только Суворовъ, орлинымъ взоромъ всматривался въ полетъ юната Наполеона, говорилъ: «о! какъ онъ шагаетъ!» Одинъ только онъ писалъ въ Екатеринѣ: «Матушка, вели идти противъ Французовъ.» Но это тогда не сбылось.

1799 года, Суворовъ загремѣлъ въ предѣлахъ

Италию, и въ пятьдесятъ шесть дней уничтожили дружъ-дѣля победы юнаго Генерала Бонапарта. Франція страшилась, оживала Австрія, Россія терпѣливодала. Не думали тогда ни Директорія, ни Европа, ни Россія, что быстрый походъ Суворова снова вызоветъ Наполеона въ Италию и продолжитъ ему путь въ Россію. Зарялась удалила Суворова изъ Италию. Онъ проби-вался сквозь грозныя вершины горъ Альпійскихъ; а Наполеонъ, не спросясь Директорію, дѣтѣлъ изъ Египта по волнамъ моря къ берегамъ Франціи. Кажется, что смерть гналась за нимъ по цѣпамъ. Съ корабля Англійскаго готовы были разразитъ ся пушки на его судно: внезапно густой туманъ окинулъ море, и онъ на земляхъ Франціи. Его по-жидаютъ убійцы на берегахъ Франціи, а онъ въ Парижъ. Въ советъ пятисотномъ, князь Арсенъ устремленъ на грудь его; а онъ пераый Консулъ. Адская машина разразилась у кареты его, и онъ остался живъ.

Сбылось и тутъ сближеніе съ Россіей.

Разставаясь съ поприщемъ побѣдъ своихъ въ Италию, Суворовъ передалъ записку Графу Ра-зумевскому, въ которой означалъ, гдѣ юный Бонапартъ снова разобьетъ Австрійцевъ. Такъ и было. Побѣда Консула Бонапарта поля Марен-го, рѣшила судьбу Италию, Франціи, Австріи и Европы. И это въ одинъ годъ. И онъ Консулъ пожизненный, и онъ Императоръ, и онъ Король Ломбардіи. У кого изъ сыновъ земныхъ былъ когда либо такой *послужной* списокъ? 1801 года было первое сближеніе Россіи съ Консуломъ.

Бонапартонъ; а 1805 года было первое столкновение оружія Русскихъ съ оружіемъ Императора Наполеона, не у рубежей Россіи, а въ Австріи, на одинъ, такъ сказать, мигъ перелетный, о чемъ уже выше было сказано.

Между тѣмъ, за рубежами Россіи, 1809 года, было временное союзное сближеніе Русскихъ войскъ съ войсками Наполеона. Казалось, что въ этотъ годъ, счастливая звезда Наполеона, занятого и войною въ Испаніи, битвами въ Австріи, должна была померкнуть. Бельгіи угрожало нападеніе Англичанъ. Въ Эслингенскомъ сраженіи сильно пострадала его конница. На Дунаѣ, буря разорвала его мосты, раздѣлила войско на берегахъ противоположныхъ. И вдругъ, въ ночь грозную, при раскатѣ громовъ и при блескѣ молній, онъ устремляется за Дунай; гремитъ на поляхъ Ваграмскихъ, въ виду столицы Австріи и подъ новымъ блескомъ звезды своей, вступаетъ на чреду зятя Императора Австрійскаго.

Онъ достигъ верховнаго своего желанія; онъ отецъ младенца Короля Римскаго. Онъ страстно любитъ супругу; онъ съ восторгомъ смотритъ на колыбель своего наследника. Онъ достигъ всего, и онъ съуетъ, и онъ все еще къ чему-то стремится. И этотъ смутный порывъ привелъ его въ предѣлы нашего Отечества.

ВТОРОЕ СЕНТЯБРЯ

1812 года.

Событія пролетаютъ: глаза, видѣвши ихъ,
смыкаются; преданія гаснутъ съ переходомъ
лѣтъ, какъ несбереженный огонь: кто же про-
никнетъ тайну вѣковъ?

Викторъ Гюго.

Предъ походомъ въ Персію, въ Императоръ Іуліанъ, какъ будто затмился превосходный военный его геній. Что-то необычайное тревожило мысли и душу его. Въ стѣнахъ Антиохіи свирѣпствовалъ голодъ, и онъ ввелъ туда полки свои на явную гибель.

(Historia).

Возвратясь изъ дальняго обозрѣнія внутренняго тебѣ края и прочитавъ Очеркъ (*) о пятидесятилѣтнихъ печатныхъ моихъ трудахъ: ты писалъ ко мнѣ, что тебѣ особенно понравилось то, что въ немъ сказано о дѣйствіяхъ моихъ 1812 года. Благодарю, тебя, любезный другъ! Двѣнадцатый годъ далъ некоторую значительность моей жизни и, признаюсь, что усердіе мое къ Отечеству считаю лучшимъ воспоминаніемъ. Мы идемъ да-дѣе, проходимъ и отходимъ въ могилу; а Отечество остается.

«Сентября 2-го, ты шелъ съ своею ротою въ Рязань и Орелъ, но душа твоя витала на югъ

(*) Этотъ Очеркъ сочиненъ Б. М. Федоровымъ. Извлеченіе изъ него помѣщено было въ Полудѣйскія вѣдомости, Сѣверной Дчелѣ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приношу душевную благодарность. Вниманію соотечественниковъ, дасть новую жизнь нашимъ трудамъ.

битвѣ и ты могъ бы участвовать въ сраженіи Бородинскомъ, если бы рѣшился разстаться съ своею ротою. Но, по словамъ Фридриха II:

«Ты другомъ и отцемъ былъ рядовыхъ своихъ!»

Вы герои; люди чудные; для васъ огненные схватки—пиръ веселый. Суворовъ былъ уже на смертномъ одрѣ и при последнемъ дыханіи, но услыша, что есть какое-то дѣло, онъ вскричалъ: «Готовъ!» И ты, мой другъ, прочитаешь воззваніе на Три горы, полетишь къ Московскому Начальству съ предложеніемъ себя на дѣло. Но жребій Москвы уже былъ рѣшенъ. Ей предоставлено было, по сильному выраженію одного изъ нашихъ писателей: «облечься въ порфиру пожаровъ,» приподнять чело къ небу и безропотно жертвовать собою за край родной.

Кажется, будто у неутомимаго времени подросли крылья. Сбрасывая съ нихъ на *настоящее* какой-то неразгаданный сумракъ недоумѣнія, оно съ вѣковыми событіями летитъ и свѣситъ въ даль потомства, въ даль будущихъ столѣтій. Быстрое проявленіе *Всемірной Исторіи* въ очахъ нашихъ, называютъ теперь сказкою или какимъ-то миеомъ. А потому и не удивительно, что не только великія событія нашего двѣнадцатаго года, но и мелкія обстоятельства, нерѣдко представляются въ видѣ превратномъ. Это пало и на меня, и вотъ какимъ образомъ:

Однажды, (гдѣ и когда? до этого нѣтъ нужды): бывший издатель *Телеграфа*, не знаю, почему и къ чему, вдругъ заговорилъ: «будто бы

2-го Сентября 1812 года, при переходѣ нашихъ войскъ по Рязанской дорогѣ, я сидя въ арбузѣ, и будто бы увидя Н. М. Карамзина, закричалъ ему: «вотъ что вы надѣлали съ вашею любовію къ Французамъ; они въ Москвѣ!»

Это сущая небылица. Н. М. Карамзинъ не только не возбуждалъ никакого пристрастія къ Французамъ, но онъ первый у насъ 1802 года въ Вѣстникѣ Европы, ссылаясь на свидѣтельство Лафатера, напечаталъ, что «Консулъ Бонапартъ переживаетъ славу свою.» Онъ первый возставалъ противъ тогдашнихъ уродливыхъ Парижскихъ модъ. Въ послѣдній разъ 1812 года, я видѣлся съ нимъ въ Москвѣ 18 Августа. Въ этотъ день на дачѣ въ Сокольникахъ, подалъ я Графу Эдмунду Васильевичу Растопчину мою записку: «о лѣсномъ вооруженіи по уздамъ, не занятымъ еще непріателемъ.» Прочитавъ ее, Графъ сказалъ: «завтра я васъ отправлю и заготовлю письма къ Предводителямъ, а сегодня объдайте у меня. У меня будутъ нашъ Исторіографъ и Князь Юсуповъ.» За обѣдомъ былъ общій разговоръ, но не о Москвѣ. Послѣ обѣда мы пошли въ садъ, гдѣ Князь Юсуповъ рассказывалъ, что въ бытность свою посломъ во Флоренціи, онъ видѣлъ тамъ грамоты нашего Епископа Исидора, поданныя имъ на Флорентійскомъ Соборѣ. Въ это время торопливо подскочилъ къ Графу одинъ изъ его людей, и что — то шепнулъ ему на ухо. Графъ пошелъ въ слѣдъ за нимъ, и минутъ черезъ десять возвратился смѣясь и сказалъ: «двое добрыхъ мѣщанъ, привели какого-то худошаваго

ремесленника Нѣмца, принявъ его за шпиона. Поговоря съ Нѣмцемъ, я далъ его провожатымъ рубль серебра, и сказалъ: подите съ Богомъ, братцы! это не шпионъ и не шампинионъ, какъ вы его называете, а мухоморъ.»

Вотъ вѣрный отчетъ о послѣднемъ свиданіи моемъ съ нашимъ Исторіографомъ 1812 года. Впрочемъ, это правда, что сидя на лошади, я не ѣлъ, но пилъ изъ арбуза. Жажда смертельная томилъ меня. И было отъ чего! Дня за четыре до 2 Сентября, Графъ сказалъ мнѣ на нашемъ уединенномъ совѣщаніи: «Я спущу въ Москву рѣку и вино и все съѣстное. Отъ перваго, можетъ быть, будетъ запахъ. Нужды нѣтъ.» И была работа: и опустыли и мучныя лавки и лабазы.

Года за два до нашествія, М. Т. Каченовскій, напечаталъ въ Вѣстникъ Европы, что я пишу для мучныхъ лавокъ. Онъ былъ правъ. Мучныя лавки не дремали. 2-го Сентября въ нихъ не осталось ни зерна. Опустыли и дома, гдѣ пиrowала роскошь.

Остановимся здѣсь. Тутъ предстоитъ важнѣйшее обстоятельство въ томъ походѣ Наполеона въ Россію, который, на островъ Св. Елены, называлъ онъ: «неловкимъ и неуклюжимъ.» (*)

1813 года, Русскіе полки были уже за границей, когда въ союзныя войска прибылъ изъ-за Океана Генералъ Моро. Онъ, такъ сказать, мелькнулъ только въ рядахъ ихъ и исчезъ. Но онъ говорилъ, что для успешной борьбы съ

(*) Campagne gauche.

Наполеономъ нужны лазутчики или шпіоны, раз-
сторонные, смѣтливые и вѣрные.

Стало-быть и Наполеону нужны были такіе же шпіоны. Но ихъ у него не было въ Москвѣ, или были—очень плохіе. 1812 года, въ ночь на 19-е Іюля, Императоръ Александръ отправился въ Петербургъ изъ Москвы; и Москва часть отъ часу пустѣла. Наполеонъ этого не зналъ. Миръ съ Оттоманскою Портою торжествовали въ Москвѣ, Наполеонъ и этого не зналъ. Объ этомъ обстоятельстве свѣдалъ онъ 26 Августа, на полѣ Бородинскомъ отъ Генерала Лихачева, который, въ то мгновеніе, когда былъ сбитъ съ батареи, бросился со шпагою въ рукахъ въ ряды непріятельскіе и былъ взятъ въ плѣнъ.

Второго Сентября, въ день перехода Русскихъ войскъ чрезъ Москву, по запискѣ Кутузова къ Поліцейскому Начальству, всѣ огнегасительныя орудія обращены были на Владимірскую или Казанскую дорогу; Наполеонъ и этого не зналъ. Сутокъ за трое до входа Наполеона въ Москву, выѣхали изъ нее всѣ присутственныя мѣста, Сенатъ и вся почетность Московская, онъ и этого не зналъ.

И вотъ онъ на горѣ Поклонной, Москва въ виду, въ глазахъ его. Маршалы, негодовавшіе на него на полѣ Бородинскомъ, спѣшили его привѣтствовать. Но эта мечта быстро разсѣялась. Наполеонъ ждетъ и Сенатъ и какихъ-то Бояръ. Наконецъ, прошло чрезъ Москву все Русское войско; оставили ее всѣ Начальства; и — онъ ничего не зналъ, и не могъ ничего знать. Не нужны бы-

ли ему шпіоны въ Москвѣ. Все было ему предсказано; всѣ опасности похода его въ Россію, разительно были ему представлены : и гдѣ ? Въ Тюльерійскихъ его чертогахъ.

Объяснимъ это.

Я читалъ и перечитывалъ историковъ Наполеона ; но, кажется , ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ различія между вторженіемъ его въ Испанію и походомъ въ Россію. Войну съ Испаніей превозносилъ Сенатъ Французскій; ее называли : *политическою , необходимою*. Ораторы въ громкихъ возгласахъ своихъ истошали лесть. Графъ Лассепедъ говорилъ тогда Наполеону : «Людовикъ XIV' десять лѣтъ воевалъ съ Испаніей, а Вы, Государь, все совершите въ нѣсколько дней.» И изъ устъ Наполеона гремѣли перуны. «Мнѣ Богъ далъ силу преобразовывать народы!» восклицалъ онъ. Не то было предъ походомъ въ Россію. Все во Франціи безмолвствовало ; одна истинна громко и отважно возвышала гласъ, Коленкуръ , бывшій Посломъ въ Россіи , высказалъ Наполеону все то , что постигло его въ нашемъ Отечествѣ 1812 года. То же предрекали ему и Князь Понятовскій и Графъ Сегюръ , бывшій Посломъ въ Россіи еще при Екатеринѣ II ; отклонялъ Наполеона отъ бѣдственнаго похода и родной его дядя Кардиналъ Фешъ. На всѣ возраженія, Наполеонъ спокойно отвѣчалъ , что его призываетъ въ Россію, какая-то для него самого непостижимая сила , что онъ долженъ ей повиноваться, и что, когда онъ для нее не будетъ нуженъ, тогда падетъ и отъ одной былинки. И эта

былинка пала на него 2 Сентября 1812 года, у Драгомиловской заставы, гдѣ, по словамъ Французскаго историка, остановился онъ въ какомъ-то оцѣпененіи. Мюратъ взялъ его подъ руку; ввелъ въ заставу, и сказалъ: «ступайте! вотъ Москва!»

Перешагнувъ Наполеонъ за заставу и бѣжалъ въ загородный пріютъ, на берегъ рѣчки Сѣтуни. Это названіе *пятой* рѣчки, которая, въ соединеніи съ *четырьмя* рѣчками поля Бородинскаго: Войнею, Кодочкою, Стонцемъ и Огникомъ, выражаетъ событія 1812 года. Но въ загородномъ пріютѣ на Сѣтуни не было ни *войны*, ни *битвы*, ни *стома*, ни *огня*. Все это затаилось на полѣ Бородинскомъ, въ исполинской могилѣ сражавшихся войскъ. Слухъ Наполеона давно свыкъся съ громами ратными; но онъ въ первый разъ встрѣтилъ гробовое безмолвіе: и гдѣ? Въ древней столицѣ земли Русской. Въ туманномъ недоумѣніи своемъ, онъ не сличалъ тогда время; но мимо его и мимо всѣхъ расчетовъ человѣческихъ, ударилъ срокъ двумъ столѣтіямъ, когда земля Русская спѣшила къ Москвѣ, и когда мясному продавцу Минину поручила она: «добывать землю Московскую.» Но въ перелетѣ двухъ вѣковъ все переменялось и въ Европѣ и въ Россіи. Ужаси и этого не зналъ Наполеонъ?

Обращаюсь къ разсказу.

Въ Москвѣ, полки большой арміи его, раскидывали сторожевые огни по улицамъ; а Наполеонъ, изъ уединеннаго пріюта своего, видѣлъ первый отблескъ великаго Московскаго пожара,

вспыхнувшего на Пятницкой, отъ загорѣвшагося виннаго двора; тамъ слышалъ грохотъ отъ взрыва съ казенными вещами барки подъ Симоновымъ; оттуда посылалъ онъ справляться: «нѣтъ ли какого подкопа подъ Кремлемъ?»

И все это было только началомъ бѣдствій, постигшихъ въ стѣнахъ Москвы горестные полки нашествія. Во второмъ Сентябрѣ 1812 года, заключалось рѣшеніе гибельной ихъ судьбы: и голодъ и пожаръ и вооруженіе поселянъ подмо-сковныхъ.

Объ этомъ предложу въ особенной статьѣ, подъ заглавіемъ: «О причинахъ неудачъ Наполеона въ Москвѣ и на всѣхъ его поприщахъ.» Въ этой же статьѣ помѣщено будетъ и Французское письмо Суворова, къ родному его племяннику Князю А. И. Горчакову. Вотъ что онъ говоритъ о Генералѣ Бонапартѣ въ концѣ этого достопамятнаго письма:

«Tant que le general Bonaparte conservera sa présence d'esprit il sera vainqueur; les grandes combinaisons de l'art militaire lui sont échues en partage, «mais si pour son malheur il s'élance dans la carrière «politique, s'il rompt l'unité de la pensée — il se «perdra.»

«Пока Генералъ Бонапартъ будетъ сохранять присутствіе духа, онъ будетъ побѣдителемъ; великія соображенія военнаго искусства достались ему въ удѣлъ. Но если къ несчастію своему онъ бросится въ вихрь политическій, если разорветъ единство мысли; онъ погибнетъ.»

Много было толковъ о походѣ Наполеона въ

Россію. Баронъ Роніо, сочинитель книги: «О новомъ военномъ искусствѣ, приписываетъ его преждевременному ослабленію умственныхъ способностей Наполеона.» Предположимъ, что это было и такъ. Но отъ чего случилось это тогда, когда ему нужна была вся сила ума его, а не прежде, и когда отъ одного неосторожнаго шага, зависла вся его судьба? И какая судьба! невиданная дотогѣ въ лѣтописяхъ всемірныхъ. Есть, есть что нибудь выше земли, уничтожающее всѣ замыслы человѣческіе.

Есть Промыслъ Вышній. Когда 1755 года вмѣстѣ съ первыми огнями войны семилѣтней, землетрясеніе поглотило Лиссабонъ; взволновало Океанъ и потрясло берега Африки и Европы, нашъ проповѣдникъ Гедеонъ говорилъ: «мы вѣримъ, что горючія вещества могутъ колебать недра земли. Это дѣйствіе естественное. Но отъ чего это явилось тогда, когда запылала война и народы подверглись новымъ бурямъ бѣдственныхымъ?»

Фридерикъ II, не читая проповѣди Гедеона, сказалъ то же самое и въ то же время. «Отъ чего бури природы сливаются съ бурями нравственными? Мы это видимъ; но тайна этого извѣстна одному Провидѣнію.»

Я пишу это, можетъ быть, на исходѣ жизни моей. Но пока гостимъ и на этой землѣ, бываютъ отклики, которые переносятъ насъ къ темъ днямъ, когда душа кипѣла полнотою мысли и слова. Это случилось и со мною. Вотъ что изъ Парижа соотечественникъ нашъ А. И. Турге-

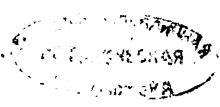
новъ передать о Русскомъ Вѣстникѣ: «Были и въ годину преобладанія Наполеона, свѣтлые пункты въ нашей Исторіи. Мы должны отыскивать нашу славу вездѣ, и въ Русскомъ Вѣстникѣ Глинки и въ депешахъ Талейрана и въ запискахъ Наполеона.

«И какое заключеніе дѣлалъ бы я изъ всѣхъ сихъ намековъ: то же, какое и Александръ I въ письмѣ своемъ къ Карамзину: «Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію.» (*)

Не кичусь тѣмъ, что ставя въ Русскій Вѣстникъ на ряду съ депешами Талейрана и Записками Наполеона. Мой Русскій Вѣстникъ былъ просто голосомъ своего времени и духа народнаго. Сказано уже было, что въ Маѣ 1808 года, посолъ Наполеона приносилъ на него жалобу. И эта слава принадлежитъ не мнѣ, но моему времени. Предводя военными громами, Наполеонъ страшился рѣзкаго выраженія духа народнаго. На мою долю относится только то, что ни мысль, ни душа моя, ни усердное перо не дремали въ ожиданіи необычайныхъ событій 1812 года.

Прибавимъ къ этому, что 1812 годъ ожилъ въ памятникахъ, воздвигнутыхъ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I, къ увѣковѣчиванію подвиговъ нашихъ героевъ и славы нашего Отечества.

(*) Москвитянинъ, 1848. № 3, стр. 8. Смѣсь.

Въ Саратовѣ.
Въ книжной лавкѣ
у дома Образцова
у церкви Михаила
Архангела.

*PB-38257-SB

5-19

6

2-1

ИЗДАВАЕМОЕ

Сергѣемъ Глинкою.

D
210
G5
v.1

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 28 2003
JUN 21 2004
JUN 21 2005
JUN 21 2005
APR 18 2005
JUN 8 2005
APR 1 2006
JUN 2 2006
JUN 2 2006
SEP 2 2006

